

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир КРУПИН
Мы не Иваны, не помнящие родства4
Юрий ЯХОНТОВ 89
Готские войны – это славянские войны
с Римом89

ПОЭЗИЯ

Александр КЕРДАН
Новые стихи.....9
Фёдор ВОСТРИКОВА
«А мне легко...»24
Ирина ЩЕРБИНА
«По тропам неожиданных разлук».....48
Пётр ГУЛДЕДАВА
Найти пути к самим себе.....60
Виктор КАШКИН
«Когда пойду полями ко всеобщей к реке...»...74
Светлана ГОРОШИЛОВА
«И покосные травы со мной говорят...»85
Юлия ЛЫСОВА
«По пыльной дороге, навстречу восходу...» 94
Сергей БУДАРИН
«На все стороны вольного света...» 102
Тамара ЛИЦИЦКАЯ
«Там, впереди, ещё нас ждут мгновения
прекрасные!»..... 110
Надежда ОХРИМЕНКО
«Чтобы снова душа зазвенела
на радостной ноте»..... 118
Марина НОВИКОВА
Но всё ж поставлю я свечу.....127
Павел САВИЛОВ
Я о картинах расскажу стихами.....138
Сергей УТКИН
«Я вписал себя в эти стихи...» 146
Рубен САРКИСОВ
«И эти сны, как крылья, ввысь уносят».....154

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(18) 2015
Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 20.12.15.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 11226.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Елена ТКАЧЕВСКАЯ
«Покой в душе как счастье осязаем...»157
Анатолий УВАРОВ
Назидания.....177
Пословицы и поговорки моего деда
Ивана Агафоновича Устинова189

ПАМЯТЬ

Леонид ЧИГРИН
Фон Штирлиц.. кем он был?.....15
Александр ДУБОВСКИЙ
Пришёл с мечом – остался с любовью.....107
Василий ПОЛЯКОВ
Рассказы.....131

ПРОЗА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Еким Петунников
Отрывок из романа «В некотором царстве...».....29
Елена ГНИТЕЕВА
Девять жизней.....98
Василий КОЛБИН
Кто в тайге Хозяин?.....113
Андрей ЗЕЛЕНИН
Мост.....122
Сергей КАЛАБУХИН
Махмудыч.....141
Евгения ПИЩУЛИНА
Гармошка.....150
Сергей СКОРЫЙ
Оккупационные рассказы моей матери.....169

ЮБИЛЕИ

Игорь ФУНТ
Бескрайние владения души.....52

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Анатолий КАЗАКОВ
По деревням с бабушкой.....62

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий РЫЧЕНКОВ
Религиозный космизм поэзии
Юрия Богданова.....67
Владимир СМЫК
Приобщение к великому подвигу.....81

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Завершается год. Много было в нём и хорошего, и плохого, и судьбоносного, и суетного. Много как сбывшихся, так и несбывшихся надежд и чаяний. Много принёс он проблем, прежде представлявшихся маловероятными. Были и радости... Из самого значительного – состоявшийся Год Литературы, который, при всех возможных и справедливых оговорках, всё же исполнил свою миссию, привлёк внимание широких народных масс к проблеме чтения, сохранения литературного наследия всех народов многонациональной России; поднял проблему повышения престижа чтения и престижа писательского труда. Не все ожидания оказались полностью осуществлёнными, но что делать – сегодняшняя жизнь корректирует все замыслы... Прошедшее 70-летие Великой Победы – общенародный праздник, один из немногих оставшихся, объединяющих и скрепляющих нас исторической памятью и гражданским достоинством. Великая Победа – напоминание нам о великих потерях и столь же великих государственных и социальных достижениях многонационального советского народа... Раскол Русского Мира, прошедший через «незалежную» Украину, изменившую (во всяком случае, в лице своей политической элиты) многовековому общерусскому братству, поставил Россию перед новыми болезненными и судьбоносными вызовами. Расчёт на «здоровые силы» внутри Украины до сих пор не оправдал себя, хотя ждать нужно будет столько, сколько необходимо...

В этом году отметили юбилеи крупнейшие и старейшие писательские организации России. Союз писателей Чеченской Республики встретил своё 85-летие. Пермская краевая организация Союза писателей России отпраздновала 80 лет со дня своего основания. Мы поздравляем наших коллег и товарищей с этими знаменательными датами!

А всех россиян журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» сердечно поздравляет с наступающим Новым 2016-м годом! Желаем вам счастья, добра и процветания!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2015
© Авторы, 2015

Мы не Иваны, не помнящие родства

Кого называли такими словами? Тех, кто не помнил своих предков, не почитал их, не жил по их заветам. Но вообще в России отношение к истории и всей страны, и каждой семье всегда было самым уважительным. Очень много сделал для прославления России, русской истории Александр Сергеевич Пушкин. Когда скончался наш великий историк Николай Михайлович Карамзин, то именно Пушкин сменил его на посту государственного историка. Но вместе с тем Пушкин всегда изучал историю предков своей семьи. И говорил: я не хочу иметь никакой другой истории, кроме той, что Господь Бог дал России. А как много писал о древних и новых русских временах великий Ломоносов! Будем подражать им.

Кратко напомним этапы, через которые пришлось пройти нашей Отчизне, нашему Отечеству, нашему государству:

X век от Рождества Христова. Поход киевского князя Олега на Константинополь. Вспомните «твой щит на вратах Цареграда». Откуда строка? Правильно, из «Песни о вещем Олеге». Царь-град это и есть Константинополь. Предание говорит, что многие воины тогда приняли христианство.

Приход в Русские пределы равноапостольных Кирилла и Мефодия, моравских братьев, как их называют, «первоучителей словенских». Славянский алфавит, первые переводы Богослужебных книг с греческого и латыни.

957 год. Принятие христианства Великой равноапостольной княгиней Ольгой. Она – мать великого воина Святослава, прогнавшего из русских пределов племя хазар, и она – бабушка Великого равноапостольного князя Владимира, Крестителя Руси. А оно было в... Правильно, в 988 году. Воды Почайны и Днепра, в которые входили подданные Владимира, были освящены приехавшими из Византии греческими священниками. Именно от греков мы и приняли веру православную. И пришла

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 г. в селе Кильмези Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

она на Русь не так, как в языческую античность Европы, не с огнём и мечом, и казнями, а мирно, полюбовно. А славянские «боги», духи лесов, полей и болот, всякие лешие, кикиморы, соловьи-разбойники, змеи-горынычи убежали от святых икон в глухие места, стали героями сказок, а когда дожили до наших времён, пошли на работу в мультфильмы.

При Владимире создаются первые русские школы.

1015 год. Как в начале веков было братоубийство, Каин убил Авеля, так и в начале Православной Руси пролилась кровь. Святополк, названный Окаянным, убил своих братьев неповинных князей Бориса и Глеба. Это первые русские святые.

Тогда же, в XI веке на вершину русской церкви возводится первый митрополит, родом русский, Илларион. Он – автор величайшего памятника письменности и веры православной «Слова о Законе и Благодати».

Княжение Ярослава Мудрого. При нём учреждается «Русская Правда» – первые писаные Законы Руси. Знаменито Завещание Ярослава Мудрого. Его раньше дети учили наизусть. Вот, вчитайтесь, вслушайтесь: «Дети мои! Ежели вы будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших, а ежели станете ссориться, то погибнете и сами и погубите землю дедов и отцов ваших, которую они приобрели великим трудом. Живите же в мире и согласии».

Летописец Нестор, живший в то время и написавший необходимейшую для изучения «Историю временных лет», называет Ярослава Мудрого русским царём Соломоном.

XI век – время подвигов великого воина, затем монаха Киево-Печерской лавры Илии Муромца. Начинается духовное сияние Киево-Печерской лавры. Основатели – святые Антоний и Феодосий.

Начало XII века – княжение великого князя Владимира Мономаха. А какая при этом имени вспоминается русская пословица. Вспомнили? Да, «Тяжела ты, шапка Мономаха!»

В этом веке Великий князь Андрей Боголюбский переносит столицу Руси из Киева во Владимир на Клязьме. Вместе с ним на север приходит икона Божией Матери, написанная евангелистом Лукой, и отныне называется Владимирской. Вскоре на Русь нахлынуло ордынское иго татаро-монголов.

Горят города, гибнут церкви, течёт кровь, Киев сожжён. Подвигов русских не счесть. Чего только стоит оборона Козельска (это недалеко от Оптинской пустыни). При битве на Калке мы терпим поражение именно по причине нашей разобщённости, о чём предупреждал Ярослав Мудрый.

Вслед за Чингисханом следует нашествие Батыя. Русь платит непосильные дани. Захватчики грабили жестоко: «У кого коня нет, у того корову возьмёт. У кого коровы нет, у того жену возьмёт».

В Орде мученически гибнет князь Михаил Черниговский, не пожелавший поклониться языческим идолам (1243 г.).

Но засияло и нам солнце побед! На реке Неве поражает шведов – воинов Ватикана Великий князь Александр, названный Невским.

Это 1240 год. А через два года он же на льду Чудского озера блистательно побеждает тевтонцев, тоже выполняющих заказ Ватикана. Судьбоносные победы! Если степняки-ордынцы грабили наши материальные богатства, то латиняне посягали на Веру Православную. Вот она-то и есть наше главное богатство.

Созидается и северная лавра, лавра преподобного Сергия Радонежского. Его мы называем ангелом-хранителем Русской земли. Во все века не

уменьшается поток людей, идущих поклониться ему, попросить у него помощи.

1380 год, сентябрь, Рождество Пресвятой Богородицы. Свершилось! При Московском митрополите Алексие князь Димитрий Иоаннович Донской наголову разбивает войска хана Мамаю между реками Дон и Непрядва. Битву начинает монах Александр Пересвет, которого послал в помощь Димитрию святой Сергий. Когда шла битва, Сергий стоял на молитве и называл имена тех, кто погибал в это время на Поле Куликовом.

Ещё много было нашествий на Русь, на Москву. Ханы Едигей, Тамерлан вели войска, но уже Русь становилась непобедимой.

Центр Православия Божиим промыслом переходит в Россию. В 1453 году Константинополь взят турками.

У нас правит больше сорока лет умнейший Иоанн III (1462-1505 гг.) При нём окончательно сброшено татаро-монгольское иго (1480 г.)

Иоанн IV, прозванный Грозным, принимает на себя титул царя и венчается на царство в Успенском соборе Кремля (1547 г.). Расширяет Российское государство. Покоряет Казань, побеждает ливонцев. Присоединяет Сибирь. Его соратники митрополиты Филипп и Макарий.

С 1589 года в России Патриаршество.

Горький для России год – 1591 – убиение царевича Димитрия в Угличе. От этого события начинается счёт годам Смутного времени. На престоле Борис Годунов. Всё время Россию будоражат слухи, что Димитрий жив. Эти слухи помогают полякам ввести войска в Россию, даже захватить Москву. Ещё бы – все уверены, что наследник престола жив, что в России законный царь. Нет, это Лжедмитрий. Вводит в Успенский собор католичку Марину Мнишек, поляки шарят по всему государству, безнаказанно его грабят.

Подвиг Костромского крестьянина Ивана Сусанина. Народное ополчение нижегородского купца Козьмы Минина и зарайского воеводы Димитрия Пожарского. Лжедмитрий убит, но появляется другой «царь» Лжедмитрий II, названный Тушинским вором, так как его войска стояли в Тушино.

Полуторогодовое стояние в осаде Троице-Сергиевой лавры. Выстояла лавра – выстояла Россия. Подвиг патриарха священномученика Ермогена.

1612-й год. Изгнание поляков.

1613 – начало царствования династии Романовых. Призвание на царство Михаила Романова. За ним многолетнее правление Алексея Михайловича. При нём беда – раскол в церкви. Столкновение патриарха Никона и протопопа Аввакума. Исправление Богослужбных книг. Учреждение российского (византийского) герба.

Стрелецкий бунт. Царевна Софья. И с 1689 по 1725 год царствование Петра Великого. Усиление мощи Российской державы. Победа в Полтавской битве (1709 г.). Основание Петербурга, города святого апостола Петра (1703 г.).

С 1721 года Россия именуется империей, а царь – батюшка императором. В этом же году на долгие годы прерывается Патриаршество в России. Церковная власть отныне до 1918-го года принадлежит Святейшему Синоду.

XVIII век – век женщин на престоле России. Екатерина I, Анна, Елизавета, Екатерина II. Восстание Пугачёва, деление России на губернии, победы Суворова на суше и Ушакова на море, присоединение Крыма, Новороссии. Великий Ломоносов, великая литература, открытие русскими Антарктиды.

С конца века Павел I. Дворцовый переворот, убийство Павла.

Время Александра I, затем Николая I. Его иногда называют Пушкинской эпохой. Это время взлёта русской культуры, литературы и музыки. Державин, Жуковский, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Глинка...

Строительство Храма Христа Спасителя, после революции взорванного, ныне возрождённого.

Благодаря связям со Святой Горой Афон и у нас возрождается монашество и старчество. Святители Тихон Задонский, Димитрий Ростовский, Фотий, Платон, преподобные Паисий Величковский, Серафим Саровский, затем Филарет Московский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, старцы Оптиной пустыни – спасители России, её молитвенные заступники, учителя.

Но одновременно и усиление нашествия Запада на нас. Наполеон, а с ним «двунадесят язык», то есть вся Европа пыталась нас покорить, заставить жить по-своему. Бородинская битва (сентябрь 1812 г.). Восстание декабристов. Их имена долго внедряли в сознание как имена народных героев. На самом деле это были враги престола, значит, и враги России.

1861 год, отмена крепостного права. Гончаров, Достоевский.

В XIX веке много войн. Кавказские народы добровольно просят русского царя принять их в семью российских народов. Крымская война с французами и англичанами. Героическая оборона Севастополя.

Канонизация русских святых при Николае II. Создание Нового Афона на Северном Кавказе (Абхазия) на месте мученической кончины великих святых, апостола Симона, святителя Иоанна Златоустого, там, где прошёл и святой Первозванный апостол Андрей.

В начале XX века русско-японская война. Усиление революционной заразы. Проповеди святого батюшки Иоанна Кронштадтского. Его противостояние учению Льва Толстого. Разнузданность журналистики.

Первая мировая война. Большевики делают всё, чтобы разложить армию, чтобы восстановить народ против царя, стараются внушить мысль о возможности построить рай на земле.

После Февральской революции Октябрьский переворот. Заключение под стражу, затем расстрел царской семьи. Расстрел новомучеников Владимира Киевского и Вениамина Петроградского. Гонения на священство.

Всероссийский Собор, возвращение Патриаршества в Россию. Священномученик Патриарх Тихон. Его кончина. Всенародное горе.

Соловки – место мучений священников. Но оно далеко. А вот Бутовский полигон – место расстрела – совсем близко от Москвы. Там захоронения, это только представить, свыше трёхсот человек, которые причислены к лику святых. Конечно, там обязательно надо бывать и молиться этим святым – нашим ангелам-хранителям, заступникам за многострадальное наше Отечество.

Отечественная война (1941-1945 гг.) с обезбоженной Европой. Война как милость Божия для возрождения церковной жизни в России. Даже и время хрущёвских гонений не смогло противостоять воле народной – открыто исповедовать веру во Христа. Времена Хрущёва называют «оттепелью». Смешно, какая оттепель, когда Хрущёв обещал к 80-му году «показать по телевизору последнего попа».

Мы не Иваны, не помнящие родства.

Празднование 600-летия Куликовской битвы в 1980-м и Тысячелетия Крещения Руси в 1988-м войдут в Историю как незабываемые взлёты народного духа и единения во Христе.

Прославление сонма Российских Новомучеников, в том числе преподобномученицы Елисаветы и инокини Варвары, царственных страстотерпцев Николая, Александры, Алексия, Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии, святого праведного Иоанна Кронштадтского, блаженной Ксении Петербургской, святой и праведной Матроны Московской, преподобного Андрея Рублёва и многих-многих в Отечестве нашем просиявших.

Мы должны сохранить и передать дальше, своим потомкам главный завет предков:

РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ!

Сейчас счастливое время возрождения святынь, крепнет Вера Православная. Прошло время бесплодных попыток изгнать Бога из России. Россия – подножие Престола Царя Небесного, Россия – дом Пресвятой Богородицы.

Велика Россия, а вся умещается в сердце. У нас она одна, нет запасной родины. Нас любит Бог, будем и мы любить Его!

ПОЭЗИЯ

Александр КЕРДАН

Александр Борисович Кердан – родился 11 января 1957 г. в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооружённых Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 53 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале, в Западной Сибири и в США. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала.

Живёт в Екатеринбурге.

НОВЫЕ СТИХИ

Н. Ягодинцевой

Парадоксальность бытия
Уже постиг, как будто я,
Но в постижение этом
Ущербность прячется моя
Пред звонкой песней соловья
На краешке рассвета.

Он растворён в своей судьбе
И забывает о себе,
Когда выводит трели...
И отступает ночи тьма,
И соловьи без ума
К нему на куст слетелись,

И сгрудились со всех сторон,
Но их не замечает он,
Выводит обертоны –
Самой природы камертон,
Он знает лишь один закон –
Превозмогать законы.

Чёрный пруд

1

Чёрный пруд и кромка льда,
Берега покрыты снегом,
И качается звезда
Над бредущим человеком.

Он, как видно, одинок
В этот час зимы начальной,
И звезда над ним, как Бог,
Сверху свет струит печальный.

Объяснять напрасный труд
Смысл брожений бесполезных...
Кромка льда и чёрный пруд –
Отраженье вечной бездны.

2

Чёрный пруд, как будто взор
У смертельного больного:
И прозренья, и укор...
И невольно вспомнил снова,
Как товарищ умирал.
Взгляд его – у самой грани –
Так же бездну отражал
И таил в себе страданье.

В нём осколком стылым льда
В эти долгие мгновенья,
Как кристалл, росла звезда
И прощанья, и прощенья...

Как будто проживаю жизнь иную,
Написанную с чистого листа.
Безумствую, влюбляюсь и ревную,
Судьбу целую в горькие уста.

Она меня и гнула, и ломала,
Подначивала, мол, держись, герой!
Но всё-таки так сладко целовала,
Так улыбалась ласково порой.

Мы с ней неразделимы неслучайно,
Хоть чистый лист бери сто раз на дню.
Её и разгадав, как будто тайну,
Я никогда ни в чём не обвиню.

Ведь как я измениться ни пытаюсь,
Она неизменима до конца.
Не потому ли, вновь и вновь влюбляюсь
В знакомые черты её лица...

Просто – сердцу горячо
Биться, о судьбе гадая,
Так, как будто жизнь ещё,
Словно утро, молодая.
Так, как будто каждый миг
В предвкушении удачи...
Света солнечного блик
Может мир переиначить,
Высветив его насквозь,
Как волну в речной протоке,
Где дрожит икринок горсть
На ладони у осоки.

Ночной дождь

Он льёт и льёт, тягучий, словно сплин,
Когда ты без любви живёшь один –
Дождь монотонный, серый, скучный, но
Мне в эту ночь с мечтою не темно:
Она, как солнце озаряет мрак...
Пусть даже в жизни будет всё не так!
Но – не сейчас, а после, погодя,
Когда умолкнет перестук дождя,
И сердце разорвётся от тоски,
Как в лужах дождевые пузырьки...

Любовь меняет адреса и лица,
Но остаётся всё-таки собой –
Красивою и трепетною птицей,
Вспорхнуть готовой в небо в миг любой.

Поймал её – дивись удаче редкой,
Но не надейся, что надёжна сеть:
Такую птицу не удержишь в клетке
И не заставишь по приказу петь.

Она поёт сама порой весенней,
И выбирает нас она сама...
Я видел эту птицу в отдаленье,
Я до сих пор схожу по ней с ума.

И мне порой осенней часто снится:
Я в чистом поле юношей стою,
И дивная, чарующая птица
Легко садится на ладонь мою...

Вино ценней становится с годами,
Но разговор совсем не о вине.
Чем больше расстояние меж нами,
Тем образ твой милей, дороже мне.

Прозрачней и мечты мои, и память,
Все грани красоты твоей видней...
Чем больше километров между нами,
Тем ты душе становишься родней.

Прожить свой век нельзя, не расставаясь,
И только тем и утешаюсь я,
Что, уезжая, всё же приближаюсь
К тебе, незаменимая моя...

Переполнен нежностью наивной,
Молодой, с годами неизбывной,
Нежностью почти что неземной...
Так прекрасно – смерти не бояться,
Перед жизнью смело обнажаться,
Что сродни поэзии самой,
Трепетной до самоотреченья,
Солнечной до умопомраченья,
Мудрой и доверчивой, как сон,
Где и каждый звук, и жест – на месте,
Где с тобой мы вечно будем вместе,
Даже, если вместе – не резон.

26 ноября

Была когда-то первая любовь,
Теперь пора последней наступила.
Но у любви любой такая сила,
Что каждый раз – всё неизбежно вновь.

Как будто опыт прошлый – ни при чём,
И сердце не извело ожога:
Всё тянет пламя жгучее потрогать –
А вдруг оно не так уж горячо...

Пусть даже обожжёт – не понарошку,
И даже всё вокруг испепелит,
Нас Вечность той любовью исцелит,
Которая, как солнышко в окошке.

Любовь становится любовью не тогда,
Когда её мы облакаем в слово...
Она всегда сияет, как звезда
Для избранных, что видеть свет готовы.

И этот свет струится сотни лет,
Пока не превратится в слово чувство...
Запомни это и молчи, поэт,
Молчи, когда на сердце пусто.

Композитор

Душа объята трепетным огнём,
Уводит сердце в неземные кущи...
И нотный стан со знаками на нём,
Как стенограмма чувств, во мне живущих.

И гармоничен мир, где звуков рой,
Как будто гимн безоблачному детству,
Где и любовь казалась мне сестрой,
И другом – враг, живущий по соседству...

Посмотрите, мир мерцает:
Темнота и – снова свет
Мрак вселенский отрицает,
Будто вовсе мрака нет.

И во мне – мерцанье то же,
Чередует свет и тьму:
Нынче сердце сумрак гложет,
И не верю никому.

А потом – опять оттаю
И улыбкою лучусь...
Мир мерцает, я мерцаю –
Может, так и научусь

К переменам быть готовым
И искриться, как мечта,
Чтоб к мирам отчалить новым,
Где не властна темнота...

Предчувствие разлуки

Давно ли встречи ждал, как жду разлуки,
Как будто будет легче издали
Переживать все радостные муки
Моей любви.

Как будто проще – нам встречаться реже
Или совсем встречаться перестать...
Как будто, правда, сердце из железа,
Часам под стать.

Как будто, если стану бессердечным,
Считать мне будет легче во сто крат
Мгновения разлуки бесконечной.

Мгновенье, что судьбой людской зовётся,
Собой соединяет два крыла:
Эпоху, что до нас с тобой была,
И ту, которая потом начнётся...

Две бесконечности, струящие свой свет,
Две гулких темноты, что – неделимы:
Лишь крыльев взмах, как жест из пантомимы,
В которой человеку места нет.

ПАМЯТЬ

Леонид ЧИГРИН

Фон Штирлиц... кем он был?

Приключенческий сериал «Семнадцать мгновений весны» смотрели, наверное, все. Его главный герой, штандартенфюрер Макс Отто фон Штирлиц, блестяще сыгранный популярным актёром Вячеславом Тихоновым, никого не оставил равнодушным. О нём говорили, на память воспроизводили эпизоды кинофильма, восхищались хладнокровием советского разведчика, его выдержкой, умением находить выходы в критических ситуациях.

Киношный Штирлиц стал подлинно народным героем. Сотрудники правоохранительных органов говорили, что в те дни, когда сериал демонстрировался по телевидению, в Советской стране резко снижался уровень преступности. У «голубых экранов» сидели даже те, чьей профессией было очищать карманы и квартиры добропорядочных обывателей. Словом, это было попадание в «десятку» в искусстве кино 70-х годов минувшего времени.

Интерес к сериалу «Семнадцать мгновений весны» был непреходящим. С тем же горячим вниманием смотрели его повторные трансляции и позднее, не замечая явных накладок, вроде таких, когда на вагоне поезда в Берлине красовалась надпись по-русски «Посадочных мест 60», или Штирлиц сидит на обочине дороги, возвращаясь в Берлин, а мимо проезжают «Жигули». А если и замечали, то прощали создателям фильма такие несообразности, поскольку личность главного героя завораживала зрителей.

Но были и другие отзывы. В то время я работал в редакции городской газеты и получил задание написать очерк об одном из лучших строителей Таджикистана. Выбор пал на немца Курта Шрайбера.

Биография его была показательной. В годы Великой Отечественной войны он имел звание гауптмана и служил в Абвере, военной разведке и контрразведке фашистской Германии. Попал в

Леонид Александрович Чигрин – родился в Белоруссии, в посёлке Осинторфе в 1942 г. Журналист, сценарист, прозаик. Один из ведущих русских писателей Средней Азии. Романы и повести переведены на английский, китайский, японский, турецкий языки.
Живёт в Душанбе.

плен за год до окончания войны, добросовестно, как и полагается немцу, отбыл десятилетний срок в одном из сибирских лагерей, а затем местом жительства ему была определена Средняя Азия. Жил в Душанбе и работал каменщиком, штукатуром и электросварщиком в строительном управлении и ждал возможности вернуться в послевоенную Германию.

В очерке следовало показать, как Курт Шрайбер «перековался» в условиях советской действительности и стал одним из её активных граждан.

Встретились мы с ним у него дома. Жил он с размахом: большой плановый дом, неподалёку от центра города, подсобные помещения, времянки, сад, огород, куры и утки, кролики. Времянки сдавал жильцам и имел с этого дополнительный доход.

Беседы по теме у нас не получилось. Курт Шрайбер не ощущал себя «перекованным», говорил осторожно, подбирая слова. О работе рассказывал, а на остальные вопросы предпочитал не отвечать. Сказал только, что хочет уехать на родину и терпеливо ждёт этого дня.

– Но разве в Германии вы будете жить, как тут? – полюбопытствовал я, обводя взглядом просторную гостиную с добротной полированной мебелью.

– Может, и не буду, – отозвался Шрайбер, – но это родина.

Разговор перешёл на фильм о Штирлице.

– Фальшивка, – сказал бывший гауптман категорически. – Я посмотрел первые серии «Семнадцати мгновений весны», выключил телевизор и больше не включал его. – И дальше саркастически заметил: – Штирлиц служил в Центральном аппарате СД, где были профессионалы высочайшего класса. Он бы только перешагнул порог этого ведомства, как его бы тут же разоблачили и арестовали.

– Почему? – удивился я. – Ведь он прошёл специальную подготовку.

Курт Шрайбер снисходительно усмехнулся.

– Вам этого не понять. Прежде, чем достичь звания штандартенфюрера, полковника, по-вашему, он должен был пройти все ступени офицерской лестницы, начиная от лейтенанта и до старшего офицера. Это специфическая среда, имеющая свои профессиональные особенности. Человек вбирает их в себя, они становятся его сущностью. Он держится, ходит, говорит и мыслит как немецкий офицер. Этого не достичь никакой тренировкой. Мне стоило посмотреть две серии, и я увидел, что это не немецкий офицер, а подсадная утка.

Я попытался оспорить утверждение бывшего гауптмана, но он отмахнулся от моих доводов.

– Вот если бы Штирлиц был настоящим немецким офицером, и его завербовала советская разведка, тогда – да, он соответствовал бы своей роли. А так фальшь на каждом шагу.

Больше мы не возвращались к этой теме, но спор с Куртом Шрайбером мне запомнился, хотя я так и остался убеждённым сторонником Штирлица.

Через несколько лет после этого эпизода в Душанбе приехал писатель Юлиан Семёнов, создавший образ штандартенфюрера Штирлица поначалу в книге, а затем и в литературном сценарии к художественному фильму.

В Таджикистане издали роман Юлиана Семёнова «Горение» о первом чекисте Советской страны Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Писатель хотел получить причитающийся ему гонорар. Сумма была немалой по тем временам – сорок тысяч рублей. Директор издательства стал просить Юлиана Семёнова забрать эти деньги по частям. Сперва ему выпишут аванс, а остальное перешлют, по мере возможности. Сорок тысяч рублей – это авторский

фонд издательства на весь год. Если сейчас выплатят Семёнову всю причитающуюся сумму, то издательство лишится возможности работать с местными авторами.

Юлиан Семёнов не внял просьбе редактора издательства.

– Это ваши проблемы, – проговорил он непреклонно. – Я ждать не намерен.

Деньги ему выплатили полностью, но между ним, именитым московским писателем, и представителями таджикской творческой интеллигенции возникло отчуждение. С ним должна была состояться пресс-конференция, но журналисты не пришли. Я же пришёл, поскольку мне было поручено молодой редакцией Всесоюзного радио провести с Юлианом Семёновым интервью. Отказаться я просто не мог. Наш разговор состоялся, как говорится, в приватной обстановке.

Юлиан Семёнов был раздосадован.

– Я понимаю, – говорил он, – меня сочли бездушным и жадным человеком, лишённым понятия писательской корпоративности. Но это не так. У меня возникли особые обстоятельства, связанные с лечением близкого родственника за рубежом, при которых срочно нужны деньги.

Я не стал заострять внимание на этой теме и поведал писателю о своём давнем диалоге с бывшим немецким абверовцем.

– Ваш гауптман в какой-то мере прав, – согласился Юлиан Семёнов, – действительно, любая профессия имеет свою специфику, которая проникает в плоть и кровь человека, и искусственно её не воссоздашь. Поэтому наши резиденты разведок и вербовали агентов за рубежом в той сфере, в которой они были заняты. В сериале «Семнадцать мгновений весны» мы поставили перед собой задачу – создать героический, романтизированный образ разведчика именно для советского зрителя. Обобщённый образ, который вобрал бы в себя лучшие черты целого ряда наших нелегалов. И при этом должен быть приключенческий фильм развлекательного характера. Потому мы и пошли сознательно на некоторые отклонения от правды жизни, полагая, что наш зритель этого не заметит. А что касается иностранных профессионалов разведки, то сериал не должен был прокатываться за рубежом. И, надо сказать, своей цели мы достигли. Сериал получился захватывающе интересным и облагородил наших «тружеников незримого фронта», хотя далеко не все они были идеальными. Штирлиц стал образцом для подражания молодёжи, разведчиком-патриотом, работавшим в интересах СССР в нацистской Германии в «самом её пекле».

– Вы сказали – обобщённый образ. Значит, подлинный Штирлиц не существовал? А был ли Максим Исаев, разведчик, принявший облик Штирлица?

Юлиан Семёнов улыбнулся.

– Этот вопрос мне задают постоянно, на встречах с читателями и зрителями. И всех их приходится разочаровывать: ни Штирлица, ни Максима Исаева в действительности не было. Они – плод авторской выдумки, на основе целого ряда прототипов.

– Но, наверное, всё-таки был основной прототип?

– Был, – согласился писатель. – Некоторые эпизоды и черты характера Штирлица я взял у Сергея Петровича Владимирова. Об этом замечательном советском разведчике написаны книги, и нет смысла рассказывать о нём подробно. Но я старался, чтобы Владимиров не был узнаваем в герое сериала «Семнадцать мгновений весны».

– Были догадки, что прототипом Штирлица послужил и другой советский разведчик – Яков Григорьевич Блюмкин.

Юлиан Семёнов поморщился.

– Вот уж, чего нет, того нет. Да, Блюмкин был удачливым агентом, много лет действовал нелегалом под разными прикрытиями в Монголии, Индии, Сирии, Египте и Палестине. Но он был одиозной фигурой, эсером-террористом, принявшим Советскую власть. Одно покушение на германского посла Мирбаха чего стоит. Нет, Блюмкин как прототип мог бы только принизить образ Штирлица.

– Но, наверное, был всё-таки кто-то из реальных советских разведчиков, кто был вам ближе всех по духу и симпатичен, и с кого, волей или неволей, вы рисовали образ Штирлица?

Юлиан Семёнов засмеялся.

– Ну, уж, если наша беседа приобрела характер допроса, то сознаюсь – такой разведчик был. Это Бертольд Карлович Ильк, самая поразительная фигура в Иностранном отделе НКВД, занимавшемся внешней разведкой.

– А нельзя ли о нём обстоятельнее?

Писатель отрицательно покачал головой.

– Нельзя. Это, как первая любовь, о которой не принято распространяться. Я дал вам отправную точку, а дальше действуйте сами. «Ищите и обрящете», как говорится в Священном писании.

Моё интервью с Юлианом Семёновым было написано, но в Таджикистане его не опубликовали. Его неуступчивость в отношении причитающегося ему гонорара за книгу вызвало раздражение у наших идеологических руководителей тогдашнего времени, и мой материал не увидел света.

Но разговор, состоявшийся с известным советским писателем три десятилетия назад, не выветривался из памяти. И теперь, когда прошло двадцать два года со дня кончины Юлиана Семёнова, я решил вернуться к тому давнему разговору, но теперь уже, как говорится, в другой плоскости.

Итак, ищите и обрящете.

Поиски деталей биографии Бертольда Илька походили на намывку золота, по выражению Владимира Маяковского: «В грамм добыча, в год труды». Кое-что рассказал о нём тогдашний руководитель КГБ Таджикистана, а в остальном приходилось действовать самому. Образ советского разведчика Илька проступал постепенно, как на проявляемой фотографии, из нерезкости к чёткому изображению.

И наконец сложилась более или менее исчерпывающая картина.

Бертольд Карлович Ильк родился в Австро-Венгрии. Действовал под агентурным псевдонимом Макс Вайнер. Как советский агент он не знал себе равных, и его труд нелегала заслуживает отдельного киноплощения.

В Вене Бертольд Ильк окончил гимназию, затем Экспортную академию. По образованию юрист. Владел несколькими европейскими языками, в том числе и русским языком. В 1919 году вступил в Компартию Галиции, а в 1920 в Компартию Австрии и перешёл на нелегальную партийную работу.

В начале 1921 года был арестован в Германии за принадлежность к Компартии и отсутствии вида на жительство, но вскоре был отпущен. В 1925 снова был подвергнут аресту, но уже в Венгрии, через год совершил побег из тюрьмы и перебрался в СССР. Здесь он обратил на себя внимание руководителей Иностранного отдела ОГПУ и стал сотрудником советской внешней разведки.

В сентябре 1927 года был направлен резидентом разведки в Германию. Бертольду Ильку, ставшему Максом Вайнером, предстояло создать нелегальную резидентуру (подпольную сеть), которая должна была действовать в нескольких странах Европы, в Болгарии, Румынии, Польше, странах Балтии, в Париже, Лондоне и некоторых других сопредельных государствах. Размах, что и говорить, был впечатляющим.

Для того чтобы свободно перемещаться в этих странах, Макс Вайнер поступил на работу в Экспортно-импортную контору в Берлине. Он должен был оценивать качество производимых товаров, договариваться об их закупках и продаже, связывать коммерсантов с производителями. Макс Вайнер показал себя настоящим знатоком в этой сфере и вскоре стал ведущим специалистом в своей организации. Ему доверяли осуществлять крупнейшие сделки, он стал своим человеком в среде ведущих промышленников и предпринимателей Европы.

Считалось, что разведчик не должен привлекать к себе внимания, не иметь броскую внешность, чтобы не бросаться в глаза и не запоминаться. Бертольд Ильк шёл от обратного. Высокий, стройный, с барственной осанкой и бархатистым голосом, он был любимцем дам и образцом светского поведения для мужчин. Его наперебой приглашали в лучшие дома таких столиц как Берлин, Лондон и Париж, и повсюду он чувствовал себя непринуждённо.

Широкий круг знакомств и частые поездки по европейским странам способствовали его нелегальной деятельности. Берлин стал центром советской резидентуры десяти государств. Основной задачей резидентуры было приобретение надёжных информаторов. Ильк сообщал в Иностранный отдел (ИНО) ОГПУ сведения о состоянии экономики европейских государств, их обороноспособности и деятельности военных концернов и многом другом. Им был составлен и передан подробный список чиновников служб безопасности целого ряда стран.

К началу 1930 года берлинская резидентура советской разведки имела сотню информаторов, десять из них были допущены к секретнейшим сведениям в военных ведомствах своих стран. А ещё через год в резидентуре, которая охватывала уже пятнадцать стран, действовало более пятидесяти завербованных агентов. Подлинной удачей была вербовка полицейского комиссара Лемана в Берлине, который впоследствии служил в гестапо и имел высокий эсэсовский чин.

Результаты деятельности Бертольда Илька были просто поразительными. И при этом он производил впечатление светского щёголя, не слишком обременённого трудами. Костюмы ему шили лучшие портные Парижа и Лондона, он был завзятым театралом и меломаном, не пропускал ни одного оперного спектакля или музыкального вечера. Его отзывы о ведущих исполнителях оперных и балетных партий передавались из уст в уста. Он был законодателем моды, мнение которого принималось во внимание в светских кругах европейских столиц.

Это был совершенно иной тип разведчика, не существовавшего дотолы в России. Им восхищались, ему завидовали и с ним считались во всех сферах жизни крупнейших городов Европы. И вполне понятно, что никому даже в голову не приходило, что этот денди и высокообразованный человек, легко переходивший с одного языка на другой, мог быть советским резидентом.

Бертольд Ильк был прозорливым человеком. Его внимание привлекло начавшееся националистическое движение в Германии, и он верно оценил

его перспективность. Он посещал все собрания национал-патриотов, которые поначалу проходили в пивных и рабочих кварталах. Прислушивался к выступлениям Адольфа Гитлера и его сподвижников, сам горячо говорил об избранности Германии; именно она должна править миром, влить свежую кровь в одряхлевшее тело Европы. И тут Ильк был на виду, он был замечен Гитлером и имел с ним несколько бесед с глазу на глаз. Когда образовалась немецкая национал-социалистическая партия, Бертольд Ильк вступил в неё. Книга Адольфа Гитлера «Майн Кампф» была его настольной книгой, он цитировал её наизусть и называл «Библией грядущего Третьего рейха».

В начале тридцатых годов национал-социалистическая партия лидировала на парламентских выборах в рейхстаг, оттеснив немецких коммунистов, и Гитлер стал рейхсканцлером Германии. Он срочно затребовал к себе Макса Вайнера. О состоявшемся разговоре советский резидент проинформировал руководителей ИНО, теперь уже НКВД.

Гитлер говорил, что взять власть – это полдела. Надо укрепить её, надо создать условия для того, чтобы превратить Германию в мощное военное государство, а для этого нужны большие средства. Он поручил Макс Вайнеру встречаться с ведущими промышленниками Германии, разъяснять им цели и задачи национал-социалистов и добиваться финансовой поддержки новой власти.

Макс Вайнер стал доверенным лицом рейхсканцлера. Визиты к ведущим промышленникам Германии для него были привычными, он был с ними на коротке, работая в Экспортно-импортной конторе. Но теперь беседы носили секретный характер и открывали перед главами концернов широкие перспективы. О будущем Германии, избравшей путь мирового господства, Макс Вайнер говорил ясно и доказательно. Он умел убеждать, и то, что такой деловой и умный человек стал сторонником фашистов, говорило само за себя.

Новая власть получила солидную финансовую поддержку. Позорный Версальский мирный договор 1919 года, завершивший Первую мировую войну и превративший Германию в третьеразрядное государство, был начисто забыт и отринут. Германия срочно создавала мощную военную промышленность, формировала армию и устремляла алчные взгляды на соседние государства. И обо всём этом Советское правительство информировалось своевременно и в полном объёме. Бертольд Ильк создал надёжные каналы быстрой передачи важных сведений, и они действовали безукоризненно.

Вторая мировая война разгоралась. Бертольду Ильку, он же Макс Вайнер, фашистское руководство определило другую сферу занятости. Он должен был целиком сосредоточиться на Англии и поставлять в Абвер сведения об её политике, экономике, военном потенциале и других жизненно важных сферах. Англия входила в антигитлеровскую коалицию, представляла существенную угрозу для Третьего рейха и следовало знать все её сильные и слабые стороны. Для этого Бертольд Ильк открыл в Лондоне «Корреспондентское бюро», целью которого была подготовка материалов о событиях на фронтах мировой войны для английских газет.

Материалы были объективными, и газеты охотно помещали их на своих страницах. Журналистское прикрытие позволяло Ильку собирать нужную информацию и поставлять её в Абвер и Советский разведывательный центр.

Теперь его деятельность курировал Геббельс, бывший министром пропаганды нацистской Германии. Близость к руководству Третьего рейха обеспечивала Бертольду Ильку надёжное прикрытие. Наезжая в Германию, он

держался уверенно, с некоторым высокомерием. Его побаивались чиновники рейхсканцелярии, с ним считались.

Работа в Англии была недолгой. Провалились несколько немецких шпионов, связанных с бюро, эту организацию пришлось закрыть, и Бертольда Илька срочно отозвали в Германию. Ему поручили другое, не менее важное дело. Под той же личиной журналиста он отправлялся во Францию, Италию, Испанию и другие страны, контролировал там деятельность немецких резидентур, выявлял промахи и исправлял их, лично знакомился с агентами и обо всём этом докладывал в Берлин. Нужно ли говорить, сколь полезной была его деятельность для советской разведки! Он же сообщил о дне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, но это не было принято во внимание Сталиным, как и другие подобные сообщения.

Может сложиться впечатление, что Ильк постоянно находился на гребне успеха, и это способствовало его уверенности в себе и безоблачному настроению. На самом деле это было не так. Он находился слишком близко к высшим сановникам Третьего рейха, и это порождало немало завистников и недоброжелателей. Постоянное нервное напряжение не оставляло его. Достаточно одного неосторожного шага, и провал был бы неминуемым, слишком много глаз настороженно следило за ним. Зачастую он находился на грани нервного срыва, неоднократно обращался в ИНО НКВД с просьбой отозвать его в Москву. Но он был крайне полезен в фашистской Германии, и с его отзывом медлили, не считаясь ни с его настроением, ни с его желанием обезопасить себя.

Бертольд Ильк остро ощущал своё одиночество. Друзей у него не было, да и не могло быть, хотя видимость дружеских отношений он поддерживал со многими немецкими служащими и офицерами в Берлине. Родители его к тому времени умерли, а семьи не было. Он не старался её создать, да и не с кем ему было связать судьбу. Постоянно рискуя сам, он не желал подвергать риску и близких людей.

Он знал, что в случае провала его ждёт гибель. Надеяться на помощь Центра он не мог, не было там возможностей для его спасения. Да и как показала жизнь, советские разведчики за рубежом мало ценились на родине.

До Илька доходили тревожные вести. Весной 1937 года были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД и все следователи, которые по прямому указанию Сталина вырывали ложные показания у основателей большевистской партии и вождей Октябрьской революции. Их готовили к показательным судебным процессам.

Многих из погибших советских разведчиков Бертольд Ильк знал лично и высоко ценил их как подлинных профессионалов своего дела.

Так был расстрелян Соломон Трилиссер, начальник ИНО ВЧК, занимавшийся борьбой с белоэмигрантами. Им была блестяще проведена операция «Синдикат», в ходе которой из-за границы заманили в СССР и уничтожили эсера Бориса Савинкова и английского резидента Сиднея Рейли.

В тюрьму на одиннадцать лет был посажен Наум Эйтингтон, который вёл нелегальную работу в Китае, Турции, Испании. Возвратившись в Москву, получил задание любой ценой уничтожить Льва Троцкого, жившего в то время в Мексике. Эйтингтон организовал два покушения, во втором Троцкий был убит советским агентом Рамоном Меркадером.

Были расстреляны Яков Серебрянский, руководитель Особой группы, проводившей диверсии против белоэмигрантов, Сергей Шпигельглас,

истреблявший белоэмигрантов в Европе, блестящий разведчик, владевший европейскими языками. Последние годы был начальником ИНО.

Накануне Великой Отечественной войны большинство зарубежных агентов НКВД были вызваны в Москву и погибли в подвалах Лубянки.

Исключение составил только резидент советской разведки в Лондоне Александр Орлов. Он успешно действовал за рубежом, был награждён орденами Ленина и Красного Знамени. Получил приказ выехать в Москву, но зная, что там идёт повальное уничтожение закордонной агентуры, с женой и дочерью бежал в США. Письменно известил Сталина, что в случае попыток убрать его, будут разоблачены все советские агенты за рубежом, из тех, которые уцелели. Орлову известно было многое, и потому угроза возымела действие, его оставили в покое.

Зная всё это, мог ли Бертольд Ильк надеяться, что его участь будет иной? Конечно, нет. Но и выхода у него не было, и он продолжал выполнять свою разведывательную миссию, стараясь не задумываться о будущем.

Отозвали его в Москву в самом конце войны. С большими трудностями он сумел выбраться из осаждённого Берлина и через Лондон вернулся на родину. Поначалу его не трогали, он работал в центральном аппарате внешней разведки, и на этом его биография обрывается. Можно предположить, что его захлестнула вторая волна сталинских репрессий, осуществлённых в пятидесятых годах. Оснований для ликвидации Бертольда Илька было сколько угодно, ведь он выполнял личные поручения главарей Третьего рейха и наверняка мог быть завербован германской разведкой. Тут уж без высшей меры наказания не обойтись.

Согласитесь, масштаб деятельности Илька был впечатляющим. Подобные ему резиденты советской разведки насчитывались в ИНО НКВД единицами, и вполне понятно, что он обратил на себя внимание писателя Юлиана Семёнова, работавшего над книгой «Семнадцать мгновений весны». Можно ли говорить, что образ штабс-капитана Штирлица несколько потускнел после знакомства с биографией его прообраза? Наверное, нет. Ведь Макс Отто фон Штирлиц не был точной копией Бертольда Илька. У последнего, помимо внешнего сходства, писатель взял лишь такие черты характера как смелость, собранность, хладнокровие, осознание своего долга перед Родиной, а вот сферы их деятельности были совершенно различными. Так что киношный штабс-капитан Штирлиц имел полное право на самостоятельное существование, без каких-либо скидок на авторскую фантазию.

Что же касается доводов моего давнего собеседника, бывшего гауптмана Курта Шрайбера, то следует ещё раз напомнить, что сериал «Семнадцать мгновений весны» предназначался для советского зрителя и был принят им с большим интересом. Естественно, что зарубежные знатоки подобных тем нашли бы в нём немало недостатков.

Но есть примеры и обратного толка. Достаточно вспомнить один из американских фильмов, в котором небезызвестный Сильвестр Сталлоне в одиночку громил в Афганистане советские батальоны. Эту картину нельзя было смотреть без смеха. Советские солдаты, низкорослые, в мешковатом обмундировании, обутые в растоптанные кирзовые сапоги и в зимних шапках в сорокаградусную афганскую жару, смотрелись более чем нелепо. Американские же зрители смотрели этот фильм с восторгом. Или ещё один американский фильм «Красная жара». В нём Шварценеггер играл советского майора, и не где-нибудь, а в Москве. Тоже нельзя было

без недоумения смотреть эту картину, и тоже те же американцы были им довольны.

Так что всякому фильму присуща своя заданность и своя аудитория для демонстрации.

Остаётся добавить немного. Массовые репрессии в конце тридцатых годов в Советской стране и последующие в пятидесятых вряд ли когда найдут оправдание и исчезнут со страниц истории теперь уже Российской Федерации и стран СНГ, хотя такие попытки оправдания делаются.

Ликвидация талантливых советских разведчиков перед Великой Отечественной войной заставляет задуматься над следующим: было ли это сознательной акцией или каким-то вопиющим недоразумением? Их гибель стала одной из причин тяжёлых поражений Красной Армии в ходе боевых действий в первые дни фашистского нашествия. И заслуживают самой высокой оценки уцелевшие разведчики, те, которые ценой смертельного риска, великого напряжения всех сил добывали важнейшую информацию о противнике, без чего победа над фашистской Германией была бы с ещё большими потерями и более долгой по времени.

Рассказ о выдающемся советском разведчике Бертольде Ильке, конечно же, далеко не полный. Это скорее схематичное повествование об основных этапах его разведывательной деятельности. Более полная картина вряд ли когда будет воссоздана, поскольку тогда пришлось бы говорить о таких подробностях, с которых ещё не снят гриф «Совершенно секретно». Но и то, что известно, позволяет отдать должное подвигу советского разведчика, жизнь которого проходила под девизом: «Всё для Родины, и ничего для себя!»

ПОЭЗИЯ

Фёдор ВОСТРИКОВ

Фёдор Сергеевич Востриков – родился 21 февраля 1942 г. в посёлке зерносовхоза «Авангард» Алексеевского района ныне Самарской области. Окончил Куйбышевское культурно-просветительское училище (1966). Прослушал курс журналистики при Пермском государственном университете (1969 - 1972). Работает во Дворце творчества юных г. Перми: руководитель литературной студии «Тропа». Первые творческие публикации относятся к 1960-м гг. Первый поэтический сборник вышел в 1979 г. в Перми: «Отцовское поле». Автор более двадцати поэтических сборников. Член Союза писателей России (1993). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), нескольких медалей общественных организаций.

Живёт в Перми.

«А мне легко...»

Земля

На все четыре стороны – поля.
И горизонт хлебами обозначен.
О, Родина моя, моя земля,
Любовь к тебе с годами не утрачу.
Я сам пахал и сеял зёрна сам.
Прости за громкость, знаю цену хлебу.
Звучат во мне потомков голоса,
Как клятва, под твоим высоким небом.
И для меня всем землям ты – Земля.
Знавал с тобой и горе и удачу.
С тобой всесильный и великий я,
А без тебя я ничего не значу.

Несравненная женщина, здравствуй,
Принимай мой низжайший поклон!
Надо мною и шефствуй, и властвуй,
И бери в первобытный полон.
Я скитался по стойбищам рыжим
Под летящие стрелы дождей.
Да не знаю, не знаю, как выжил
Без манящей улыбки твоей.
В нелюдимом краю и людимом
Не нашёл свой страдальческий дом.

Хочешь – буду твоим господином,
Хочешь – буду послушным рабом?
Будем жить у родного причала,
Крепко связаны общей судьбой.
Дай-то, Бог, если так... Но сначала
Ты позволь надышаться тобой!

Война убила сыновей,
Убила нерождённых внуков.
Пришла и старость без детей,
А без детей не старость – мука.
Да так и жили бобыли.
Восьмидесятый год начался –
Сначала бабку отнесли.
А после и старик собрался.
Но всё же горше оттого –
И есть ли в утешенье слово! –
Что не осталось никого
В селе из рода старикова,
Чтоб принести с родных полей
Цветы живые на могилу...
Война убила сыновей –
Род землепашеский убила.

Журавли

В. Радкевичу

Омёты рыжие вдали
Лобасто смотрят из тумана,
И потянулись журавли
В чужие солнечные страны.
Стою, припав к сухой ветле.
В душе – как после обмолота:
И тяга вечная к земле,
И ощущение полёта.

Рана

На столе у Пушкина свеча
Ещё остыть от ночи не успела,
А жизнь его, светла и горяча,
Январской стужей в бездну отлетела.
В сердцах друзей застыли боль и грусть.
Ослепла даль – завесили бураны.
Стрелял не в Пушкина убийца – в Русь!
И до сих пор не заживает рана.

На вокзале

Мы не успели даже и обняться,
 Как поезд прокричал – и на восток.
 И любящим, поверь мне, расставаться
 Необходимо, хоть на малый срок.
 Такому откровенью ты не рада.
 И всё-таки не стоит упрекать...
 Прости, но и к разлуке тоже надо,
 Тем более с годами, привыкать.
 Клоню к тому, что век не бесконечен –
 Из нас кому-то первому уйти.
 Привыкшему к разлуке будет легче
 Нечеловечью боль перенести.

В. Телегиной

Ты не пишешь, а страдаешь –
 Нет страданиям конца.
 Потому и западаешь
 Ты читателям в сердца.
 Скреплены стихи и крепью,
 И размахами земли.
 Мы с тобой друг в друге степью,
 Как полынью, проросли.

Променял бы тайгу на равнины,
 Где ветла на лихом сквозняке
 Тихо плачет, как в горе-години,
 О замёрзшем в степи ямщике.
 Променял бы на озеро горы,
 И на розы – речную кугу.
 Променял на село бы и город,
 Да людей променять не могу!

Евгению Шелонникову

Когда о лете затоскую
 От бесшабашных буйных вьюг,
 Тогда нагрюну в мастерскую,
 Где мир творит художник-друг.
 Ни платы требовать не будет,

Ни взглядом злым не утрашит,
 Он для меня реку разбудит,
 Прибрежный тополь всполошит.
 Качнёт кувшинку неторопко,
 Волну искристую качнёт.
 Уронит тоненькую тропку,
 По ней молодку приведет,
 Разденет медленно. И зноем
 Подкрасит спину, плечи, грудь...
 Спасибо, друг! Теперь с тоскою
 Я сам расправлюсь как-нибудь!

К земле привязан человек,
 К её равнинам и деревьям.
 И так всю жизнь, и так весь век –
 Одна изба, одна деревня.
 За то хвала и честь ему –
 Не изменил родным истокам.
 Но жаль его мне потому,
 Что он не жил в краю далёком.
 Не жил, а значит, не поймёт,
 Представить даже не сумеет,
 Как родина к себе зовёт,
 Как тяжело в разлуке с нею.

Постоянство

Туман ползёт походкой черепашей.
 Травой пожухлой тянет от земли.
 И слышно, как вдали над жирной пашней
 Есенинские плачут журавли.
 О Родине, что покидают снова,
 Что хлынут затяжные холода...
 А мне легко. Мне с берега родного
 Не надо отправляться никуда.
 Со мною остаются постоянно –
 Какие бы ни грянули ветра! –
 И «Золотая осень» Левитана,
 И Пушкина «Уньла пора...»

Зима взлохматила равнины –
 Бело и празднично окрест.
 Сугробы взбиты, как перины
 Для самой лучшей из невест.

В прозрачном кружеве верхушки
У тополей, что над рекой.
К равнинам снежным деревушки
Припали тёплой щекой.
Как много близкого, родного
В твоих пейзажах зимних, Русь!
В который раз гляжу – и снова
От счастья плачу и смеюсь.

Хозяиничает в Чердыни зима,
Раскинув седогривые метели.
Навьючила сугробы на дома,
Погост вспушила, высветила ели.
Крутую Колву в оборот взяла –
Пускай теперь бунтует подо льдами.
Взбодрила колкой пылью купола
Со рвущимися к Господу крестами.
Пейзаж суровый кручею вершит,
Берёзами, нависшими над кручей.
Веками, словно хвоей, ворошит,
Одаривая новью и дремучьем.
Из прошлого мне слышатся сквозь мрак,
Сквозь пропасти заснеженных туманов
Решетников и Мамин-Сибиряк,
Из наших лет – Радкевич и Зырянов.
В классическом творении зимы,
Касаясь неба выстрадавшим ликом,
Богатырями высятся холмы
В объятьях крепких Чердыни Великой.

Луна провалилась в потёмках,
Дома провалились за ней,
И слышно, как дышит позёмка
Среди леденящих ветвей.
Швыряется белой рогожей.
Колночей мукою пылит.
Мороз, продираясь сквозь кожу,
Как речку, мне душу стеклит.
Полжизни отдашь, не печалясь,
Плутая в метельном дыму,
За кружку горячего чая
У печки в родимом дому.

ПРОЗА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Еким Петунников

Отрывок из романа
«В некотором царстве...»

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор книг прозы «Гностики и фарисеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман), «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидат философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.»

Живёт в Сергеевом Посаде.

...В Ирининской церкви народ собирался разный. Но главным образом, конечно, здесь были купцы, фабричные и неизменные для всякой церкви старухи, которые, Бог знает, чем и где существуют. Приезжали и господа. Но господа селились неохотно вокруг Ирининской церкви, потому что ни Елохово, ни Покровское не просто не отвечали господским привычкам, но даже и принадлежности своей стольному граду не выдавали ничем, отличаясь, напротив, какой-то чрезмерной простотой обычаев и нравов.

Ирининская церковь, как все, конечно, знают, памятна героическим своим клиром. И вскоре после того, как французы оставили Москву, поползли по Басманной и дальше по Покровке, расползлись во все переулки и подворья самые необычайные слухи о сокровищах святой Ирины. О тех самых сокровищах, в поисках которых французы перевернули церковь вверх дном. Но так и не найдя ни полушки, запрягли старого дьякона в тележку, дабы перевозить таким немилосердным способом воду, дрова и всё, что было необходимо.

Время, ещё более немилосердное, чем французы, уничтожило давно и дьякона, и самого попа – отца Стефана. А люди, влекомые рассказами о золоте, шли нарочно к святой Ирине, чтобы своими глазами увидеть сокровища и услышать их историю. Впрочем, в этой истории нет ничего особенного. А потому не стоит и останавливаться на ней особо. Разве что так, к слову. Да к тому же и позднейший дьякон – отец Андрей – наговорил столько небылиц про Ирининскую церковь, что, если бы не Домна Карповна, пришлось бы схватиться за голову от этой цветущей небывальщины. Стоит, пожалуй, сравнить рассказ отца Андрея, который как какой-нибудь кулик горазд хвалить только своё болото, и Домны Карповны, правдивее которой нет никого на Москве.

Итак, едва только стало понятно, что неприятель со дня на день займёт Москву, как ирининский настоятель отец Стефан и дьякон отец Василий, запершись вдвоём в церкви, разобрали пол, выкопали на том же месте яму и, сложив предварительно в ящик, спустили туда все церковные ценности, включая иконы, оклады, утварь и приношения благодарной паствы. Отец Андрей, впрочем, утверждает, что не в ящике, а в мешке хранились сокровища.

Яму, конечно, тут же засыпали, плиты вернули на прежнее место, и принялись ждать. Точнее, старый и вдовый дьякон решил переждать нашествие дома, ни на секунду не сомневаясь, что это краткое и временное неудобство. Сам же отец Стефан, обременённый семьёй, вынужден был покинуть столицу.

Нет ничего удивительного, что объявившиеся вскоре французы первым делом затребовали у отца Василия ключи от церкви, а вторым – добровольной сдачи церковного имущества. Домна Карповна рассказывает, что старый дьякон ключи закопал, и неприятелю пришлось ломать церковные двери. А вот отец Андрей совершенно необоснованно утверждает, будто бы отец Василий собственноручно отпер французам церковь. Далее, правда, разногласия сглаживаются, и рассказчики проявляют единодушие, живописуя тёмные дни, наступившие для отца Василия. Не то злобясь за укрытие сокровищ, не то скучая в обезлюдевшей столице, но только незваные гости принялись измываться над стариком. Седой и высохший дьякон, никогда и прежде не улыбавшийся, с восхитительным смирением сносил новые свои несчастья. Несчастья, впрочем, закончились, как только закончилось пребывание иностранцев в Москве. Поняв, что загостились, заграничные гости спешно покинули город, унеся с собой всё, что только успели схватить в суете сборов. И в то время как Москва была обчищена как какой-нибудь плодоносящий сад, Ирининская церковь вернулась к прежней жизни во всём своём великолепии.

И снова дьякон отец Андрей наговорил пустяков: будто бы отец Василий по отходу супостата лишился ума, вообразил себя бесогоном и стал приставать к прихожанам с намерением изгнать из каждого «легион французов». Так что иные из прихожан ходили жаловаться к настоятелю. Ну не вздор ли?..

Хорошо ещё, сегодня мы знаем, кому следует верить. А что было делать тогда, спустя полвека после нашествия? Ведь Домна Карповна не вошла ещё в силу и не рассказывала того, что знает. Потому и приходилось, не разбирая, верить любому вздору.

Как бы то ни было, Ирининская церковь по воскресеньям бывала полна. Люди случайные, возможно, и не знали Петунниковых. Но местным была хорошо известна петунниковская печаль – не так давно пропал у купцов единственный сын. Ещё на Святой отбыл в Старую Руссу, прожил там с неделю, а дальше – как не было. До Руссы Еким Петунников добрался вполне благополучно и даже обустроился у Боговых – в семье отцовой сестры, о чём Боговы тут же и отписали в Москву. Но по прошествии нескольких дней Еким пропал. След его обрывался в гостинном ряду, где в последний раз Еким был замечен теми немногими рушанами, кто успел проведать о нём от Боговых или же заприметить как человека нового и, возможно, небезынтересного по торговой части. При себе, отправляясь в Руссу, Еким имел триста рублей, что и подтолкнуло к мысли о грабеже и насилии. Во всяком случае, отец семейства – Влас Терентьевич – после нескольких дней напряжённого ожидания объявил, что «оно тут, пожалуй, всё ясно будет: нет в живых Екишки». И хотя иные из домохозяек заахали и даже стали подвывать тоненькими голосами,

Фёкла Акинфеевна сохранила спокойствие. Прежде всего, потому, что пережить супругу она не любила, а кроме того, несмотря на каждодневные с некоторых пор тайные слёзы, ждать она не переставала. Уверенность, что Екиша жив, пребывает в здравии где-то неподалёку и очень скоро явит себя миру и родителям, никогда её не покидала.

В Старой Руссе мечталось Екиму давно. Лет двенадцати довелось ему провести лето у тётушки Василисы Терентьевны, и с тех самых пор то и дело возвращался мыслями Еким на Дмитриевскую улицу. Снилось ему Перерытица – тихая, безразличная ко всему речка, снилось что-то непонятное и бесформенное, но определённо рушанское. Снилось отведённая тётушкой комната, пахнувшая сухими цветами и закрытая от солнца ёлкой, круглый год топырившей ветки, словно и в самом деле не желавшей подпускать никого к окну. Снилось Екиму тишина, снился прохладный сумрак, снился покой чужого дома, где предоставлен был Еким сам себе, где не было отцовых строгостей. Что отец? То недоволен, то смотрит с жалостью. Да ещё ввернёт невзначай: «Дурачок ты у нас, Екишка, как есть – дурачок. Какой уж коммерсант из тебя...»

Словом, прошло уж лет семь с тех пор, как гостил Еким в Старой Руссе, а всё памятен был ему рушанский уголок. Как вдруг от тётки пришло письмо. Василиса Терентьевна поздравляла семейство «дорогого братца» со Светлым Христовым Воскресением, заверяла, что не смогла бы радостно провести праздничные дни, если бы «замедлила изъяснить своё почтение», и под конец жаловалась, что торговля идёт из рук вон плохо и денег нет. После несколько даже прямолинейно намекала, что ни сама она, ни супруг Парамон Митрич от братовой помощи никогда не отказывались и впредь не собираются. А чтобы поправить дела, нужен хоть маленький, да капитал, «а капитал, дорогой братец, по нынешним временам товар редкий. И ежели не от близких людей, то помощи и ждать не приходится, потому как прийти неоткуда».

Петунниковы и не слыли богачами – куда уж до Кокоревых! Но отослать сестрице денег – это Влас Терентьевич вполне позволить себе мог. Когда же вечером за ужином Влас Терентьевич зачитывал семейству письмо, и домохадцы, отдуваясь от жары и проснувшихся недавно мух, тянули чай, пропускающая горячую струю сквозь зажатый в передних зубах кусок сахара, Еким вдруг понял, что если он сейчас не предпримет чего-то необычайного, то потом будет поздно. Еким заволновался, заёрзал, словно стул вдруг сделался под ним горячим. А потом, перебив отца, степенно рассуждавшего о том, что «помочь-то сестрице можно», заговорил не своим, одеревеневшим голосом:

– Если бы... того... я бы... того...

Отец умолк, а все, кто был в маленькой тёмной столовой, пропахшей ладаном, с любопытством, испугом и недоумением повернулись к Екиму. Во-первых, никто не мог понять, что значат все эти «того». Во-вторых, влезать в разговор, а тем более перебивать отца было не в правилах семейства Петунниковых. А в-третьих, волнение Екима было слишком заметным и непонятным, чтобы не обратить на него внимания.

Странности не укрылись и от внимания Власа Терентьевича да и, вероятно, поспособствовали тому, что Влас Терентьевич не стал прибегать к нравовучению, но сделал попытку разрешить сына от томившего бремени.

– Ну?.. – сказал он, уставившись на Екима, точно хотел нанизать его на свой взгляд.

Но Еким, потупившись, молчал.

Фёкла Акинфеевна перекрестилась и забормотала что-то молитвенное. Влас Терентьевич нахмурился и со словами «ну, ну...» стал медленно и тяжело, точно выпрастываясь из пелён, подниматься из-за стола. Поднявшись и упершись правой рукой в спинку стула, а левой – о край столешницы, он повернулся к иконе Спасителя в углу. Стол под тяжестью его руки пискнул тихонько, домочадцы зашевелились, поспешно отодвигаемые стулья завизжали. Ужин завершился.

Ночью было душно. Сны толпились как овцы в загоне. То и дело Еким просыпался, но и явь караулила его. Едва открывавшему глаза Екиму становилось страшно всего – отца, Старой Руссы, тётки, судьбы. Потом он снова погружался в сон, и снова встречали его беспокойные грёзы. Потом опять просыпался навстречу ужасу, и пробуждение всякий раз походило на рождение, когда мироздание, призвав к себе человека, смеётся над его беспомощностью и малостью. Рассвет разогнал ночные страхи. Ещё оставаясь в постели и разглядывая, как сонмы пылинок резвятся в солнечном луче, пересекающем комнату, Еким подумывал, а не поговорить ли, в самом деле, с отцом. Отчего бы не подойти и не рассказать всё, как есть... Правда, что именно «есть» и что стоило бы сказать, Еким не знал, в сознании Екима мысль не всегда встречалась со словом, отчего порой и не обретала законченных черт. Однако и, не имея чётких очертаний, томила и нудила.

За завтраком, а домочадцы собирались в столовой трижды на дню, Влас Терентьевич вдруг сказал:

– Вот, что мыслю... Собирайся-ка ты, Екиша – поедешь к сестрице. Письмо отвезёшь, – тут он как фокусник извлёк откуда-то и выложил на стол письмо, перевязанное крест-накрест бечёвкой, концы которой, затянутые в узел, топорщились как тараканьи усы. Поверх же письма опустил широкую ладонь с толстыми, прямыми пальцами, поросшими у оснований кустиками чёрных волос.

– С письмом-то, смотри, осторожно, – продолжал Влас Терентьевич, – с тебя спрошу... Да и вот ещё что... Дам я тебе денег... триста рублей... Поживи ты пока у сестрицы и попробуй сам, своим то есть манером торговлю завести... А получится или нет... Ну уж как Бог даст, так пусть и будет...

Влас Терентьевич был, конечно, купцом, но купцом по установившемуся порядку, именно потому, что так «Бог дал». Он был не просто умён и расчётлив, но внимателен и чуток, к тому же был лишён той грубости и самодурства, что отличали порой представителей его сословия. Супруга же Власа Терентьевича была умна сердцем. Она ничего не требовала и ни на что не жаловалась, назначение своё мыслила исключительно в исполнении семейного долга, состоявшего, по её мнению, в заботе о доме и полнейшей покорности мужу. И потому, даже не желая расставаться с Екишей, она, узнав о его отъезде, только прошептала: «святители», и в следующую секунду уже думала о том, как бы получше снарядить Екишу в дорогу.

Что до Екима, то для него с этой минуты началась какая-то новая и небывало приятная жизнь, продолжавшаяся до тех самых пор, пока однажды он

не обнаружил себя в тихой сумрачной комнате, хранящей терпкий запах сухих цветов – в комнате дома Боговых по Дмитриевской улице Старой Руссы.

Но судьба, как это часто бывает, зло подшутила над Екимом, подманив посулами и тут же крепко ударив. И вскоре после того, как Еким оказался на Дмитриевской улице, как расцеловался со всеми Боговыми, как ответил на все тёткины вопросы, не забыв передать конверт с письмом, вспомоществованием и усиками из бечёвки, случилось нечто совершенно невероятное и не имеющее никакого объяснения. Настолько невероятное, что могло показаться, будто сама судьба взяла Екима за шиворот и что есть мочи встряхнула.

На другой же день по приезде своём в Старую Руссу, Еким, отдохнувший и полный радужных предвкушений, решил отправиться в гостинный двор. Ему не терпелось пустить в оборот свои триста рублей. Казалось, что если один раз повезло, и сбылась самая потаённая мечта, то, быть может, отныне всё будет получаться, и все, самые дерзновенные замыслы, найдут своё воплощение. Главное же – надлежало приумножить капитал и не оплошать при этом. Екиму предоставлена была свобода решить: спросить ли совета у Боговых или самому взяться за дело. Он не знал ещё, как поступит, но прежде положил осмотреться в городе и прицениться на торгу.

И вот, выйдя из дому, Еким повернул налево к Никольскому мосту и, перейдя через речку Порусью, оказался на Пятницкой улице. А когда уже возле синагоги хотел свернуть направо к Торговой площади, вдруг вспомнил о своей любимице – Перерытице, беспечной и ленивой речке, не то дремлющей, не то о чём-то мечтающей. И Еким пошёл по Пятницкой прямо. Он прогулялся взад и вперёд по набережной, потом спустился ближе к воде и уселся на травку. Жизнь была хороша. И единственное, пожалуй, что отравляло её в это мгновение, был доносимый откуда-то ветром отвратительный запах. Еким безотчётно повернулся, словно пытаясь отыскать источник разрушающего гармонию обстоятельства, и тут только заметил, что в нескольких шагах от него сидит человек и с каким-то тревожным любопытством его, Екима, рассматривает. А рядом с человеком лежит огромный мешок. Еким справедливо слыл тихим и малообщительным мечтателем, но сейчас он чувствовал себя другим, и ему хотелось вести себя по-другому. И он нарочно, как будто он был не Еким, а кто-нибудь другой, заметил со всей непринуждённостью, на какую только был способен:

– Какой большой мешок!

Хозяин мешка кивнул и ничего не ответил. Так они сидели молча, время от времени поглядывая друг на друга. Еким заглянул в большие тёмные глаза незнакомца и отметил, что где-то на самом их дне застыло выражение непреходящей скорби.

Народу вокруг почти не было. Только поодаль мальчишки бросали камушки в воду, отчего река лениво, сонно булькала и чмокала. Екиму надоело сидеть, он спустился к воде посмотреть на лодки, легко, словно колыбели, качаемые Перерытицей, на солнечные блики, седлавшие мелкие волны у самого берега. Хотелось смотреть и смотреть на реку, чьё течение напоминало дыхание спящего, но нужно было идти, и Еким побрёл неохотно к Торговой площади. Проходя мимо скотопригоньевского рынка, он подумал, что, должно быть, отсюда ветер доносил неприятный запах, и вспомнил о незнакомце с мешком.

Но перейдя Тихвинский мост и завидя впереди Торговую площадь, Еким уже позабыл о недавних впечатлениях.

Он прошёл Цепную и Кожевенную линии, когда вдруг показалось, что в толпе мелькнуло что-то знакомое. Еким остановился и принялся ощупывать глазами толпу, стараясь понять, что же это было такое. Вдруг в одной из арок Гостиного двора он увидел давешнего незнакомца с мешком. Незнакомец, кажется, тоже узнал Екима и наблюдал за ним. Екиму сделалось отчего-то не по себе, но он всё же кивнул незнакомцу, после чего поспешил смешаться с толпой. Бродить по рядам он больше не стал и отправился домой.

На другой день Еким вновь отправился к рынку и, прохаживаясь неспешно по лавкам Железной линии, опять увидел незнакомца. Тот, сутулясь, брёл между рядами, волоча за собой мешок и поминутно озираясь, точно отыскивая кого-то в толпе. Еким, сам не зная, зачем, шагнул навстречу незнакомцу. Тот заметил Екима, улыбнулся ему как приятелю, но тут же отвернулся. То выражение скорби, которое Еким подметил вчера в его глазах, только усугубилось и вот-вот готово было смениться отчаянием. Внезапно, словно заметив что-то в толпе, незнакомец выпрямился и в следующее мгновение бросился, насколько позволял ему мешок, куда-то в сторону, где, должно быть, мелькнула для него надежда.

После полудня, когда Еким по дороге домой расположился на травке, наслаждаясь солнцем, безветрием и безмятежностью, источаемой рекой, кто-то вдруг подошёл и, шумно вздохнув, сел рядом. Это был незнакомец. Вид у него был такой, как будто они договорились с Екимом о встрече именно на этом месте. Мешок был с ним. Появился и вчерашний запах.

Еким молча разглядывал странного своего товарища. Тот выглядел уставшим и, казалось, даже осунулся с последнего их свидания. Усевшись, он обхватил руками колени и погрузился в раздумье.

– Да, – вдруг сказал он, глядя перед собой и кивая как заведённый, – да. Стоило ждать этого.

Потом, повернувшись к Екиму, спросил:

– Где я теперь их найду?

– Кого? – не понял Еким.

– Кого... – ухмыльнулся незнакомец и, не спрашивая, желает ли Еким его выслушать, повёл рассказ. Многие из того, о чём рассказывал незнакомец, осталось для Екима непонятным. Но и то, что он понял, потрясло его.

Из рассказа незнакомца следовало, что жил он с рождения в Новгороде. И там же, в Новгороде, водил знакомство с неким Бравлином.

– Да ты знаешь, может? – спрашивался он у Екима. – Беспалый... пальца большого на правой руке недостаёт...

Но Еким не знал беспалого Бравлина из Новгорода. И незнакомец продолжал, рассказывая о том, что как-то раз он ссудил Бравлину триста рублей. Бравлин же, взяв деньги, долг отдавать не спешил. В довершение же ко всему – умер. По мнению рассказчика, это выходило очень подло. С живого Бравлина он непременно получил бы свой долг, но с мёртвым выходили затруднения. Тем более никто из родственников Бравлина не захотел взять на себя долговые обязательства. Но и прощать долг мертвецу кредитор тоже не захотел, с чем и явился к родственникам. Однако родственники, вместо того, чтобы уладить дело миром, передав если не деньги, то хотя бы ценные вещи, пустились в препирания с кредитором. Сначала у них дошло до крика, потом до рукоприкладства и напоследок бравлиновы родственники спустили

на кредитора собак. Собаки разодрали ему штаны, и он, едва прикрывая наготу свою, позорно бежал под улюлюканье уличных мальчишек. За свой позор кредитор твёрдо решил отомстить жестоковейным и лживым родственникам, но пока он раздумывал о способах мести, родственники сбежали. Нашлись добрые люди среди соседей и сообщили, что уехали они в Старую Руссу. О деньгах, правда, посоветовали забыть. Но заимодавец Бравлина не желал забывать ни триста рублей, ни обиду. И отправился в Старую Руссу. Во что бы то ни стало положил он найти своих обидчиков и взыскать с них, будь они «хоть в Старой Руссе, хоть в Новой, хоть на краю света». А чтобы иметь верное средство к осуществлению своего замысла, он, недолго думая, решил потревожить вечный сон Бравлина. С чем и отправился на кладбище. Раскопав могилу, он вытащил тело Бравлина, завязал его в мешок и отправился в Старую Руссу.

– Уже три дня хожу здесь, – жаловался он Екиму, – а толку – йок. Не обманул ли сосед... старый чёрт... Этот-то, – и он кивком указал на мешок, – уже смердит. Иду по улице – собаки увязываются, лошади шарахаются... А спать рядом с ним, думаешь, каково?

– Так... это что же... у тебя в мешке... того? – спрашивал Еким, с ужасом косясь на мешок.

– Он самый... – вздыхал незнакомец, – беспалый...

– Что же ты думаешь с ним делать?

– Что мне и делать? Искать надо... Я бы продал его, – и он снова кивал на мешок, – да кому?.. На что он сгодится?..

– Что ты? – шептал Еким, крестясь. – Как это можно христианина продать?.. Упокой, Господи, его душу!.. Его... того... схоронить надо. Слышишь?.. В земле ему самое место, а не на ярманке... Ты... того... ты домой поезжай... а его на место верни. Вот когда вернёшь на место, что взял не по праву, такое, брат, облегчение бывает, что слаще и представить нельзя... Вот я... взял я как-то у маменьки из шкапчика...

Но незадачливый кредитор перебил разговорившегося Екима:

– Куды!.. Обрати... Я его при жизни одалживал, а теперь после смерти – катать его?.. Ишь ты!.. Отыскался вояжёр! – и он погрозил мешку кулаком. – Так думаю: день-другой похожу ещё. И если не повстречаю – так брошу. Вот прямо у дороги, как есть, и брошу... А то ещё в воду спущу – хлопот меньше...

Ночью приснился Екиму Бравлин. Он плакал, умолял купить его у злого заимодавца и обещал отблагодарить. А наутро, чуть свет, Еким отправился на поиски своего нового знакомого, чьё имя он так и не выяснил.

Еким волновался, ему всё казалось, что он может не успеть и опоздать куда-то. Что если он больше не встретит человека с мешком? И как узнать тогда: вернулся ли Бравлин в могилу или отправился на дно Перерытицы? Богобоязненному Екиму делалось страшно, что псы или речные рыбы съедят христианина из Новгорода, а он, Еким, зная о готовящемся беззаконии и кощунстве, ничем не воспрепятствовал. А ведь теперь, проговорившись Екиму, гробокопатель, возможно, опомнится и захочет отделаться от преступной своей ноши. Еким думал было поговорить с Боговыми, но решил до поры этого не делать, поскольку сам он всё же никакого Бравлина не видел. Словом, Еким был готов действовать, но не совсем ещё понимал, что именно следует делать.

Он знал только, что непременно должен найти человека с мешком. А дальше... О том, что будет дальше, он даже не думал.

Вся эта невозможная история с мертвецом в мешке тут же перестала быть невозможной, как только Еким погрузился в неё. Напротив, как нечто совершенно обычное, она требовала теперь своего разрешения, к чему со всей горячностью и приступил Еким.

Первым делом Еким отправился к Перерытице, где впервые повстречал своего странного знакомого. День выдался хмурый, дождь шелестел, на воду легла рябь, словно река недовольно морщилась, берег был пуст.

Тогда Еким пошёл на Торговую площадь и долго ходил по рядам, высматривая, не мелькнёт ли где сутуловатая фигура с большим мешком. Он пробовал даже спрашивать у торговцев, но его подняли на смех, объяснив, что искать на рынке человека с мешком – всё равно, что искать снежинку в сугробе. Проблуждав без толку по рядам, Еким, не зная толком города, свернул с площади направо и оказался на улице с каменными двухэтажными домами. Он ещё раз повернул направо и долго шёл по улице с протяжённым забором. Потом снова свернул направо и... понял, что находится в Большом Дмитриевском переулке, то есть совсем недалеко от дома. Такое неожиданное возвращение показалось ему неслучайным, и он стал подумывать об оставлении поисков. Но вспомнив слова Писания о взыскании с тех, кому много вверено, он снова решил отправиться на Торговую площадь. Подходя же к Никольскому мосту, вдруг увидел того, кто был ему нужен. Он стоял на деревянном тротуаре моста и, свесившись через перила, напряжённо всматривался в воду. Еким вздрогнул и остановился. Но тут же заметил мешок.

Разыскивавший весь день своего знакомого, Еким теперь растерялся и не знал, с чего начать разговор. Между тем знакомец сам увидел Екима, оторвался от перил и заговорил так, точно они расстались не далее как час тому назад:

– Нет, – сказал он, – нет... Видно, обманул проклятый...

С этими словами он снова перегнулся через перила. Еким подошёл ближе, остановился рядом с мешком и подумал, что пройдёт не так уж много времени, и человека с мешком можно будет отыскивать по запаху.

– Никого нет, – услышал Еким. – И этого аспида никто здесь не знает.

Он снова выпрямился, кивнул на мешок и легонько пнул его.

– Ну? – громко обратился он к мешку. – Где мои триста рублей? А?.. Молчит!.. Уж я тебя!..

Он опять пнул мешок и погрозил ему кулаком.

– Ты смотри... – продолжал он. – Ты не думай, что стану таскать тебя за собой повсюду. Ежели ты ни на что не годен, так и таскать тебя даром мне нужды нет.

Тут он расхохотался, а Еким, приоткрыв даже рот, как зачарованный стоял и слушал этот монолог, обращённый непонятно к кому или чему.

– Каково!.. – смеялся и от смеха раскачивался хозяин мешка, держась одной рукой за перила моста. – Ну каково!.. Видано ли такое?.. Он и при жизни остался мне должен, так уже и по смерти долгов наделал! Ну где это видано, чтобы мертвец долгов наделал?! А этот...

И он в который раз уже пнул мешок. По счастью, прилегающий к мосту участок Пятницкой улицы был пуст в тот час. И лишь одна старуха, повязанная платком с синими огурцами, прошла мимо них по Никольскому мосту. Любопытство не просто заставило её остановиться, но и подтолкнуло

выяснить, что это лежит в таком большом мешке. Хозяин мешка взглянул на неё страшно и сказал:

– Мертвец.

Потом, проводив взглядом крестящуюся и спешащую прочь старуху, он посмотрел на Екима и зашептал горячо:

– Ночью – решил – сброшу его в реку.

– Не надо, – сказал Еким. И добавил робко: – Лучше... того... отдай его мне.

Еким ждал, что знакомый в ответ удивится и станет его отговаривать. Но никогда и ничему не удивлявшийся заимодавец только покачал головой и произнёс в задумчивости:

– Он мне должен. Пусть платит.

– Ну вот, – обрадовался Еким, – вот и я... того... Отдай... я заплачу за него.

И снова бравлинов кредитор не выразил ни малейшего удивления.

– Пусть платит мне триста рублей, – кивнул он на мешок, – или пусть умрёт ещё раз.

– Я!.. Я заплачу за него, – проговорил, волнуясь, Еким и снял с головы картуз. – Я заплачу... Только... того...

Настала очередь Екима кивать на мешок.

– Это, правда?.. того...

– Бравлин-то? – невозмутимо переспросил незнакомец. – А то кто же!

С этими словами он стал развязывать мешок, приговаривая что-то о честности, о том, что товар надо показать лицом и о том, что покупать в мешке что бы то ни было, конечно, неправильно. Он немного провозился с узлом, но затем, освободившись от пут, мешок осел, и на Екима пахнуло сладковатым запахом тлена. Еким скосил глаза, и от увиденного ему стало нехорошо. Он поморщился и отступил.

«Что я – выжига какой или душегубец?.. Стану я мертвецами торговать?.. Мне бы долг вернуть...», – с этими словами кредитор Бравлина пересчитав деньги, которые Еким извлёк откуда-то из недр своего картуза, а пересчитав, попятился, словно опасаясь, что повернись он спиной к Екиму, как тот немедленно на него бросится. Потом повернулся и кинулся прочь. Но Еким и не думал бросаться или бежать следом. Он долго ещё оставался на мосту, обдумывая, как и что теперь делать. Прежде всего, рассуждал Еким, старавшийся не ужасаться тому положению, в которое поставил себя сам, прежде всего, необходимо закопать мешок. И сделать это лучше всего ночью и, конечно, не в городе. В самом деле, не в огороде же у тётки его закапывать! А дальше... Дальше нужно было возвращаться домой. Но не к тётке, а сразу к отцу. Объяснить что-либо тётке представлялось Екиму затруднительным. А уж тем более объяснить, зачем он вместо галантерейного товара скупает по городу мёртвые тела. А вот отец, если и не поймёт его, то пусть уж сам узнает всё, как есть, и сам накажет.

Денег у Екима больше не было. Занимать же у тётки, которой он сам привёз вспомоществование, было делом невозможным. К тому же такой заём повлёк бы и непременно объяснения. И Еким решил прямо с Никольского моста отправиться в Москву, а Бравлина предать земле где-нибудь по пути. Он взвалил на плечо мешок и пошёл в сторону тёткиного дома, потому не раз слышал от неё, что если идти по Дмитриевской улице, то можно прийти в Москву.

Куда бы русский человек ни шёл, он всё равно придёт в Москву. Даже если улица уводит совсем в иное направлении. Так что нет ничего удивительного, что Еким так смело выдвинулся в дорогу с покойником за плечами.

Едва закончился город, и все постройки, включая овины и самые жалкие лачуги, исчезли из виду, Еким свернул в лес. И выйдя скоро из душной тьмы леса на опушку, опустил свой мешок в какую-то яму, которые всегда почему-то имеются в лесах во множестве. Яму он засыпал землёй и поставил в изголовье крест, связанный из двух сучьев. На этом свой долг по отношению к новгородскому христианину Еким счёл исполненным и поспешил вернуться на дорогу.

Стоит только взглянуть на карту, чтобы признать, что на пространстве между Москвой и Старой Руссой может сгинуть даже бывалый человек. Особенно если он один, пеший да к тому же о направлении имеющий представления самые смутные. Уже не одну звёздную ночь провёл Еким на земле под открытым небом. И не одна ночь заставляла его по деревенским дворам, куда, при случае, просился Еким на постой. А он всё шёл и шёл, куда указывали ему добрые люди, и не знал в точности, долго ли ещё идти.

И вот как-то жарким безоблачным полднем оказался Еким на распутье, где на большом сером камне, напоминающем кабанью голову, сидел, вытянув вперёд правую ногу, какой-то человек. Когда же Еким поравнялся с ним, он сказал:

– Здравствуй, Еким.

Еким в ответ поздоровался и, не заметивший в первое мгновение странности, хотел пройти мимо. Но тут же остановился. Не успел он обернуться, как незнакомец сказал, ухмыляясь:

– Не смотри, не узнаешь. Когда ты ещё был в Руссе, я видел тебя.

В самом деле, человека на камне Еким не знал. К тому же лицо его было слишком обычным, незапоминающимся, каких много вокруг – светлые волосы, серые глаза с прищуром. Было в нём что-то знакомое, но Еким не понял, что именно.

– А я, Еким, тебя дожидаюсь, – сказал незнакомец. – Ведь я тебе должен... Ну, пойдём, что ли?..

Он поднялся с камня, а Екиму показалось, будто кабанья голова что-то прохрюкала.

– Тебе сюда, – и незнакомец указал на дорогу, что уходила влево. – А там, – он кивнул направо, – там тупик.

Еким ничего не понял из того, что сказал ему незнакомец, но расспросы счёл неуместными, потому что деваться ему всё равно было некуда. Ведь даже если перед ним лихой человек, то наверняка множество глаз наблюдают за ними из леса. А взять с Екима всё равно нечего. И Еким, рассудив, что чему быть, того не миновать, пошёл рядом с незнакомцем по мягкой от серой пыли дороге. А поскольку спутник Екиму достался молчаливый, то Еким вскоре совсем позабыл о нём, погрузившись в грёзы, к которым так привык в последнее время. Дело было в том, что Еким полюбил дорогу. Он оглядывал листики, слушал птичек и приходил в совершеннейшее умиление. Мысли Екима растекались как сироп, и Екиму было сладко. В карманах Екима было пусто, и Еким ничего не боялся. Не нужно было печься о завтрашнем дне и далеко думать – каждый день сам давал ему пищу. Вставшему на дорогу трудно бывает с нею сойти. Ведь тот, кто идёт, всегда имеет свою цель. А значит,

идуший счастливее стоящего на месте. Даже если всё равно, куда идти, рано или поздно придётся сделать остановку. И тогда станет понятно, что всегда нужно идти до следующей остановки.

– Мы сейчас, Еким, в одно сельцо придём, – сказал вдруг незнакомец. – И попросимся ночевать. Только уж ты во всём меня слушайся.

Еким очнулся от грёз и успел удивиться тому, что идёт не один. Он посмотрел на своего спутника и ничего не сказал. Они снова пошли молча. Скоро впереди действительно показалось село, обозначившееся шатром колокольни. Птичьи голоса сделались тише, зато собачьи возобладали. Вот и первый тын, и первая рябина в цвету. А вот и первая изба из тех, что при ярком солнце не обращают на себя внимания, но серой осенью нагоняют тоску и скуку. К такой избе и подошёл Еким вслед за своим спутником. Они вошли на двор и увидели, как из дома навстречу им ковыляет хозяин – старик, наскоро, казалось, склеенный из праха и обещавший вот-вот рассыпаться. Старость не просто сковала его члены, но и стёрла черты лица. Так что сказать, какой это был старик, каким был его нос или лоб, не было решительно никакой возможности.

– Вы кто таковы пожаловали? – проскрипел он незванным гостям. – Чего занадобилось?

На голос старика выполз из конуры пёс, под стать хозяину дряхлый, бесформенный, с облезлой белой шерстью. Но завидев гостей, заворчал, оскалил жёлтые зубы и ретировался. Несколько кур суетились тут же.

– Пусти нас, дединька, переночевать в маленькую сарайку, – с усмешкой проговорил незнакомец. – А мы тебе золотую монетку дадим.

– Сам ты... нелюдим, – обиженно сказал дед и пошамкал ртом. – Чего надоть, говори.

– От ведь... тетерев, – усмехнулся, обращаясь к Екиму незнакомец. И повернувшись к деду, не закричал, но проговорил так громко, что Еким поёжился и отступил на шаг.

– Ночевать пусти – заплатим.

– Так бы и говорил, – прошамкал дед.

Он и впрямь отвёл их в сарай, немногим больше собачьей конуры да к тому же так немилосердно покосившийся, что и заходить в него было страшно, не то, что оставаться на ночлег. Еким хотел было объявить попутчику о своих опасениях, но не успел он и рта раскрыть, как тот уже ответил:

– Не бойсь! Не здесь тебе смерть свидание назначила. Да и не теперь ещё.

В сарае, куда Еким последовал за незнакомцем, хранился всякий хлам: короткая лавка, две низенькие кадучки, ковш на длинной ручке, а из ковша глядела мутовка. В углу валялись детские ходули, зыбка, мешки, на стене мостили два дырявых тулупа. И именно тулупы, разостланные незнакомцем на полу и занявшие собой всё свободное место сарая, послужили постелью путникам. Хотя дух, источаемый тулупами, казалось, прогнал бы и самый сон, не хуже ночного кошмара, тем не менее, стоило Екиму опуститься на тулуп, как веки его сами собой склеились, а голову заволокло туманом.

Пробудившись под вечер того же дня, Еким не сразу понял, где он. Когда же наконец вспомнил, как очутился в маленьком сарае на зловонном тулупе, его поразило новое неприятное открытие: спутника не было рядом. Еким подумал, что незнакомец всё же ограбил его и скрылся, потом, зевая, припомнил, что взять у него нечего. Потом подумал, что одному всё-таки лучше, как вдруг услышал голос своего попутчика – тот о чём-то спрашивал хозяина, а

чтобы дед мог услышать и понять, чего от него хотят, приходилось говорить громко. Вот почему Еким услышал не только голос незнакомца, но и всё, о чём он просил старика.

– А что, дедина, – вопрошал незнакомец, – скатерть-то у тебя в доме есть, небось?

– Скатерть? – скрипел дед. – Как не быть!.. Ещё старуха...

– А куличек-то святил на скатерти?

– Как не святить!.. Дык нынче дочка приносила... а так оно... всей деревней на скатертях... Ещё старуха моя...

– А продай-ка мне, дедина, ту скатерть...

– Скатерть-то?.. А тебе на что моя скатерть?

– А уж это, дедина, моё дело. Твоё дело – мне скатерть продать. А моё – делать с ней, что заблагорассудится... Ну так как?

Старик молчал.

– А петушок есть? – снова раздался резкий голос незнакомца.

– Кого тебе ещё? – недовольно прокрипел дед.

– Петух, говорю, имеется?

– Петух?.. Как не быть петуху!..

– Ну так продай мне, дедина, скатерть пасхальную и петуха.

– Да ты, поди, хочешь моего петуха на моей же скатерти слопать...

– Так продашь, что ли?

Екиму казалось, что от этого голоса гудит воздух.

Дед снова замолчал. Немного погодя, Еким вышел из сарая. Незнакомец с неизменной своей ухмылкой стоял возле ступенек крыльца, поджидая, очевидно, хозяина. Наконец старик показался, держа в руках какую-то ветошь.

– На вот, – сказал старик. – Ещё старуха...

– А петух?..

– Петуха погодь, – и старик снова удалился.

Еким, которому отчего-то не доставляло удовольствия наблюдать за совершаемой сделкой, вернулся в сарай. Вечер уже наступал. Усевшись на тулуп, Еким видел в дверной проём, как небо, ясное прежде, кутается тучами. Где-то, пока ещё далеко, простучал гром, и короткая зарница блеснула как нож, словно чья-то невидимая рука попыталась вспороть невидимое одеяло.

– Хорошо? – услышал Еким рядом с собой голос незнакомца. – Хорошая ночка выдаться. Знаешь ли ты, какая сегодня ночь?.. Рябиновая, Еким, сегодня ночь. И время нам с тобой собираться. Путь у нас неблизкий, а дело непростое.

– Слышь-ка, – к ним ковылял старик, державший в руках тощего петуха с хвостом, более напоминавшим пук полевой травы, нежели петуший хвост, – гроза, я чай, будет... Вот тебе петух...

– А тебе, дедина, денежка...

Еким не видел, что за денежку незнакомец передал старику. Но сумма, должно быть, оказалась чрезмерной, потому что старик, исследовав монеты, видимо смутился и сказал:

– А ты... за петуха-то?..

– Ступай, дедина, гроза будет, – прогремел в ответ незнакомец.

– Так, может оно... петух, что ли, мой хорош?..

– Ступай, дедина...

Дед помолчал, пошамкал и, бормоча что-то о золоте и петухах, поковылял к дому.

А незнакомец обратился к Еким:

– И нам пора.

Екиму стало тоскливо и страшно.

– Куда? – впервые заговорил он с незнакомцем.

В это время гром, как стальной горох, рассыпался где-то рядом.

– Да уж найдётся дельце, Еким, – усмехнулся незнакомец.

– Нет у меня ничего, – потупился Еким, – взять с меня нечего.

– А мне, Еким, ничего и не надо. Это тебе надо.

Еким поднял глаза на незнакомца. А тот продолжал:

– Ты в Москве у папильки триста рублей взял? Чтобы в Руссе товару купить и с прибытком воротиться... А заместо товару приобрёл ты вещь сомнительную да вдобавок от тётки сбёг... Ну так как?.. Продолжать, что ли?..

– А ты при чём? – хмуро спросил Еким, помолчав.

– Я-то? Да как будто и не при чём. А вроде как и при чём. Обещался я. Так что если пообещаешь ты меня слушаться, то вот тебе моё слово, что вернёшь ты папильке и триста рублей, и сверх того... Ну так как?

Пока он говорил, Еким думал, что это, должно быть, необычный человек, если всё знает. К тому же, было очень интересно, что ещё может произойти, ведь Еким был в том возрасте, когда опасность не просто не пугает и не сдерживает, но, скорее, подталкивает к совершению поступков ненужных и бессмысленных. Еким наблюдал, как незнакомец усадил затем петуха в мешок из сарая, как отправил туда же ветошь, которую старик называл скатертью, как, наконец, сломал длинный рябиновый прут. И все эти приготовления казались Еким странными и страшными. Но когда незнакомец спросил его: «Ну так как? Идём, что ли?», Еким отвечал: «Идём», и они вышли со двора.

В это самое время гром ударил уже над их головами. Казалось, кто-то бил палкой по пустому ведру. Еким вздрогнул и втянул голову в плечи, а незнакомец, не обращая никакого внимания на небесную колотушку, свернул с дороги и зашагал в сторону леса, недружелюбно черневшего впереди. Блуждавшие где-то зарницы подобрались ближе, и молния вдруг ударила перед путниками, точно намереваясь преградить им дорогу. Еким снова вздрогнул, незнакомец, как ни в чём не бывало, продолжал путь.

Но по-настоящему Еким испугался, только когда они вошли в лес. Всё живое спряталось от грозы. И лес, угрюмый, затаившийся, встретил их молча. Лишь наверху слышался тревожный шум, словно деревья перешёптывались и не то жаловались, не то предупреждали о чём-то. Вдруг шёпот стал тревожнее, гулче, как будто и самый лес наполнился страхом. А следом Еким ощутил на лице влагу – начался дождь.

Но ничто не могло остановить их. Они всё шли и шли, пока наконец не оказались в таком глухом месте, откуда, казалось бы, невозможно было и выбраться. Деревья здесь были так высоки и разлаписты, что совсем закрывали небо, даже дождь почти не ощущался здесь. То и дело грохотал гром, а молнии освещали им путь. Свет же их был так ярок, что слепил глаза даже под смежёнными веками.

Неохватные стволы, верхушки которых можно было увидеть, только задрав головы, валежник и ковёр кочедыжника – таково было место, где спутник Екима остановился, положил свой мешок на землю и сам уселся рядом.

– Видишь? – глухо спросил он Екима.

Еким не сразу понял, но вдруг среди листов кочедыжника заметил огонёк. Потом ещё один и ещё. Огоньков становилось всё больше – красные, белые, синие огоньки.

– Ночь сегодня особенная – рябиновая, – пояснил спутник Екима. – Ты иди, иди... положи под цветок скатерть и жди. А упадёт цветок – торопись, заворачивай...

С этими словами он сунул в руки Екиму ветхую скатерть, которую они купили у старика. Ничего не понимающий, не на шутку струсивший Еким взял скатерть, но от страха никак не мог сообразить, о чём говорит ему незнакомец и что же следует теперь делать.

– Да главное – чуть не забыл!.. На-ка вот, возьми рябиновый прут и, как встанешь, обрисуй им круг, да так, чтобы сам в круге был. Понял ли? Чтобы в круге стоял... Ну, давай, – и он слегка подтолкнул Екима, – давай, не бойсь. Меня слушаешь – не пропадёшь... Давай... торопись – полночь близка.

Еким ни жив, ни мёртв пошёл на огоньки. К этому времени разыгралась настоящая буря – ветер выл, слепили молнии, дождь уже не жалобно шелестел, но шипел злобно в ветвях, в ударах грома слышался Екиму хохот. И вот уже явственнее хохот, кто-то кричит и словно бьёт по земле хлыстом. А цветки светятся как свечки, всё ярче их пламя, всё шире свет от него. Всё громче и отчётливее шум вокруг Екима. Поднял Еким глаза и обмер: Бог мой, что за чудища! Тянут кто языки, кто руки с когтями, гогочут, свистят, шипят, бьют по земле хвостами. Даже не думал Еким, что бывает так страшно. А где же попутчик? То ли сожрали его, а может... Может, бросил он тут Екима? Нет, не разбойникам отдал – хуже. Продал нечистой силе, и не выйти живым теперь из рябинового круга. И только подумал об этом Еким, как потеснилась вся компания, и выплыл навстречу ступок тьмы, бесформенный и кольщущийся. И понял отчего-то Еким, что это Смерть перед ним. Но тут раскрылся белый, не больше одуванчика, цветок, сорвался со стебля и упал на скатерть. Бросился Еким его заворачивать, и... раздался крик петуха. Разом исчезло наваждение: и Смерть, и чудища – всё пропало. От расцветших цветов стало светло. И Еким увидел, что попутчик его сидит всё там же, где и сидел, и сжимает в руках старикова петуха. И вновь, силясь вырваться, прокричал стиснутый петух. И в третий раз.

Дождь поутих, гроза отправилась дальше – гром стучал уже в стороне. Обессиленный, опустил Еким на мокрую землю, прижимая к себе скатерть с дорого доставшимся и непонятным сокровищем.

– Что, Еким, – подошёл к нему со всегдашней своей усмешкой попутчик, – ты хотел потрудиться, папинеке прибыль явить – так вставай, мы ещё только полдела сделали... Этих не бо-ойсь! Теперь не тронут! Да цветок-от держи – не ровён час выронишь...

И они снова – впереди незнакомец с петухом в мешке, следом Еким с завязанной узлом скатертью, из которой огоньком светился цветок, тронулись в путь. И снова продирались сквозь лес, ставший после дождя парким и душным, снова ломали тьму и заросли, спотыкались о корни и пни, пока наконец не оказались у подножья холма, на который невозможно было вскарабкаться, не разодрав лицо и одежду о колючий кустарник. Здесь вдруг попутчик Екима остановился.

– Доставай, – сказал он. – Доставай цветок.

Еким достал из узла светящийся белый цветок, а незнакомец, приладив его к картузу Екима, шагнул к холму и потянул за собой Екима. И как только приступил Еким к колючим, разросшимся по холму кустам, как случилось ещё более невероятное, чем то, что видел Еким в полночь. Холм, словно вышитые петухами занавески на кухне, раздвинулся на две стороны, и перед

Екимом открылась камора, где стояли котлы, короба, большие и малые корзины. И отовсюду смотрели на Екима монеты и яркие разноцветные камни.

– Что смотришь? – ухмылялся незнакомец. – Бери!.. Что унесёшь – всё твоё. Вот тебе и прибыль...

Еким, не веривший глазам, вошёл в сокровищницу.

– А ты? – обернулся он к своему спутнику, не проявлявшему интереса к драгоценному блеску и остававшемуся как бы снаружи холма.

– Бери!.. Мне золото уже ни к чему.

Всё сверкало вокруг Екима. Но взгляд его упал лишь на кольцо с ярко-красным камушком. Еким поколебался и взял из котла, наполненного множеством бесценных вещиц, одно только это кольцо. Он мог бы взять с собой корзинку с золотом, но вместо этого Еким стянул с головы картуз и насыпал в него монет, после чего поспешил прочь, чувствуя себя неуютно в этой странной каморе. Но не успел он выйти, как холм вдруг зашевелился, закричал по-стариковски, и две его половины стали медленно, но неуклонно съезжаться. Екиму пришлось поторопиться, чтобы не остаться навеки внутри холма подле корзин с золотом.

И словно бы ничего не было: в утренних сумерках Еким видел, что соединились как ни в чём не бывало разорванные было кусты, как дуб, разделившийся на две доли, сошёлся в единое целое. И ничто, кроме золота в картузе и кольца на пальце, не напоминало о несметном богатстве, заключённом внутри заросшего лесного холма.

– Цветок!.. Цветок где?.. – воскликнул незнакомец.

Еким помнил, что цветок был на картузе. Они стали осматривать и ощупывать картуз, но цветок исчез.

– Обронил, должно... – виновато бормотал Еким. – Там, верно... когда золото ссыпал...

– Эх ты, башка из табачного горшка!.. золото он ссыпал, – весело сказал незнакомец. – А впрочем, с тебя и того довольно будет. Пойдём уж – дединьке петуха надо вернуть. Да и тебе восвоеси пора – будет шататься-то.

– Ты же петуха купил, – сказал зачем-то Еким.

– А на что он мне? Он свою службу сослужил, – и незнакомец легонько потряс мешком, откуда донеслось недовольное квохтанье. – И деньги мне ни к чему, и петухи с курами... А дединьке недолго радоваться – пусть его...

И в третий раз за ночь отправились они в путь. Уже совсем рассвело, когда подошли к старикову двору. Отпущенный петух немедленно провозгласил новый день. А Еким, не в силах даже вспомнить того, что произошло с ним ночью, упал на зловонный тулуп, показавшийся ему в тот миг шёлковой периной.

Когда Еким проснулся, день уже близился к закату. Незнакомец, очень довольный, где-то раздобыл уздечку и поджидал, когда проснётся Еким.

– Ну, теперь у нас одна печаль, – говорил он Екиму, – домой тебя спроводить. С таким грузом ты далеко не уйдёшь! – и он кивал на картуз.

Только сейчас Еким понял, что золото, в самом деле, может оказаться плохим попутчиком. Во всяком случае, до Москвы с картузом, наполненным золотыми монетами, он вряд ли дойдёт. И Еким начал подумывать, что оставит себе несколько монет и, пожалуй, кольцо с красным камушком. Остальное

же отдаст незнакомцу – в конце концов, если бы не он, и денег-то не было. А значит, такой делёж вполне справедлив.

– Да не возьму я твоих денег! – ответил на мысли Екима незнакомец. – Сказал же: без надобности. А запонадобятся – без тебя обойдусь. Ишь, благодетель выискался... Я же тебе говорил, Еким: станешь меня слушаться – бояться нечего... Скатерть ты, пожалуй, себе оставь – для памяти. Золото в неё пересыпь – надёжней... Дальше ты верхом поедешь. Уразумел? В общем, знай – узел держи.

– Как это – верхом? – не понял Еким. – На ком это?

– Не на мне – это уж будь любезен... – хмыкнул по своему обыкновению незнакомец. – Достанем тебе сегодня коня вороного – нет ничего проще. Сейчас, Еким, такие ночи, что всё можно... Ну... ну или... многое. Только ты меня слушай...

Сумерки медленно наползали, где-то по кустам соловей зацёлкал. Ночь обещала быть ясной, месяц светил приветливо. И вспоминая вчерашнюю ночь, Еким думал, что всё это, должно быть, ему приснилось. Но узел с золотом не позволял сомневаться.

Они распроцались со стариком и, сопровождаемые его кряхтением, вышли со двора. Но повернули не направо, чтобы пройти деревню, а налево – в ту сторону, где встретились недавно у камня. Не успел Еким отметить про себя эту странность, как незнакомец, не глядя на Екима, ответил ему:

– Где встретились, Еким, там и распрощаемся.

И больше за всю дорогу не сказал ни слова. Вскоре уже показалась росстань. А вот и похожий на кабанью голову камень, на котором поджидал Екима его теперешний спутник. И опять на камне сидит кто-то. А Еким со спутником всё ближе, и вот уже видно, что сидит на камне простоволосая старуха в каком-то чёрном балахоне. И странно Екиму, что шли они, оказывается, именно к этой старухе, потому что его попутчик подошёл к ней и самым учтивым образом с ней раскланялся:

– Здравствуй, бабинька. Здравствуй, красавица.

– Здравствуй, голубок, здравствуй, коль не шутишь. Тебя к нам зачем занесло? Чего хочешь? Кого к тебе звать: лесных, полевых, рижных, овинных, домовых, баенных, водяных, болотных? Или свои какие есть на примете? А может, с собой привёл? – и она засмеялась икающим смешком. – А может, и впрямь красавицу хочешь? – продолжала старуха. – Говори, любую сюда доставлю: белую, чёрную, сисястую, ногастую, стыдливую, распутную...

– Зачем, бабинька? – перебил её незнакомец. – Зачем, когда ты есть...

Старуха довольно засмеялась.

– Сгожусь, сгожусь и по этой части, ежели не побрезгуешь.

– И не то, что побрезгую – за честь почту... Только вот дельце сначала...

– Говори!

– А мне бы, бабинька, кобылку достать, не то – конька... В Москву съездить...

– Кобылку, говоришь? – заикала старуха. – Будет тебе кобылка...

Она что-то бросила на дорогу, и в том месте вдруг оказался конь – чёрный, тонконогий. Еким ахнул.

– Ну? Как тебе кобылка?

– А это мы поглядим, – ответил попутчик Екима и накинул на коня ту самую уздечку, что принёс с собой из деревни. И тотчас вместо коня оказалась лягушка, а уздечка упала на дорогу.

Старуха захохотала.

– Плоха твоя кобылка, бабинька, – сказал попутчик, – далеко на ней не уедешь.

– Какой ж тебе надобно? – усмехнулась старуха.

– А вот какой, – с этими словами он набросил уздечку на голову старухи, и вместо старухи перед ними встала чёрная коза. Камень обернулся кабаном и с визгом завертелся на месте.

– Вот так лошадка, – сказал незнакомец, держа под уздцы козу и разглядывая её со всех сторон. – Ай да бабинька...

Коза меж тем бляяла, била копытцем и смотрела на них лукавым жёлтым глазом.

– А впрочем... Ты, Еким, я чай, не гусар... Чего тебе коза?.. Садись и помни: ни за какие посулы узды с неё не снимай, не то поквитается, старая ведьма. А как сойдешь с неё, скажи только: «аминь, аминь, рассыпья!» Она и сгинет.

Еким взгромоздился на козу, одной рукой прижимая к себе узел, другой – уцепившись за уздечку.

– Ну давай, Еким, прощаться, – сказал незнакомец, кладя на плечо Екиму правую руку. – Бывай... Папиньку слушай... Ну и... благодарствуй...

– Что ты! Тебе спасибо! – отвечал Еким. – Озолотил меня.

И что-то опять кольнуло Екима, какое-то странное сходство, что-то такое в этом странном человеке, что Еким подметил сразу, на этом же месте во время их первой встречи. Подметил, но так и не понял.

– Что, бабинька? – наклонившись тем временем к козе и поглаживая её между рожек, проговорил незнакомец с деланной лаской. – В Москву?.. В Москву!..

Коза мотнула головой, как будто желая сбросить с себя руку, встала на дыбы и пустилась карьером.

И вдруг Еким понял. Неизвестно, почему именно в эту последнюю минуту он ухватил мысль, которая раньше ускользала от него: вот сейчас, когда незнакомец гладил козу, Еким точно видел, что на правой руке у него не хватает большого пальца.

– Как тебя звать-то? – крикнул Еким, но коза уже несла во весь опор, и ответ незнакомца не долетел до слуха Екима.

В тот же день, да притом, кажется, и очень скоро Еким был в Москве. Как именно они добрались, он не мог потом объяснить. Оказавшись вдруг в Сокольниках, где-то посреди Грабиловки Еким спешился. Нужно было что-то сказать козе, но Еким запаматовал и силился вспомнить. Коза тем временем уставилась на Екима. Он перепугался и забормотал первые, пришедшие на ум слова:

– Чур, чур меня... развались...

– Дурак, – сказала коза старухиным голосом, плюнула в Екима и растаяла.

А Еким уже беспокоился, как бы поскорее покинуть место, куда, должно быть, нарочно доставила его коза. Будучи наслышан о встречах местных дачников с обитателями грабиловской чащи, Еким отнюдь не желал столь бесславного конца своим похождениям. Место было глухое, под ногами вилась кем-то вытоптанная тропа. До ближайшего тракта или хотя бы посыпанных песком дачных дорожек предстояло ещё добраться. И Еким снова тронулся

в путь. Но не прошёл он и десяти шагов, как остановился – в траве у самой дороги он заметил камень. Обыкновенный серый камень, размером с небольшую сковороду, на которой у Петунниковых пекли блины. Примечательным казалось то, что камень был плоским. Такие камни, разве что поменьше, во множестве устилают речное дно или морской берег, о котором, к слову сказать, Еким не имел представления, не быв даже и в Петербурге, море же видел только на картинках. Но как попал эдакий голыш в Сокольничий лес, можно только догадываться и строить всевозможные предположения. Да и то при условии, что кому-то придёт охота размышлять о судьбе серого камня. Вот и Еким, подивившись камню, не остановился мысленно на его происхождении, но предался раздумьям совсем иного рода. Подойдя к камню, он присел перед ним на корточки, погладил гладкую тёплую спинку и сказал мечтательно:

– А ведь маменька о тебе давно мечтает... А ты... того... лежишь тут... Да знать бы – давно бы пришли за тобой! Маменька ещё по осени говорила: «Камушек бы гладенький на капусту – в маленькую кадушечку не хватает камушка». Заместо тебя, брат, маменька чугунок с водой ставила... А камушек, говорит, лучше был бы... А ты – вот он, где!

Еким с каким-то даже умилением снова погладил камень и сказал:

– Ну собирайся, брат – со мной пойдёшь. К маменьке...

Не без труда оторвал он вросший в землю камень, под которым осталась неглубокая ямка, служившая пристанищем целому сонму жуков, червей и каких-то непонятных, но схожих с ними существ. Вся эта гвардия тотчас расплзлась и разбежалась, и только полусгнивший осиновый лист одиноко оставался лежать во влажном следе, оставленном камнем.

Отряхнув находку и прижав к себе сухой стороной, Еким подхватил узелок и поспешил вернуться на оставленную тропу. Но не успел он пройти ещё десятка шагов, как случилось то, чего ещё недавно он сам опасался и чему сам же, возможно, и поспособствовал своей чрезвычайной задержкой.

На тропу, непонятно откуда, а по всей видимости, из-под ближайшего разросшегося куста, шагнул некто курбатый, изрядно обросший и оборванный, с поленом в руке. Поленом он, как будто разгоняя комаров, помахал перед самым носом у Екима, после чего сказал отрывисто, точно выстреливая словами:

– А ну... стой! Эй... ты!

Требование было излишним, потому что Еким и так уже остановился, с ужасом глядя на курбатого и замирая в предвкушении неминуемой развязки встречи.

– Что несёшь? – выстрелил курбатый и протянул огромную волосатую ручищу к узелку.

– Вы... того... – пролепетал Еким, пятясь и отводя руку с узелком от тянущихся к нему растопыренных пальцев. – Я... того... я тут не один. За мной вон... три товарища следом идут.

Но курбатый в ответ захохотал и, поблёскивая маленькими глазками сквозь тёмные упавшие на лицо пряди давно нестриженных и нечёсанных волос, объявил:

– Ну так и я... не один! Со мной вон... семеро товарищей... по кустам сидят!

И снова захохотал, любуясь испугом и замешательством Екима. Но тут Еким, даже не понимая, что делает, размахнулся маменькиным камушком и метнул его в самую физиономию курбатого. После чего, прижимая к груди

драгоценный свой узелок, понёсся вскачь по лесной тропе туда, где начинались, по его предположению, дачи.

За спиной у себя он слышал стон и ждал, что выскочившие из кустов «семеро товарищей» вот-вот настигнут его и затопчут, так что и следов не останется. Но стоны мало-помалу стихли, а никто так и не настиг Екима. Правда, вместо дач он выскочил к Пятницкому кладбищу, перебежав через которое в считанные минуты, оказался на Троицкой дороге. И тут только вздохнул он свободно и даже позволил себе отдых, но не потому, что кончились глухие места. Просто знал он, что уж здесь-то Троицкий игумен нипочём не даст его в обиду.

В самом деле, ничего особенного не произошло больше в тот день с Екимом Петунниковым, и обедал он уже дома. Причём обеденный стол украшала гора золота, а Еким с необычайной для себя бойкостью рассказывал о своих похождениях. Рассказал он и о покупке мертвеца в Старой Руссе, и о походе своём в лес за чудесным цветком, и о каморе с золотом, и о чёрной козе, и даже о сером голыше:

– Я, маменька, – с отчаянием даже говорил Еким, – ещё камушек хотел принести вам в кадушечку. Да разбойники, окаянные, напали, отняли камушек-то!..

Само собой, рассказом о камушке он привёл в совершенное умиление как Фёклу Акинфеевну, так и тех домочадиц, чьи головы были заняты исключительно кадушечками и прочими вещами в том же роде.

Влас же Терентьевич сына выслушал молча и ни перебивать, ни попрекать не стал. Но, однако, слушая рассказ Екима, он то и дело мотал головой и тёр себе лоб, из чего можно было заключить, что думал он примерно следующее: «Эко врёт Екишка...» Тем не менее, горка золота посреди стола красноречивее всего свидетельствовала в пользу Екима. Эта же горка и примирила Власа Терентьевича с возвращением и рассказами блудного сына. И только уже перед сном, оставшись один на один с супругой, он позволил себе высказаться в том смысле, что вот же де свезло дураку. А потом прибавил задумчиво:

– Хоть и врёт, не говорит, откуда золото взял – а всё свезло!.. Вот кабы только греха с ним не было – разбойники какие-то... Камушек, говорит, забрали, а золото оставили...

Но Фёкла Акинфеевна только заметила, что «хоть бы и дурак, а шапку золота принёс», и дальнейший разговор поддерживать отказалась. Влас Терентьевич признал, что «оно и правда», золото прибрал и говорить о нём запретил. А если потом и просачивались наружу новости, если расспрашивали его о золоте, Влас Терентьевич называл эти разговоры вздором и уверял, что Еким по святым местам ездил.

И ещё кое-что совсем незаметное случилось по возвращении Екима Петунникова в Москву. В Ирининской церкви на каменной фигуре Спасителя, что стоит в нише под аркой и украшается множеством крестиков, образков и прочих мелких вещиц, приносимых благодарной паствой, появилось золотое колечко с красным камушком. Никто не смог бы сказать, откуда оно появилось. Да никто, наверное, и не заметил его появления...

ПОЭЗИЯ

Ирина ЩЕРБИНА

ИРИНА ЩЕРБИНА

Ирина Владимировна Щербина – член Союза писателей России. Автор книг «Бинокль», «Счастливых дней поток не иссякает» («Лучшая книга 2012-2014»), «Из глубины незримых тайников» («Лучшая книга 2014-2015», Золотой Диплом VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь»). Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Золотое перо Московии», «Родники России». Публикуется в альманахах «Славянские встречи», «Православная лира», «Литературная республика», в журналах «Юность», «Смена», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Поэзия», в газете «Московский литератор». Награждена медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, «Звёздная строфа» и др., наградным знаком «Серебряный крест», орденом «Золотая осень» и.м. С.А. Есенина.

Живёт в Москве.

«По тропам неожиданных разлук...»

Мечта

Я по хрупкой корке наста,
Что как панцирь на снегу,
Всё бегу навстречу счастью,
А добраться не могу.

Неизведана дорога –
То ухаб, то поворот.
И всего-то – понемногу...
И всему-то – свой черёд...

Ни конца нет, ни начала
Одинокому пути.
Я наивно загадала
Поле жизни перейти,

Принимая за награду
Вечность белого листа.
Вновь метёт! Но знаю: рядом
Ждут заветные места,

Где душа не прозябает
В лицемерье и вранье.
Пусть мечта всю ночь сияет
Звёздной искрой в полынье.

Вчера камин сверкал огнями,
И не понять, по чьей вине,
Сам дьявол странными тенями
Играл на каменной стене.
Сквозь паутину тонких веток
Мерцали звёзды за окном.
Коварный профиль до рассвета
Мелькал в свеченье роковом,
Шептал вопросы и ответы,
Пленял безумствами идей...
Фигуры, лица, силуэты
Теснились в комнате моей,
Сломав уклад родного крова,
Презрев порядок и уют.
Казалось – вымолви хоть слово –
Вмиг привиденья оживут,
Раскроют жаркие объятия
И уведут в приют иной...
Лишь деревянное распяты
Хранило сдержанный покой.

Уже светало понемногу,
Когда последний уголёк,
Скатившись с насыпи пологой,
К ногам золой поблёкшей лёг.
Вдали залаяли собаки,
Гоня незримого врага...

Зачем разгадывать мне знаки,
Что начертала кочерга?

То ли осень,
То ли зима...
Где ответ?
Ровно восемь,
Озимь черна –
Снега нет.

Страх повержен,
Только исчез
Поворот.
Всё как прежде –
Даже навес
У ворот.

Так уж было:
Жутко идти
Мне на свет.
Вдруг забыла,
Что позади –
Сумрак лет.

Я плутала
В мире потерь
Дотемна.
Постучала...
Заперта дверь...
Ти-ши-на...

Моя неожиданная тоска –
Лишь миг у времени во власти.
Секунды кружат на запястье,
В тревоге бьются у виска
Всё ощутимей, всё сильнее,
Как будто требуют ответа.
Я вижу – дуло пистолета.
Оно мелькает меж ветвей
И исчезает... Не дано
Познать сегодня слово «вечность».
Но обречённая беспечность
Уже растит судьбы зерно.
Всё бrenно... Всё предрешено...

Сон

Мне ночью приснилось – мы жизни прожили,
И всё незнакомо, и всюду чужие.
На лица ложились холодные тени,
Осенние листья метались в смятеньи.

Но утро настало, весь мир обновился,
И страх мой растаял, почти что забылся.
А всё же казалось – наш город разрушен.
Как ветер порывист...
 Как ум непослушен...

Судьбу бесполезно винить.
Разорваны тайные нити.
Храните их в сердце, храните,
Да так, чтоб вовек не забыть.

Наверно, настала пора
Фальшивые сбросить улыбки.
А тени за окнами зыбки...
И ветер гудит до утра...

Бессонница – горестный друг –
Усердна в коварной работе.
И вы всё бредёте, бредёте
По тропам неожиданных разлук.

ЮБИЛЕЙ

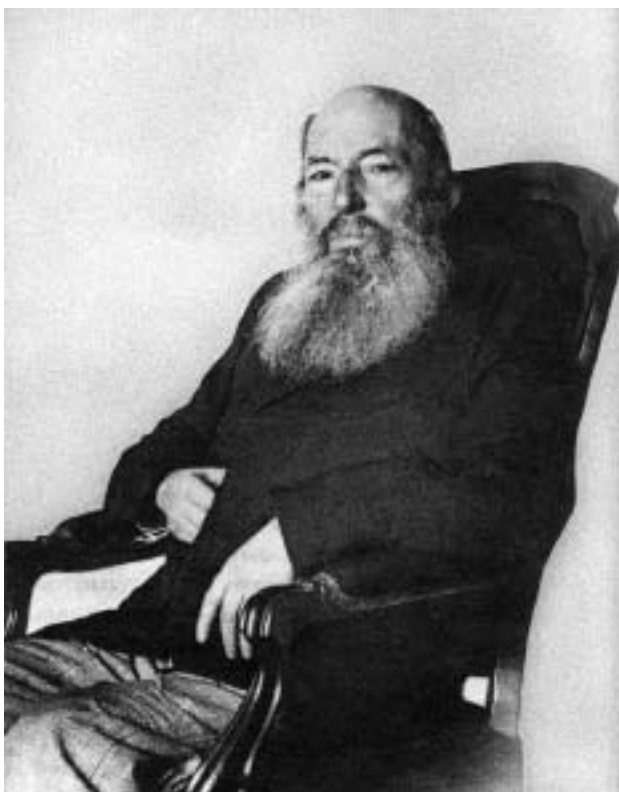
К 195-летию со дня рождения
Афанасия Фета (1820-1892)

Бескрайние владения души

*...Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звёзд буду призраком вздоха.*

День города под знаком рождественской звезды

В своей предсмертной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Виссарион Белинский писал: «Есть ещё особенный род врагов прогресса, – это люди, которые тем сильнейшую чувствуют к этому слову ненависть, чем лучше понимают его смысл и значение. Тут уже ненависть

А.А. Фет (1820 - 1892)

Игорь ФУНТ

Игорь Фунт (Попов Игорь Владиславович) – родился в Кирове. Окончил Ленинградский институт культуры. Редактор сетевых журналов «Русская жизнь», «Перемены», издательства «Аэлита». Постоянный автор сетевых журналов «Камертон», «Зарубежные Задворки» (Германия), еженедельника «Обзор» и газеты «Русский калейдоскоп» издательства «Континент» (США) и др. Автор романа «Останусь лучше там...».

Живёт в Москве.

ИГОРЬ ФУНТ

собственно не к слову, а к идее, которую оно выражает, и на невинном слове вымещается досада на его значение. Им, этим людям, хотелось бы уверить и себя и других, что застой лучше движения, старое всегда лучше нового и жизнь задним числом есть настоящая, истинная жизнь, исполненная счастья и нравственности».

В конце статьи он отмечает: «В прошлом году журналы наши были особенно богаты замечательными учёными статьями. Назовём здесь важнейшие. В «Отечественных записках»: «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (три статьи); «Физико-астрономическое обозрение солнечной системы» Д.М. Перевощикова; «Северо-Американские Соединённые Штаты» (три статьи); «Открытие Генке и Леверье» Д.М. Перевощикова и др.»

Не эта ли статья русского астронома и математика Дмитрия Перевощикова о феноменальном обнаружении французским учёным Леверье планеты Нептун, предсказанного ещё Галилео Галилеем, подвигла молодого поэта Фета, так не любившего бросать взгляд свой на окружающие общественные процессы, откликнуться строками:

*Здравствуй!
На половинном пути
К вечности здравствуй, Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спёртый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй!*

Впоследствии Жозефа Леверье награждают орденом Почётного легиона, избирают почётным членом Петербургской академии наук, Британская академия наук присуждает Леверье свою высшую награду – медаль Копли, знаменитый астроном становится бессменным директором парижской обсерватории до самой своей смерти.

К слову, автор статьи об открытии Леверье профессор Перевощиков часто сокрушался по поводу того, что один из его способнейших учеников Александр Герцен, уехавший в 1847-м с семьёй за границу, не предполагая, что покидает Россию навсегда, разочаровался в астрономии и в науке вообще (что распространялось и в российском обществе).

Однажды профессор сказал Герцену:

– Очень сожалею, что обстоятельства помешали вам заниматься настоящим делом. У вас, дорогой, поверьте мне, были прекрасные способности!

Герцен отшутился:

– Да не всем же за вами на небо лезть. Мы здесь, на земле, займёмся кой-чем.

Но Дмитрий Матвеевич продолжал сокрушаться:

– Помилуйте, какое же это дело? Читал я ваши статьи по философии... Понимать нельзя! Гегелева философия-с... Ей-ей, для меня – птичий язык. А небо!..

(Имелась в виду философско-публицистическая, а на самом деле просто издевательская, по мнению Перевощикова, работа Герцена «Дилетантизм в науке», где он называл учёных специалистов современными троглодитами и готтентотами.)

Нет точных сведений, что побудило Фета отозваться на великое открытие учёных-астрономов стихотворением «Нептуну Леверье», но существует ещё одна версия написания оногo.

Первым всенародным празднованием дня рождения Москвы было её 700-летие. Инициатором этого благого начинания принято считать историка и публициста Константина Аксакова, который опубликовал в 1846 году в «Московских ведомостях» статью «Семисотлетие Москвы», где писал о высоком предназначении Москвы, как идеолог славянофильства упрекал Петра I за перенос столицы в Петербург и высказывал мысль, что не худо было бы такую несправедливость исправить. Аксаковская статья всколыхнула общественность двух столиц, и возобновились стихнувшие было споры, кто главнее и важнее.

Именно этого не желал Николай I, которому ещё заблаговременно напоминали, что грядёт 700-летний юбилей Первопрестольной. Он вполне резонно опасался, что страстный спор западников и славянофилов может перерасти в нежелательные политические события. И хотя официальная власть долго не давала согласия на празднование, общественность начала к юбилею готовиться. Историк Михаил Погодин предлагал создать фундаментальные труды по истории Москвы, составить мартиролог московских святых, описание монастырей и церквей, отдельно рассказать о Московском университете, Почтамте, Английском клубе и других достопримечательностях города.

Вот что рассказывает певица, исследователь истории русского романа Елена Уколова по поводу сочинения в 1847 году замечательного романа, приписываемого и Гумилёву, и Бунину, и Колчаку, на самом деле сотворённого композитором Петром Булаховым и поэтом Владимиром Чуевским, «Гори, гори, моя звезда...»:

— Созданию романа сопутствовало несколько событий, — уточняет певица. — В январе 1847-го московские власти решили отметить с размахом 700-летие Москвы. К дате приурочили множество творческих конкурсов — народ повально принялся петь и сочинять... Певцы, поэты, музыканты взялись за дело. Плюс Рождество: звезда, упоминаемая в романе, скорее всего не символ, а конкретная рождественская звезда. Вдобавок потрясающее научное открытие, сделанное астрономом Лавруше в конце 1846 года: он предсказал существование большой планеты, которую назвал Нептуном. А через два месяца её увидели в телескоп именно там, где указывал учёный...

Так что рождественской звездой вполне мог стать популярный в ту пору Нептун, а молодой Фет, творческий, ищущий, всё видящий, всё замечающий человек, вполне мог принять участие в новогоднем праздничном конкурсе и сочинить к нему эти необыкновенные строки. И звучат они очень напряжённо и заинтересованно, и чувствуется в них боль за дела земные, неблагоприятные, и велика надежда на светлое будущее в образе быстро мчащейся в эфире-времени огромной планеты. Что же это как не причастность к истории, прогрессу и к судьбе своей страны?

*Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полёт? — Я принёс
С жаркой, далёкой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!*

*Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!*

«Что вы мне пишете о Гейне? — вы выше Гейне!»

Фет мог сказать вслед за Монтенем: «Всякий всматривается в то, что перед ним. Я же всматриваюсь в себя». — Не для самолюбования, разумеется, а для самопознания, для познания человека и бытия вообще. Как учёные ведут наблюдения над погодой, растениями и планетами, точно так же Фет ведёт наблюдения над жизнью своего душевного мира, соотнося его с бытием планетарным:

*Я долго стоял неподвижно,
В далёкие звёзды глядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.*

*Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звёзды тихонько дрожали,
И звёзды люблю я с тех пор...*

Его интересовали разные века и многие народы. Переводы элегий Катулла, Тибулла, Проперция, сатир Ювенала, Персия, эпиграмм Марциалла. Античность Вергилия («Энеида»), Овидия («Метаморфозы», «Скоробей»), Горация, за которого сослуживцы прозвали его «дубовым классиком», но за что в 1884 году поэт получил Пушкинскую премию Академии наук. Горация Фет переводил, видимо, соп атоге, смакуя эпикурейскую поэзию античного лирика-помещика и мысленно проводя параллели между идилическим благодушечаньем Горация и собственным деревенским житьём-бытьём.

Поэты Персии и Кавказа, Германия Гёте («Фауст»), Канта и Гейне — «К упоению Байроном (мистерия “Каин”) и Лермонтовым, — рассказывает Фет, — присоединилось страшное увлечение стихами Гейне». Тургенев впоследствии восклицает в их переписке: «Что вы мне пишете о Гейне? — вы выше Гейне!» Очень успешно Фет перевёл сочинения А. Шопенгауэра: «О четвертом корне закона достаточного основания», «О воле в природе» и «Мир как воля и представление».

Стремясь расширить рамки прославившего его литературного жанра небольших лирических стихотворений, Фет творит поэмы и повести в стихах, пробует себя в художественной прозе (многое потом затеряно и забыто), публикует ряд путевых очерков, критических статей (к примеру, в журнале «Русское слово»; — и так же много затерянного). Создал мемуары «Ранние годы моей жизни» и «Мои воспоминания».

Пишет журнальные статьи в «Русском Вестнике» о сельских порядках («Из деревни»), где выказал себя столь убеждённым и цепким русским «агарином», что вскоре получил от народнической печати кличку «крепостника». В желании приобщить русскую читающую публику к красотам иноземного

слова, переводит Шенье, Мицкевича, большой цикл немецких переложений из Хафиза. Не всё, правда, шло гладко, не всё было на одинаково высоком уровне; в отличие от Жуковского, Фет-переводчик неизмеримо уступает Фету – оригинальному лирику.

Фет сам признавал, что его поэмы публика встречала весьма прохладно, что он лишён как «драматической» (он пытался писать и пьесы), так и «эпической» жилки. Так, журнал «Современник» (линия Чернышевского – Добролюбова) в 1859 году громит фетовский перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь»: «...в нём нет Шекспира ни признака малейшего», после чего Фет совместно с другими представителями «эстетического» направления (Тургенев, Толстой) покидает «Современник». А трудный жизненный путь, суровая житейская практика Фета, безнадежно-мрачный «шопенгауэровский» взгляд на жизнь, на людей, на современное общественное движение, всё более отягчали его душу, ожесточали, «железили» его характер, отъединяли от окружающих, замыкали в себе.

«Злой умница»

«Афоризмами житейской мудрости» называл И.А. Ильин переписку Шопенгауэра, вспоминая экзистенциальные мотивы его философии: «Острота проникновения в человеческую душу сочетается с удивительным изяществом и простотой изложения. Эта сила ума и это богатство выстраданного за всю жизнь опыта заставляют прощать ему и крайности, и преувеличения, и беспощадную односторонность иных выводов».

Философия Шопенгауэра своеобразно интегрировалась в русскую литературу: И.С. Тургенев, А.А. Фет и Л.Н. Толстой были не единственными, но наиболее значительными мастерами слова среди тех, кто подготовил почву для широкого распространения в России учения Шопенгауэра. Можно назвать также имена Ф. Сологуба, Н. Лескова, В. Гаршина, К. Случевского, А. Апухтина, А.К. Толстого, Л. Андреева, А. Чехова, И. Бунина и других, испытывавших влияние мыслителя. Тургенев писал Фету, что именно он принёс в Россию имя Шопенгауэра: «Вы и Толстой, вы шопенгауэрианцы – тем самым глупцы. А Шопенгауэр, что же Шопенгауэр, ведь я его вывез в Россию». Однако добавим, что первым в России поклонником Шопенгауэра был в 40-е годы Одоевский.

В становлении и развитии творчества Фета философия Шопенгауэра играла особую роль; характерная черта его – культ красоты, искусства для искусства, отказ от реализма как поверхностного изображения жизни; поэтическим инструментарием провозглашалась мистическая интуиция; сновидения считались ближе к истинному облику мира, чем реальность. В поэзии доминировали интуитивные элементы, пренебрежение логикой и рационализмом.

Поначалу интерес к философии Шопенгауэра объяснялся скорее предпочтениями его поклонников, чем общественным настроением. Идеи Шопенгауэра пали в подготовленную почву. После покушения А. Каракозова на царя (1866) радикалы ушли в подполье, начались репрессии, ужесточилась цензура. Постепенно распространились настроения, свойственные интеллектуалам Западной Европы после поражения революции 1848 года – таким образом, была подготовлена почва для более широкой рецепции философии немецкого мыслителя.

80-е – 90-е годы стали пиком популярности Шопенгауэра, что связывается, с одной стороны, с ухудшением политического климата в России после убийства Александра II; с другой стороны, именно в то время были переведены «Афоризмы житейской мудрости» и работы по этике. Широкий круг читателей получил возможность поразмышлять не только о неизбежности жизненных страданий, но и получить советы, как примириться с ними или их избежать.

В 1881 году был опубликован переведённый А.А. Фетом «Мир как воля и представление»; и философские идеи Шопенгауэра были освоены в творчестве замечательного поэта. Фет ценил в Шопенгауэре прежде всего то, что он почувствовал, как писал Н. Бердяев, «боль и суету мира», обосновал особость человеческого существа и существования. Шопенгауэровская мысль о хаосе случайных импульсов в политике и истории, не имеющих смысла и не связанных с моралью, «встретилась» с чаяниями русских творцов: судьба народа – в судьбе отдельного человека, а в ней главное – отношение к морали.

Их волновала шопенгауэровская антропология, сосредоточенная на человеке страдающем, но не принимавшая в расчёт ни «человека политического», ни «человека социального». Популярность Шопенгауэра объясняется также отсутствием у него «тернистого языка», свойственного немецким классикам, отпугивающего иноязычного читателя. Фета привлекали к его философии блестящий стиль, а также видимая бессистемность и противоречивость, позволяющая использовать нужный для того или иного восприятия фрагмент, подчёркивая либо игнорируя, например, его пессимизм, используя либо элиминируя его практическую этику.

Русская мысль была неразрывно связана с действительностью: часто публицистика, впрочем, как и сейчас, была её рупором, а эмоционально-образный стиль философствования, обращённый скорее к интуитивным прозрениям, чем к строгим логическим суждениям, реализовывался в художественных произведениях. В этом плане русская литература – кладёшь самобытной философии, да и философы были отменными литераторами.

Всемирная отзывчивость русского ума общеизвестна. Эти принципы отличали мировидение и мораль русских писателей, мыслителей от философии Шопенгауэра: вся его этика была проникнута духом индивидуализма. Этика сострадания – это познание чужого страдания, понятого непосредственно из собственного и к нему приравненного, когда каждый при соприкосновении с любым существом способен сказать: «Это ты!»

Этот вывод – безусловен, но он недостаточен для объяснения способности к любви, столь убедительно описанной в русской литературе, которую Томас Манн назвал «святой», а также в русской философии, где любовь – высший принцип абсолютной морали – критерия, направляющего поведение человека к доброму отношению к самому себе, к своим близким, к человечеству и к миру в целом.

Такова философия Шопенгауэра, подпитывающая философию искусства Фета, художественная реальность которого строится не по принципу предметной или мыслительной реальности, а по принципу чувственного целого. Чувственное целое имеет свою логику, законы, которые Фет исключительно талантливо применяет. Так, его художественное целое, как правило, миниатюрно.

В этих миниатюрах он чаще сосредоточивается на настоящем времени, этим как бы выключаясь из времени вообще. Создавая чувственные

миниатюры, Фет берёт не полновесное глубокое чувство, – а лишь миг чувства, зарождение чувства, как бы предчувство или получувство. Получается некое мерцание, неопределённость, к чему, по признанию поэта, его всегда тянуло. Движение у Фета происходит не как развитие с борьбой противоположностей, а скорее как античное движение по кругу, что создаёт удивительное чувство гармонии, единства противоположностей.

Фет резко отделяет художественное познание от иных его видов. Он говорит, что с точки зрения предметности, художественные истины это ложь и чепуха. Художественное познание у него даже не столько познание, самопознание, – само чувствование. Недаром многие исследователи пишут о фетовском импрессионизме. Всё его творчество, статьи и письма пронизаны великолепной культурой красоты. Ценность красоты поэт видит в том, что она помогает человеку вырваться из обыденной жизни, которая, по мнению Фета, течёт по законам Дарвина.

Наука не может помочь человеку вырваться из обыденной жизни. Она скорее делает человека циником и нигилистом. Не может помочь в этом плане и религия. Фет был принципиальным атеистом и нередко высказывался о церкви весьма нелицеприятно. Отвергает Фет и моральные ценности по причине их тесной связи с земными делами. Он пишет, что добро и зло – для человека, а красота – для художника, который выше человеческого, ибо поэт и человек – это для него не одно и то же. Вообще, надо отметить резкое неприятие им тенденциозности, дидактизма, нравоучений, утилитаризма в искусстве. Надо также отметить, что красота для Фета не просто одна из многих категорий эстетики, а святыня, Спаситель.

Молитва и проклятие

Всем известно – путеводная звезда Фета – точность наблюдений, реалистичность воспроизведения духовного мира человека, живущего среди природы, меняющегося вместе с ней. Его увлекает противоречивая сложность развития природы и человека – их борьба, их взаимосвязь. Фет в наиболее совершенных своих стихотворениях прикоснулся к вечным темам, непосредственно связанным с бытием человека, его мечтами о непреходящем, о прекрасном. Узрев «самое её», Природу, как писал о нём Тютчев, Фет вместе с тем сумел прикоснуться к бытию, к его тайнам. Фетовский человек вне социальных забот и общественных тревожений находится в постоянном и разнообразном общении и разговоре с природой.

В самых обыкновенных предметах Фет находит поэзию: садовник, грибник, охотник, агроном, астроном, фенолог, путник, лесничий, – если они внимательные читатели, то они найдут в стихах Фета десятки их интересующих подробностей, мимо которых они прошли бы, если бы поэт не указал на эти подробности перстом стиха. То, что является их специальностью или особым интересом, поэт в силу своего видения раскрывает в стихах с неожиданной даже для них стороны. Поистине возможности поэзии планетарны! Настоящей поэзии. Подробности в его поэзии укрупнены, увеличены в своём значении, тем самым они обретают силу символов – как под взглядом на планету Нептун из телескопа:

*Птицей,
Быстро парящей птицей Зевса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, – ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В тёмных руках повелителя строгого блещет,
Нет пределов
Кверху, и нет пределов
Книзу.*

Звёзды, планеты – Природа служила для поэта определением нравственных качеств человека. Фет мог бы вслед за Толстым сказать (он это и сказал своими стихами), что природа, духовное владение ею, даёт человеку «высшее наслаждение жизни». Человек под небом полдня, в пору ледохода, под звёздами, у моря, в ненастье, на просёлочной дороге, под ливнем, в бурю, зимним утром, в степи вечером, в лесу, на пчельнике, слушая в саду соловьиное пение, на ветру... Не перечислить все аспекты фетовских тематических треугольников. Природа проходит через влюблённое и вечно творящее сердце поэта и запечатлевается в его незабвенных строках.

Фетовский мир трепещет от упоения жизнью, блещет, как сад в росе и небо в звёздах. Воздух этих стихов насыщен озоном, он струится и сверкает. «Былинка не найдёшь и не найдёшь листа, чтобы не плакал он и не сиял от счастья». Доминанта фетовской мелодики – высветленная, небесная, искромётная, моцартовская. Ни сумеречные сентенции Шопенгауэра, ни серьёзные испытания личной судьбы, ни треволения, выпавшие на долю его близких, – ничто не могло отвратить Фета от прославления бытия, природы, любви, звёзд. Это было его призвание, это была его молитва и проклятие.

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда», дипломант конкурса московской городской организации Союза писателей России «Лучшая книга 2008–2011» за сборник «Песни старого шарманщика».

Живёт в Москве.

Найти пути к самим себе...

Мы много лет в печали грезили,
чтоб загорелся над страной
терновый куст родной поэзии –
Неопалимой Купиной!

Скитанья были непростыми:
при изнурительной ходьбе
в безбожных терниях пустыни
найти пути к самим себе.

И, где рывком, где понемногу,
по звёздным и земным часам
сборно выйти на дорогу
к Обетованным Небесам.

Сколько тайного ты ни постиг
в храме жизни, исконно роскошном,
всё равно, каждый прожитый миг
посекундно хоронится в прошлом.

О скитаньях по мукам судьбы
я сыскал бы похвальное слово,
но грехов ледяные столбы
заморозили прелесть бывшего.

И уставшие лгать зеркала
на витке уходящего века
отражают уже не тела,
а подспудную суть человека.

*Снова умом ты Россию не понял,
Снова лишь верить дано...*

Анатолий Аврутин

Ушли, как ясный свет в оконце,
оставив память о себе,
следы знакомых незнакомцев
«в моей блуждающей судьбе».

Ушли, но почерком былинным
смогли на память «зарубить»,
что, оставаясь гражданином,
«поэтом можешь ты не быть».

Враги от страха обмирали,
увидев новый мир вокруг,
когда мы «Левый марш» играли
«на флейте водосточных труб».

Кому теперь осталось верить,
когда иной сановный чин
к России пробует примерить
чужой, «дюймовочный» аршин?

Любовных затмений следами
разметить судьбу не спеши:
сбывается всё, что годами
томится в глубинах души.

Как музыка сердца, как пламя,
которое билось в крови,
зажжётся в подлунном бедламе
звезда запоздалой любви.

И вспыхнут стихи у порога –
свечами святого причастья...
Как выдох немом восторга.
Как сполох внезапного счастья.

По деревням с батюшкой

На праздник Рождества Пресвятой Богородицы мне позвонил поэт Юра Розовский. Оказалось, у него был в гостях его друг, настоятель Храма всех Святых, в земле Российской просиявших, отец Андрей Огородников. Поздравив друг друга с великим праздником, Юрий Витальевич вдруг предложил: «Толик, поехали в следующую пятницу по деревням Братского района. Это батюшка нас с тобой приглашает».

Поездка должна была составить три дня, и, слава Богу, на работе как раз эти дни у меня были выходные. Неделя словно самолёт пролетела молниеносно, и сразу после смены, взяв такси, чтобы не опоздать на паром, уже стою возле Юриного подъезда.

Юрий Витальевич, инвалид-колясочник. А водитель отца Андрея Огородникова Сергей Николаевич Губарь, как всегда взвалив Юру на свой воистину трёхжильный хребет, выносит его с четвёртого этажа пятиэтажки. Ростом Сергей ниже среднего, является отцом двенадцати детей, и я всегда в таких вот случаях дивлюсь его силе. Я, конечно же, предлагаю нести Юру вдвоём.

Анатолий Владимирович Казаков – родился в Братске 29 января 1966 г. Автор трёх книг прозы. Произведения публиковались в журналах «Истоки» (Красноярск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирячок» (Иркутск), «Литературная Губерния» (Самара), «Великороссь» (Москва) и др. Живёт в Братске.

По деревням Братского района...

Сергей Николаевич на это, скромно улыбнувшись, говорит: «Так для Юры будет удобнее».

Стаскиваю вниз коляску, жена поэта Лида несёт вещи, ведь дорога предстояла совсем неблизкая. Внизу нас радостно встречает и благословляет в дорогу наш дорогой батюшка Андрей Огородников. Что заставляет таких действительно очень занятых неисчислимыми делами людей совершать такие поездки? Несомненно, это совесть отца Андрея, его глубоко нравственный внутренний мир. Понимание того, что в ставших давно глухими местах, в братских посёлках и деревнях по-прежнему живут дети.

Каждый год с карты всей России исчезает множество сёл и деревень – это известно всем, и это всё есть несоизмеримая ни с чем огромная боль для каждого равнодушного человека. Пока есть эти леспромхозовские посёлки, сёла, деревни, где живут дети, батюшка и привозит туда поэтов, писателей, и не только туда. Ведь были поездки и по тюрьмам. Православная церковь не отворачивается и от преступника, в отличие от Запада. Ведь если ещё и церковь отвернётся от преступившего светский закон, то человек придёт в совершеннейшее отчаяние. Об этом, описывая слова старца Зосимы, писал Фёдор Михайлович Достоевский...

И вот мы уже в пути. Теперь нас пятеро: кроме перечисленных мной, ехала с нами в посёлок Озёрный староста храма Николая Чудотворца Татьяна Александровна.

Видя мой уставший вид, Отец Андрей предложил поспать в дороге. Сон меня многогрешного почему-то не брал, и все, сидящие в машине, внимали молитвам, читаемым батюшкой. Конечно, переживал за Юру, за то, как он, сердешный, перенесёт поездку. Проехав от Братска более ста километров, миновав Большеокинск, подъехали к реке Оке, где совсем вскорости на пароме, миновав по водной глади два километра, мы причалили к острову.

Любуясь рекой Окой, подумал: как всё же угадала наша матушка-природа. Ведь каждый год осенью собирает человек дары с огорода, из леса, а она, эта самая осень, не дремлет, и светорыжим листопадом глаза порадует, и белым грибом, и ягодой наипользительной. Словно приготовляет нас, сибиряков к долгой с трескучими морозами красавице зимушке-зиме. Нашёптывает всем нам: «Бери яства, ешь, радуйся, детей на Божий свет рожай, свадьбы венчанные играй»...

Дорога до Озёрного была более-менее нормальной: глина, песок, огромные, глубокие лужи, конечно же, не удивляли. Въехав в посёлок, добрались до нового Храма Николая Угодника. Помолившись с батюшкой в Храме, отметил про себя, что внутри храма всё очень уютно, и я бы сказал, красиво: ведь все наши Святые, глядевшие на нас с икон, действительно удивительным образом радуют душу. Призывают её, многогрешную, к покаянию. Часто в разных храмах нашей страны наблюдаю, как бережно, но вместе с тем и ловко выполняют наши женщины свою повседневную работу в церкви – только уже от одного этого становится на душе благолепно...

Озёрнинская школа насчитывает сейчас семьдесят два ученика. На школьные обеды выделяется районом и городом двадцать рублей на ребёнка. Грустно вздыхают учителя, говоря о том, что в былые годы учеников было значительно больше, да и жизнь людей была веселей и обеспеченней. Молодёжь, отучившись в школе, уезжает в города. Но что ждёт их там? Город нынче очень жесток. А дома, в Озёрном, их родители, бабушки и дедушки, дожидаясь детей и внуков, будут заготавливать для них домашнюю снедь.

Усаживаем с Сергеем Юру в коляску, заходим в школу. Все ученики, едва завидев нас, здороваются, это очень приятно и всерьёз трогает душу. Выступая в городских школах, к моему глубокому сожалению, давно заметил, что там этого нет. Конечно, когда соберут отдельно в кабинете и тебя представят, то поздороваются, а чтобы так, как здесь... Собрали на встречу детей всех классов, и вот член Союза Писателей России Юрий Витальевич Розовский читает своё стихотворение «Тузик»:

*Вдоль по улице шёл карапузик,
Юрка – маленький мальчик такой,
И конфету с названием «Тузик»
Он по фантику гладил рукой.
Голубиная стая слетелась
И смотрела на мир свысока.
Юрке очень конфету хотелось,
Но сильнее хотелось щенка.
Только мама сказала, что «рано»,
Папа тоже «не надо» сказал.
А по фантику прыгая рьяно,
Тузик мальчику палец лизал.
Он носился и весело лаял,
Вверх по фантику бегал и вниз.
От дыханья собачьего таял
Под обёрткой конфетный ирис.
Фантик стал темноватым по цвету,
И вообще был немного помят.
Только Юрка не кушал конфету,
Потому что друзей не едят!*

Юра так прочитал стихотворение, что ученики Озёрнинской школы очень долго и радостно аплодировали. Вдруг в школе погас свет, и ученики, даже этого не заметив, но видя наши лица, говорили нам, чтобы мы не удивлялись, что это у них случается очень часто.

Памятуя о том, что нынче не только год литературы, а главное семидесятилетие Великой Победы, Юрий Витальевич прочитал стихотворение «Графиня». Наверно, это запрещено литературными правилами, но приведу стихотворение полностью:

*Мороз застыл на балюстраде,
Метель по улицам мела.
В седом блокадном Ленинграде
Дворянка старая жила.
Осьмушку хлеба половиня,
В буржуйку бросив горсть трухи,
Полузамёрзшая графиня
Листала Байрона стихи.
В окно стучались взрывов звуки,
Метались блики по стене.
Но ей не страшно.
Что там, внуки
Уже погибли на войне,*

*Их смерть не пережили дети,
А ей вот Бог отмерил дней.
Она одна на этом свете,
Лишь Байрон что-то шепчет ей.
Слова его – бальзам для слуха.
Без них – Господь не приведи!
И томик маленький старуха
Рукою жмёт к своей груди.
На шали, словно на корсаже,
Биеньем сердце ожило.
Сейчас она ему расскажет,
Как ей ужасно тяжело,
Как часто обращалась к небу:
«Возьми старуху, не томи».
Как слёзы катятся по хлебу.
Хлеб вкусен с солью, топ аті.
Как будто ешь тоску и муку,
А здесь её никто не ждёт.
И Байрон, взяв худую руку,
С собой графиню уведёт.
А утром, у буржуйки сидя,
Надев из инея тулуп,
Держа стихи и строк не видя,
Блокаду встретит новый труп.*

В зале воцарилась тишина, именно та, которую каждый автор в душе ждёт порой бесконечно долго, а если присовокупить к этому Юрину болезнь, то слушая теперь восторженные крики детей, Юрино лицо озарилось долгожданной улыбкой. Затем поэт спросил: «Скажите честно: кто из вас пишет стихи»? И когда в этом признались две девочки, он подарил им по сборнику своих стихов. Юра же, вручая книги, произнёс: «Это вам за честность». На лицах педагогов и учащихся ясно читалась ярко выраженная радость и удивление. Мне же почему-то захотелось спеть детям песню Александра Барыкина «Молись дитя». Общее фото, всеобщая радость, улыбка батюшки – такое не забывается...

После мы были приглашены на обед к Татьяне Сергеевне Домрачёвой. Когда я спросил, откуда пошла такая фамилия, она с улыбкой ответила: «Может, предки на домре играли». Сердешная эта женщина дала мне сушёных белых грибов порадовать домашних.

Дорога до посёлка Карахун оказалась намного хуже, чем до Озёрного: весь путь нас вела ужасно разбухшая глиняная колея, узкие бревенчатые мосты, только и гляди, как бы не вылететь с дороги. Нашему водителю Сергею приходилось туго, словом, здравствуй, русская дорога. По такой дороге не разогнаться, и поэтому только часов через пять мы попали в Карахун. Я всё никак не мог запомнить название посёлка, путался в буквах, Юра пошутил: «Ну помнишь в прошлом знаменитую песню: "Это Каракум", группа "Круг" её пела, солистом был Игорь Саруханов. Так вот, поменяй две буквы». И этот совет действительно мне помог.

Карахун, говорят, название якутское. Раньше сюда ходили два «метеора» и летали самолёты. Теперь же ничего этого нет, остался один паром, до которого пилить и пилить.

Приехали мы вечером, и нас покормила ужином Людмила Павловна Дерябина. На столе стояла горячая рассыпчатая картошка, солёные рыжики, паштет из маслят, жареная щука. Съел я полюбившихся мне маслят, пожалуй, лишку, подумал, что живот разболится, но всё обошлось.

Поев и поблагодарив хозяйку, мы отправились в пустующий дом. Оказалось, что хозяева этого дома были выходцами из западной Украины, звали их Василий и Мария Якуб. Будучи прихожанами здешнего Храма Петра и Павла, завещали после их смерти отдать дом батюшке. Нас встретила уже натопленная прихожанами печь и принесённые ими же продукты.

Начался прохладный осенний дождь, а мы сидим в просторном доме в Карахуне. Батюшка, Юра и я ведём разговор о вечной суетности жизни. Водитель Сергей сразу же лёг спать, ибо дорога утомила его больше, чем нас. Рано утром я услышал, как ко мне подошёл отец Андрей и воскликнул: «Господи, да ты же замёрз». И заботливо накинул на меня ещё одно тёплое одеяло. Пробуждаемся все окончательно, и снова вопрос батюшки: «Анатолий! А как вы относитесь к "Дошираку"»? Говорю, что нормально, если туда не класть специи из этого пакета, а заварить одну лапшу. Так и сделали, открыв ещё и рыбные консервы, ибо в дороге священнику разрешается вкушать и рыбу.

В Карахунской школе насчитывалось шестьдесят с лишним учащихся. И снова замороженные взгляды детей от Юриного выступления, вдобавок ко всему звучащие с ноутбука написанные и спетые самим автором патристические песни. Воодушевлённый действием, спел и я русскую народную песню «Ах ты, душечка». Одна ученица искренне спросила: «Как же вы, бедные писатели, по такой дороге к нам добрались»? И мы, как и в Озёрном, снова дарили детям свои книги, сами радуясь происходящему.

Подходя к храму «Петра и Павла» и увидев тянущийся вверх дымок из печной трубы, радостно отметил про себя, что жизнь в храме идёт. Зайдя с батюшкой в храм, увидел прихожанку Нину, поддерживающую отопление в храме. Она призналась мне, что пишет стихи. Гляжу на поленницу дров и на то, как ловко она топит печь, и снова посещает меня радость.

Перед отъездом мы снова в гостях у Людмилы Павловны Дерябиной. Она сразу же спросила меня: «Ну как, после маслят, рыжиков моих не болел живот»? «Нет», – говорю. А она уже заметно повеселевшим голосом: «А чо с них будет, чистые они. Ходила я недавно в лес, увидела медведя, но, слава Богу, он меня не тронул. Пришлось добирать груздей в другом месте». В дорогу Людмила Павловна дала мне баночку с солёными рыжиками. А отцу Андрею кто-то из прихожан принёс две выловленные утром щуки. Пока отец Андрей освящал два дома в Карахуне, Сергей отвёз нас на берег, а там благословенно несла свои воды широченная, величавая Ангара. Остров один, а омывают его с обеих сторон разные реки: Ока и Ангара. Мы снова едем по сильно размытой дождём дороге на невысокой скорости. Видим большой участок леса, напроць выгоревший от человеческой беспечности. Становится грустно. Вдруг отец Андрей велит Сергею остановиться. Выйдя из машины, батюшка срывает большущий белый гриб и дарит его мне со словами, чтобы я порадовал свою семью царём грибов. Проехав ещё полпути, мы поняли, что бензина хватит только на то, чтобы добраться до Братска. Поездку в Наратай пришлось отложить. Снова переправляемся на пароме, приезжаем в Братск. Батюшка отдаёт водителю Сергею и мне по щуке. Сергей привычно несёт на горбу Юру, и Лида радостно нас встречает. На следующий день был большой православный праздник Крестовоздвижения.

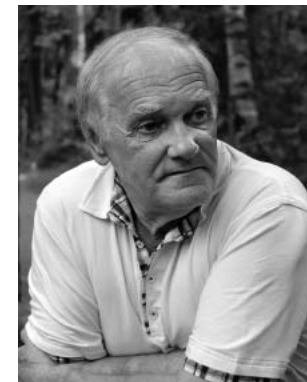
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий РЫЧЕНКОВ

Религиозный космизм поэзии Юрия Богданова

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Ф.И. Тютчев

Недавно мне довелось прочитать статью о творчестве поэта Юрия Богданова, которая имела название «Космизм в поэзии Юрия Богданова». Прочитанное оставило осадок недосказанности и даже некоторую досаду, поскольку автор, видимо, трактовал понятие «космизм» в самом буквальном смысле. Отсюда и однобокость в анализе произведений поэта. Видимо, поэтому цитировались произведения практически одной книги «Солнцу хвала». Я несколько не сомневаюсь, что эта книга вовсе не почитание солнца как светила, как планеты, а гимн животворному свету как божественному началу всего земного, как естественному слиянию космоса с человеческой цивилизацией на всём протяжении существования Вселенной.

Я хорошо знаком с творчеством Юрия Богданова, поэтому сразу возникло желание высказать своё мнение на эту тему, так как этот термин действительно органично подходит ко всему творчеству поэта, начиная с 60–70-х годов, когда Ю. Богданов увлекался сонетной формой и, надо отметить, с большим успехом, и по настоящее время. Хочу лишь заметить, что Ю. Богданов является одним из немногих христианских поэтов современности, и потому в применении к его творчеству более уместен термин «религиозный космизм», который в полной мере отражает глубинную суть произведений автора. Смысл истории, по В.С. Соловьёву, который является одним из самых ярких представителей русского религиозного космизма, заключается в постепенном одухотворении, нравственном совершенствовании человечества через усвоение и осуществление им христианских начал.

Рыченков Юрий Алексеевич – член Союза писателей России. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение национальной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп». Автор поэтических книг, отмеченных литературными наградами. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

Если искренность настроения, возвышенность тона, чистота чувства характеризуют истинно художественное произведение, то эти элементы встречаются в большей полноте в произведениях религиозного характера. Религиозные сюжеты весьма важны для развития поэзии: они вносят в её область черты лучшего, идеального мира. Недаром в минуты сомнения и душевного разлада А.С. Пушкин прибегал к возвышенным религиозным образам, недаром из-под его пера вылились следующие вдохновенные строчки: *«Твоим огнём душа палима, / Отвергла мрак земных сует, / И вземлет арфе серафима / В священном ужасе поэт»*. Нельзя лучше выразить значение религиозной стороны поэзии. Эти искренние чувства, совершенно очевидно, глубоко проникли в душу Ю. Богданова, затронув наиболее нежные струны его творчества, служа источником личного вдохновения поэта. Какая эмоциональная сила заключена в словах автора, которые звучат как неопровержимая истина, в стихотворении «За каким-то иным пределом...»

*Нет земной
И небесной тайны –
Есть молитвенные слова,
Нет безвыходного отчаянья –
Есть Божественные дела.*

И тут же в стихотворении: «Я мог прожить безоблачно-легко...» автор признаётся, что именно является основой его земного существования:

*И над землёй туманами парю
Дыханием космических начал...
Тебя и Бога я благодарю
За то, что я любовь Его познал.*

Но, прежде чем обратиться напрямую к творчеству Юрия Богданова, хотелось бы коснуться, в самом общем смысле, этого ёмкого понятия, уточнив, что речь идёт именно о русском космизме. В середине XIX века в России в результате взаимовлияний естественных и гуманитарных дисциплин на почве самобытной культуры России возникло своеобразное течение мысли, которое и получило определение «русский космизм». По определению П.А. Флоренского, особенностью русского космизма является «человеческая деятельность в её всеобщности, как свидетельство существования целой реальности». Она утверждает такой взгляд на мир, при котором Вселенная и человек соизмеримы, а душа и космос однопорядковые явления. Главная идея русского космизма заключается в том, что космос естественен, а человек есть не что иное, как органично связанная с ним частица.

Духовный, научный и творческий потенциал русского космизма, его проективная направленность и оптимистический взгляд на будущее делают это течение всё более привлекательным для наших современников. Это вызвано тем, что космизм характеризуется осознанием всеобщей взаимообусловленности, всеединства, поиском места человека в Космосе, взаимосвязи космических и земных процессов; включает в себя элементы науки, философии, религии, искусства. При этом исследователи отмечают разнообразие и условность классификаций этого феномена по двум причинам: все «космисты» были одарены талантами в различных сферах культуры и являлись оригинальными мыслителями.

Если конкретно касаться литературного произведения, то необходимо выделить следующие черты космизма: размытость граней потустороннего и реального мира, где земное пространство переходит в космическое, а историческое время соседствует с вечностью, единство мира и взаимоотражение друг в друге разнородных явлений (всё во всём), где пространственно разделённые предметы и явления могут ментально соседствовать.

Не будем в данном конкретном случае касаться космизма, как одного из характерных свойств пролетарской поэзии эпохи гражданской войны 1918–1921, позволяющее часто называть космизмом весь стиль пролетарской поэзии тех лет, что излишне суживает определение этого стиля. Космизм, как характерная черта пролетарского поэтического стиля 1918–1921 вырос из гиперболизма, обусловленного стремлением претворить в образы величие и беспредельную мощь пролетарской революции. Был распространён в творчестве поэтов Пролеткульта. Характерным примером этого творческого начала может служить строка из произведения В. Кириллова: *«Звёзды в ряды построим, в возжи впряжём луну»*.

В широком смысле этим термином обозначается определённая ориентация нашей национальной культуры, в основе которой лежит идея живого нравственного единства человека, человечества и вселенной. Как отмечал Ф.М. Достоевский, «ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть изо всех народов более предназначено». Черты космизма в разной степени интенсивности присутствуют в трудах большинства русских мыслителей, писателей, поэтов, художников. В поэтически-художественном или культурно-философском направлении особенно заметны труды Г.Р. Державина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, В.С. Соловьёва, М.А. Волошина, В.А. Хлебникова, Н.А. Заболоцкого и других. Поэт Юрий Богданов является достойным преемником и продолжателем этого направления в современной поэзии, причём, мне кажется, по основополагающим принципам Ю. Богданову наиболее близка философия В.С. Соловьёва, а по образному восприятию окружающего мира его поэзия перекликается с вечно живыми стихотворными шедеврами Ф.И. Тютчева.

Внимательно вчитываясь в стихи Ю. Богданова, невозможно отделаться от мысли, что автор, будто сознательно, подталкивает читателя к решению всего комплекса мировоззренческих идей и установок, выражающих устремления человека к небу, космосу, Вселенной и его желания определить не только земное, но и своё космическое место в мире и в соответствии с ним повысить свой статус как разумного и творческого существа. Думается, что всё, являющееся основой космизма, а это направления человеческого духа от локально-местного к вселенскому, от войн к прочному миру, от этнического и конфессионального к общечеловеческому, от одномирности к многомирности, от конечного к бесконечному, от временного к вечному, от смертности к бессмертию в той или иной мере нашли отражение в творчестве Юрия Богданова.

Что мы знаем о Юрии Богданове? За спиной поэта Юрия Николаевича Богданова большой жизненный путь. Он родился 8 августа 1944 года в городе Горький. Окончил Минское музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.) по отделению народные инструменты, работал преподавателем в музыкальной школе г. Барановичи Брестской области Белорусской ССР (1964–1971 гг.). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР (1974 г.). Работал заместителем начальника Главного управления кинофикации и кинопроката – начальником отдела кинопроката Государственного

комитета Белорусской ССР по кинематографии (1975-1988 гг.), старшим редактором, секретарём парткома на киностудии «Беларусьфильм» (1988-1990 гг.), ведущим редактором Министерства культуры БССР (1990-1992 гг.).

Философский склад ума, глубинные познания исторических процессов привели Ю. Богданова к религиозно-философским проблемам, к вере, которая зачастую является лирическим героем многих его стихотворных произведений. Только благодаря таланту таких выдающихся поэтов современности отчётливо выделяется явление, сформировавшееся в последние пятнадцать-двадцать лет – современная православная лирика. С каким глубоким чувством написаны поэтом строки:

*Заалет празднично восток –
Что-то вдруг поднимет спозаранку:
И войдёт под своды тихо Бог
В блеске солнца в зареве маланки...*

Как эти мысли перекликаются со строками Гавриила Романовича Державина из поэмы «Бог»: «О, ты, пространством бесконечный, / Живый в движеньи вещества, / Теченьем времени предвечный, / Без лиц, в трёх лицах божества!» И вот, вслед за панорамой Божественного мироустройства, появляется Его творенье – человек в пронзительном восклицании: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я червь – я бог!» Занимая промежуточное положение между божественным и земным, человек по сути своей, по необходимости противоречив и непредсказуем. «Человек, – пишет В.С. Соловьёв, – есть вместе и божество, и ничтожество». Поэтому вполне закономерно, что в системе Вселенная – Человек и у Юрия Богданова в сонете 35 находим следующие строки о главном творении Бога:

*А человек и в космосе земной:
Подвержен он и болям, и страданьям –
Великое и хрупкое созданье...*

В сонете 116, который целиком посвящён предназначению человека в его общении с природой, космосом, звучат те же мысли о его величии:

*О, человек, нет для мечты предела
И для твоих божественных затей.
.....
Ведь ты один из всех земных детей
Вселенную тревожишь мыслью смело...
.....
Не думаешь, что ты – великий гений
И космос неразгаданный земной.*

Чем больше вчитываешься в произведения Ю. Богданова, тем больше убеждаешься, что практически всё его творчество, включая произведения любовной лирики, носит космический характер. В его стихотворениях мы находим много созвучий с положениями Живой Этики. Эта философская система, принесённая миру Еленой Ивановной Рерих, сыграла ключевую роль в формировании космизма и получила название философии космической реальности. Вечные вопросы требуют осмысления и не могут не отражаться в творчестве Ю. Богданова. Вчитаемся внимательно в строки: как они просты и естественны в вечном своём звучании:

*Плывёт луна в сиянии снегов,
Свет отдавая ночи без остатка, –
Не иссякает множество веков
Вселенной неизбывная загадка...*

В стихотворении «Когда в слепящей звёздной мгле...» читаем откровение:

*Пред ликом неба голубым
Стою растерзанный и смятый,
И чувства, как весенний дым,
Над пропастью души разъяты.*

В стихотворении «Перепутаны сны и явь...» тот же вопрос в переживании поэта о хитросплетениях судьбы:

*Не распутать нам явь и сны,
Не понять нам бесценный дар...*

Читая эти строки, со всей полнотой ощущаешь космическое настроение, делаешься как бы сопричастным великой космической действительности. В приведённых строчках разворачивается перед нами переживание поэтом иного мира. Этот мир с более утончённым состоянием материи Живая Этика называет Тонким. В этой философской системе отмечается, что «сон есть приобщение к Тонкой Сфере». Но это не просто приобщение. Живая Этика утверждает, что сон важен именно потому, что во время него может происходить общение человека с теми сферами Тонкого Мира, материя которых обладает высокой энергетикой. Эта высокая энергетика, которую человек получает при соприкосновении с Высшими сферами, необходима для эволюции человеческого духа, для всех творческих начинаний человека. Без общения с Высшим человек существовать не может. И именно в творческом сне из Высших миров приходят знания, образы, обогащение новым опытом.

О том, что жизнью мы обязаны Солнцу, напоминает М.А. Волошин: «Дети солнечно-рыжего мёда / И коричнево-красной земли, / Мы сквозь смерть во плоти проросли, / И с огнём наша схожа природа». А теперь задумаемся в строчку сонета 176 Ю. Богданова: «Для будущего жили мы и в прошлом...». Или вникнем в мысль его сонета 48:

*И наши сны не отделить от были –
Всё связано... Но как уразуметь,
Что в колосках мы до рожденья жили
И будем жить, когда наступит смерть.*

В этих строках явственно слышится тютчевское «всё во мне и я во всём», что в поэтической форме отражает идею о единстве человека и Мироздания. Тезис о тождестве микро- и Макрокосмоса является одним из центральных в философии русского космизма, и конечно, он нашёл яркое воплощение в Живой Этике. «Человек – часть космической энергии, часть стихий, часть разума, часть сознания высшей материи», – утверждает эта философская система. Одно из главных методологических положений Живой Этики гласит: человек не только является частью Космоса, но и несёт его в своём внутреннем мире. И это позволяет ему влиять на эволюционные процессы Мироздания. И стихотворные строки Ю. Богданова эмоциональное отражение этой идеи.

Вспомним строки выдающегося поэта-философа Н.А. Заболоцкого: «Два мира есть у человека: / Один, который нас творил, / Другой, который мы

от века / Творим по мере наших сил». Вспомним восклицание Ф.И. Тютчева в одном из самых значимых своих стихотворений: «О вещая душа моя! / О сердце полное тревоги, – / О, как ты бьёшься на пороге / Как бы двойного бытия!..» Оно удивительно точно повествует о великом законе двойственности. «Двойное бытие» – это дух и материя, небесное и земное, невидимое и видимое. У Юрия Богданова красной нитью по всему творчеству проходит идея существования нетленной души, и потому нет ничего удивительного в том, что рефреном великим провидцам звучат строчки из его стихотворения «Забудь сомненья и воспрянь...»:

*Не уставай творить добро,
Ведь впереди – у Бога вечность...
Кресало духа, как перо,
Войдёт в загадочную млечность.*

И здесь и там поэзия космоса, и здесь и там космос, но как они отличны друг от друга. У каждой эпохи свой космос, а значит и свой космизм. Но разве хоть чуточку изменился мир – да нет, он всё тот же, другим становился человек, по-другому начинает видеть этот мир, а, следовательно, претерпевает изменение и космизм, как представление о мире в его целостности, включающей как Творца, так и его творение. Стихотворение «По снежному полю петляют следы...» заканчивается следующими строчками:

*...Услышать небесное пенье
В остатке того, что осталось прожить,
Почувствовать миг воскрешенья.*

Ю. Богданов тонко ощущает эту двойственность, потому что, только учитывая эту двойственность, можно понять явления и события нашего мира, потому что всё без исключения имеет эти две стороны. На пороге или границе этого двойного бытия действительно находится сердце человека. В Живой Этике содержится целая концепция сердца, которое осмысливается как мост между плотным, видимым миром и невидимым миром тонкой материи. Сердце человека является посредником с этими мирами более высокого состояния материи. Именно сердце способно чувствовать импульсы, исходящие из этих миров. А как задушевно звучат строки простого созерцания окружающего мира, но подсознательно говорящие о непрерывности сознания:

*Решетом сверкающую пыль
Космос развеивает над полями...
Вроде, я когда-то где-то жил
И хожу по вечности кругами.*

Ощущая сиюминутность и вечность человеческого существования, в окружении бесконечной вселенной, как точно переданы поэтом чувства восприятия окружающего мира, какой энергией наполнены строчки о жизнелюбии в стихотворении «Твоим лучам поверю снова...»:

*Ушла, как будто в бесконечность,
Земля замедлила свой бег:
Я познаю душою вечность –
Минута тянется, как век...*

Ещё более откровенное признание судьбе звучит в стихотворении «О, Человек, Всевышнего создание...»:

*Но я живу божественным рассветом,
В очерченном молитвою кругу...
К судьбою мне подаренному свету
Я никогда привыкнуть не смогу.*

Хочу отметить следующее: я не случайно подобрал стихотворения Юрия Богданова, которые, так или иначе, затрагивают тему взаимоотношений человека с Высшими мирами. Существует великий космический закон: Высшее в эволюции ведёт за собой стоящее на более низкой ступени развития. Иной возможности эволюционировать, чем следовать за теми, кто покорил более высокий уровень знания и опыта, не существует. Из Высших миров поступают в наш земной мир необходимые эволюционные импульсы, дающие возможность совершенствоваться как отдельному человеку, так и всему человечеству. Мне кажется, что поэт Юрий Богданов в своём творчестве точно ощущает эти импульсы, постоянно совершенствуясь в области философско-православной поэзии, чему мы являемся непосредственными свидетелями. Так пожелаем же великолепному поэту и далее радовать читателей своим творчеством.

А творчество поэта Юрия Богданова многогранно: его перу принадлежит несколько драматических произведений, ему доступны и сложные формы острой социальной сатиры, с высоким мастерством написаны поэтом стихотворные циклы, посвящённые М.Ю. Лермонтову и С.А. Есенину. В последнее время автором созданы сложнейшие стихотворные произведения: венки сонетов. Но это темы для отдельного разговора.

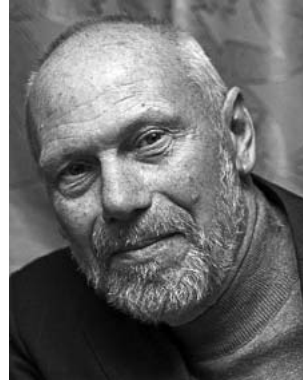

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – родился в декабре 1944 г. в Хабаровске. В Москве с 1949 г. Служил на Камчатке в погранвойсках. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Известен по публикациям в московских газетах, журналах, коллективных сборниках. Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2011-2013» за поэтический сборник «Всего дороже».

«Когда пойду полями ко всеобщей к реке...»

Деревня с индексом Москвы,
Провинциалочка столицы.
Каникулы у пацанвы,
Форсят по пляжу ученицы.

Кружится галок вдовий стон
Над поржавевшим шлемом храма.
Осенена его крестом
Кладбищенская панорама.

Колонки летом без воды,
Кольцо трамвайное далече.
Луч керосиновой звезды,
Споткнувшись, наступил на вечер.

И рукомыльником в сенях
Уже позвякивает зорька.
Проснуться бы мне второпях,
Да расставаться с детством горько.

Колокола, колокола
Коломенского нас венчали,
И крыши нашего села
По яблонькам мы примечали.

В овраге тропка к роднику
Среди орешника струится.
Тоскуют пятки по песку,
Душа по ледяной водиче.

ВИКТОР КАШКИН

Настой черёмухи ловлю
Окном с незастеклённой рамой.
Я эту родину люблю
И называю просто мамой.

Ночью стороной прошла гроза,
Обронив в лесу вязанку грома.
Покажусь ли маме на глаза,
Коль бежал родительского дома?

Что мне Русь – Непрядвы берега?
Церковь ли Угоднику Миколе?
Где молиться стал бы за врага,
Если с ним я не на ратном поле.

Что мне вера – свечка для души?
Что мне святость – келия монаха?
Или же в музее за гроши
Приложиться к Шапке Мономаха?

Что с того, что выберу музей,
Где держава в инвентарных бирках,
Всё равно, что песню без друзей
Предпочту, тем паче на поминках.

Не впервой, кто б нас ни заказал,
Жить судьбой прифронтового дома,
Родина тебе, пока гроза
По пути не растеряла грома.

Россия дальше Енисея,
Повсюду, где её судьба.
И там, где внуков Моисея
Согрела русская изба,

И там, где стала за границей,
Такой уж выпал ей формат,
Что даже у себя в столице
Она живёт как эмигрант.

Оставили ей сарафаны,
Простили ей колокола
И предлагают за бананы
Забыть, какой она была.

Забыть о Куликовом поле,
Полтаве и Бородине,
И про Заступницу, в чьей воле
Радеть о нашей стороне.

Россия дальше Енисея,
За Волгой тоже наша речь,
И под созвездием Персея
Мы русскую топили печь

В Архангельске и Магадане,
За Доном и за Иртышом –
Везде, где Родина за нами
И уцелевший русский дом.

Что луна мне, когда бессонницу
Делим с ноченькой пополам,
Если тешит нас призрак звонницы,
Где висеть бы колоколам.

Если тем беспокойна родина,
Что срамили на ней Христа,
Словно Пушкину можно без Болдина
Или нам без Честнаго Креста.

Словно в метрике я без отчества,
А расстрельные списки врут
И про Бутово, и про зодчество,
И забывших родство иуд.

Всё чаще, кажется, дрожит
Из-за меня в потёмках ночи
Звезда, чья жизнь моей короче,
Коль ею день не дорожит.

Всё чаще, кажется, на мне
Вина её исчезновенья,
Когда последнее свеченье
Звезды погашено в окне.

Всё чаще, кажется, не спит
«Медведица» под небом ночи
Из-за меня, чья жизнь короче,
Пока рассвет не предстоит.

Когда пойду полями
Ко всенощной к реке,
Где церковь с тополями
И клён невдалеке,
И золотая роцца,
А после долгий лес
По берегам полощат
Полотнище небес,
Там вспыхнут над поречьем
Кресты в закате дня,
И звонница о Встрече
Благовестит меня.

Берёзовые рощи
Да хвойные леса,
Мне на деревне проще
Услышать Небеса.

Едва подкрался вечер,
Воруя краски дня,
Как сразу был засвечен
От вспышки фонаря.

С досады, что испорчен
Его лукавый труд,
Он под покровом ночи
Чернила вылил в пруд.

И умыкнул орешник,
 Что на краю села,
 А у меня – подсвешник
 И спички со стола.

Луна зажгла лампадки
 На куполе небес
 И, наплескавшись в кадке,
 Зашла за ближний лес.

И водится, как в сказке,
 Рассвет не обманул:
 Украденные краски
 Палитре дня вернул.

А сам покинул утро,
 Испив ночной росы,
 И таял в небе смутно
 След красной полосы.

На подкове залива
 В жёлтом свете луны
 Снежной пеною грива
 Черноморской волны
 Умывала причалы
 В геленджикском порту,
 Без тебя одичалом
 На февральском ветру.

Сомнительное дело отдых
 На пляже на камнях холодных,
 На черноморских берегах,
 Где солнце, видимо, в бегах.

Да и луна, как ни гляжу,
 Всё примеряет паранджу.

На сером зеркале воды,
 Где стайка уток, рябь кружится.
 Парк. Зябко. Осени следы.
 Поэту есть чем поживиться.

Рассказывал бы не спеша
 О зеркалах озёрных много.
 Но не сейчас, когда тревогой
 Моя стреножена душа.

Феня, Груша, Анастасия,
 Брат их младшенькой Михаил –
 Все мне сродники и Россия,
 Та, которую дед любил.

Он в крестьянстве мозолил руки,
 Черепицу на сруб копил,
 Но ушли из деревни внуки,
 Той, которую он любил,

Где в Николу гостил у Бога,
 Благо, храм за оврагом был.
 Позабыта туда дорога,
 Та, которую дед любил.

И не только дорогу эту,
 Потерявшись среди могил,
 Не нашёл я тропинки к деду
 Или к тем, кто его любил:

Фене, Груше, Анастасии,
 С ними меньшенький Михаил
 И последние дети России,
 Той, которую дед любил.

Заречёмся ли ненавидеть,
 Раз уж следуем за Христом,
 Всех, сподобился кто обидеть
 Нас и в праздники, и постом?

Раз уж лучшего нет предлога,
Чтобы с краю и в стороне
Затерялась моя берлога
В ошалевшей от пуль стране.

Раз уж грешный (не смог иначе)
Припаду ко святым образам
И о русской юдоли заплачу,
И о тех, кто не верит слезам.

Мне странно видеть в декабре
Беспечных уток,
Когда гляжу в календаре,
Что меньше суток
Жить до Николиного дня
В замшелых тучах,
Что, как сварливая родня
Смиренью учат.
Погоде радуясь любой,
Не выбирая,
С ней опечалован судьбой
Родного края,
Где снега выпросить зимой
Уже не можем.
И всё же край,
Что мне родной,
Всего дороже.

Владимир Филиппович Смык – родился в 1941 г. в Ейске Краснодарского края. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Поэт, прозаик, публицист. Печатался в журналах «Образ», «Наши современники», «Москва», сетевом литературном журнале «Камертон» и других изданиях. Автор книг «Встречи» (1990), «Приключение в библиотеке» (2008). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Приобщение к великому подвигу

Написанное 90 лет назад есенинское «Тот ураган прошёл. Нас мало уцелело» вполне можно отнести к нашим дням. После урагана, разрушившего Советский Союз, немного уцелело тех, кто остался верен исторической правде: большинство представителей творческой интеллигенции торопливо меняло убеждения, чтобы не опоздать к делёжке пирога или, по крайней мере, пристроиться к новым власть имущим, в надежде на крохи с барского стола; молодёжь объявила «поколением Пепси», а точнее – превращали в «поколение пива». «Дед, – смеялись молодые люди над

ветераном войны, – зачем ты брал Берлин? Мы бы сейчас баварское пили». При таком раскладе шкала ценностей, служившая маяком старшему поколению, оказалась разрушенной, и цепь преемственности – разорванной. Уцелевшие опоры, поддерживающие цепь, по которой энергия прошлого передаётся настоящему, можно пересчитать по пальцам одной руки. Название этой цепи – народная память. Выпущенная к 70-летию Великой Победы Книга Николая Головкина «Птица-память» передаёт импульс этой энергии от старшего поколения живых и мёртвых солдат Великой Отечественной через «среднее поколение», к которому принадлежит автор книги, – молодому читателю.

Небольшая книга, удостоенная нынешней осенью Золотого диплома VI литературного форума «Золотой витязь», состоит из цикла написанных в разные годы стихов «Фронтовая фотография» и публицистических очерков и писательских эссе «Цвет и тень».

Трудно и даже едва ли возможно поэту, родившемуся после войны, быть творцом оригинальных – «первичных» – военных впечатлений. Автор «Войны и мира» командовал батареей во время Крымской компании, автор «Бородино» бесстрашно воевал на Кавказе. Из тех, кто не имел личного военного опыта, кажется, только гениальный Пушкин сумел описать битву так, чтобы мы зримо представили полтавское сражение. Но как же тогда писать о той войне, о которой рассказал автор «Василия Тёркина», плеяда талантливейших поэтов, включая Константина Симонова, Семёна Гудзенко, Давида Самойлова?.. В этом контексте вполне понятна перекличка стихов Головкина с мастерами минувшей эпохи.

С Твардовским:

*Это я в ту войну подо Ржевом убит
И лежу здесь до воскресенья.*

С Ахматовой:

*Но русские наши глаголы
Питала родная земля...
Сыновья любовь не остыла,
Смогли мы глаголы сберечь.*

И всё же личное, непосредственное проявляется сквозь опосредованное. Одно из свидетельств этого «Семейная фотография»:

*На фотографии военной
(во многих семьях их хранят)
В шинелишках обыкновенных
Я вижу девушек-солдат...
Не всех с войны дождалась дома.
Живыми снимок свёл девчат.
И Лиза, Нина, Маша, Тома,
Обнявшись, в наши дни глядят.*

И здесь поэт, на мой взгляд, очень удачно находит связующую нить, живую связь военного поколения и его наследников:

*Мы молодыми видим близких,
Какими знать не довелось.*

*А в их военной переписке
Есть и для нас привет, небось.*

Это стихотворение, посвящённое родной тётке поэта Е.В. Можуховской, автор мог бы назвать «Женское лицо войны» в полемику со Светланой Алексиевич, написавшей «У войны неженское лицо» и получившей Нобелевскую премию не за литературную, а за чисто журналистскую работу, хотя слово «чисто», если говорить о её содержании, неуместно. В книге Алексиевич собраны интервью с участницами и участниками войны, причём поданные односторонне и тенденциозно. Автора интересовали негативные – грязные – факты: под видом правды о войне читателю выдаётся «жареное», в котором не всегда отличишь, что есть правда, а что – плод мрачной фантазии журналистки. Красноармейцы и партизаны показаны так, чтобы вызвать ужас у читателей, будто это не книга советского автора, а стряпня геббельсовской пропаганды, цель которой убедить своих солдат ни за что и никогда не сдаваться русским: «Мы брали пленных, приводили в отряд... Их не расстреливали, слишком лёгкая смерть для них, мы закалывали их, как свиней, шомполами, резали по кусочкам. Я ходила на это смотреть. Ждала! Долго ждала того момента, когда от боли у них начнут лопаться глаза».

Алексиевич сделали нобелевским лауреатом за подобные ужасистики именно в нынешнем году, потому что её написанная много лет назад книга дождалась своего часа: сегодня она удачно вписывается в гигантскую пропагандистскую компанию, которую проводят русофобы Северной Америки и Западной Европы против нашей страны и её народа. «Смотрите, – говорят они своему обывателю, – всё что мы говорим вам о русских дикарях – суцая правда. Их мужчины – жестокие насильники, их женщины – развратницы и детоубийцы».

Когда пером автора движет желание прикоснуться, приобщиться к великому подвигу отцов и матерей, встать в их строй, чтобы чувствовать себя наследником Великой Победы, он приходит к правде подлинной, и на пути к ней поэта ждут настоящие художественные удачи: *Твой вечен сон и всё-таки тревожен, / так нас гудками будят поезда* («Неизвестному солдату»); *Вдовы ждут до сегодняшних дней / и, отдав ожиданью все силы, / растворяются в просторах полей* («Птица память»); *Киев – наш, Киев – русский, он – жив, / и в такт песне ожили медали* («В.В. Сорокину»); *Поцеди и дочь и сына, / смерть останови, / Украина, Украина...*

Вторая часть книги Николая Головкина – писательские эссе – состоит из очерков, которые не могут не волновать и смотреться очень актуальными в контексте сегодняшнего дня. «Зёрнышки блокады» – рассказ о том, как в осаждённом Ленинграде сотрудники Ботанического института им. Комарова бережно сберегли огромную коллекцию растений и семян (это в условиях чудовищного голода и холода), служит горьким упрёком тем, кто допустил, что прибрежная часть Никитского ботанического сада была отведена под дачи экс-министра обороны Украины Александра Кузьмука, экс-премьера Валерия Пустовойтенко и других недавних хозяев Украины и Крыма. Очерки «Манкурты среди нас» – о вандалах, уничтожающих памятники, связанные с войной, «Для славы мёртвых нет» – о проблеме захоронения защитников Родины, от которой уходит государство, – показывают, как неблагоприятно у нас с исторической памятью. И всё же она жива и не умрёт, эта память, как бы ни старались «гарвардские шалуны,

стоящие у руля отечественного образования», принизить и исказить подвиг творцов Великой Победы.

Книгу заканчивает эссе «Урок мира», посвящённое тому, «как воспринимают Великую Отечественную войну и нашу современность сегодняшние школьники». Автор делает вывод: «Несмотря на “всемирный комитет антипобеды”, многие из них остались детьми России. Настоящими её патриотами». Николай Головкин приводит отрывок из сочинения Саши Калмыченко из ставропольского села Летняя Ставка Ставропольского края: «Наш советский солдат на любой подвиг способен, потому что любовь к отчизне умножала силы бойцов. Пусть никто из нас, потомков, не забудет, как боролись за нашу свободу и счастье наши деды и прадеды».

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

*Светлана Борисовна Горошилова – поэт, член Союза писателей России. Художник.
Живёт в Москве.*

«И покосные травы со мной говорят...»

Природы голос не затих

Нет своего «угла» в деревне,
ни малой хатки, ни родных,
но в сердце всё же ноткой древней
природы голос не затих.

И прихожу, об этом зная,
с землею связь и мне дана.
Пусть для селян скорей чужая,
но я свободна и вольна.

Вольна подслушать голос ветра
и передать его мотив,
познать земные километры,
родство с природой закрепив.

Косить траву и петь о сене
и, жизнь на воле возлюбя,
дышать теплом родных селений,
и на земле познать себя.

Душа не устала летать

Как по белой росе покосила траву
да крапиву подёргала белой рукой.
Птичий щебет всё лето со мной наяву
и на сердце воркующий тихий покой.

Надо мной моя радость кружит и поёт,
и покосные травы со мной говорят.
Вот смородины куст причаститься зовёт,
рядом жаркой малины влекущий наряд.

Спелой ягоды плоть на ладонь положу,
полюбуюсь – прекрасны земные дары.
Белой бабочки взглядом полёт провожу,
отдохну и ещё покошу до жары.

Вижу, небо сверкает всю высоту,
даже дерзкой мечтой до неё не достать.
Я дышу, я люблюсь, живу красотой,
и душа не устала летать.

Ещё во мне хватало сил,
чтоб музыкой дышать земною,
а день закатный луч гасил
и обдавал ночной волною.
Я не просила ни о чём
и засыпала до рассвета,
и кто-то лёгкий за плечом
давал мне мудрые советы.

Колыбель пахучих трав

Земная тишина колышет колыбель
пахучих трав задумчивого луга.
Из всех координат вот эту параллель
вплела в свои миры моя округа.

Простор, куда ни глянь, и долог, и широк,
на триста шестьдесят – земля и небо.
Через дорогу рожь, где каждый колосок
напоминает вкус и запах хлеба.

И как же хорошо вечернею порой
в преображении лучей заката
отдаться тишине и мыслью, и душой.
Вокруг свежи луга, хлеба не сжаты.

И птахи малые за мошками снуют,
и аисты летают на болото.
Как изумрудный клад хранит земной уют
таинственно-непознанное что-то.

Но через малый срок здесь август прощуршит
пожухлую листвою, что скоро осень,
и утренний туман прогнозы подтвердит,
а мы ещё тепла чуть-чуть попросим.

Земное с небесным слиянье

Травы зелёные, певчие птицы и ветры,
летом миновавшим меня, как никто, понимали.
Я узнавала названия, тайны, приметы –
встречи желаннее этой отыщешь едва ли.
Если случалось, порою подолгу гостила.
Щедрое солнце своё раздавало сиянье,
травы лелеяли жизни волшебную силу
и окрылялось земное с небесным слиянье.

Август

Как богат на краски и плоды
месяц август, как пронизан светом!
Как горды родством с землёй сады!
Как без слов всё говорит об этом.

Сколько радости для сердца впрок!
Потрудилось солнышко на славу.
И дождей живительный поток
внёс необходимую приправу...

Но и грусть твоя, и боль со мной,
и судьбы твоей я не миную.
Низко жизни кланяясь земной,
яблоко созревшее целую.

Осеннее утро

Осеннее утро задумчиво в полдень плывёт.
Ложится туман, пеленая земные печали.
И время о чём-то минувшем чуть слышно поёт,
вживляя грядущие ритмы, что будут в начале.

И как же красив этой музыки полуобман –
химерной свободы крыла простирая над нами.
И русской молитвы слова поглощает туман,
и веет от мира тревогами и сквозняками.

...А тихое утро задумчиво в полдень плывёт,
спелёнатый воздух в тумане дурмана не чувствует.
Но время о чём-то грядущем всё громче поёт
и чем-то минувшим озябшие души врачует.

Готские войны – это славянские войны с Римом

Итак, готы у Тацита значит Русь.
Ю.И. Венелин

*Готы, стало быть, это совсем и не готы,
Это скифы – славяне, а значит и Русь.
В летописной цепочке утратилось что-то,
И осталось забвенье и русская грусть.*

*Затянуло туманом славянские дали,
И в седой старине оказался изъян.
Одоление Рима другим приписали,
И не помнит никто о победе славян.*

Ю. Яхонтов

Анализируя материалы, посвящённые готам, всё время ощущаешь странное несоответствие. Многие древние авторы совершенно однозначно сообщают, что готы – это скифы или раньше скифами назывались. Применяя теорию экспертной оценки, можно даже сказать, что количество этих авторов таково, что математически достоверно можно поставить между скифами и готами знак равенства. И при таком положении дел современные исследователи такого равенства не признают, объясняя, что готы – это собирательное имя, причём большинство считает их германскими племенами. Ведь если признать тождество скифов и готов, то, учитывая принятую большинством исследователей ираноязычность скифов, придётся и готов считать ираноязычными. А этого сделать никак нельзя, ведь о готах сохранилось достаточно много сведений, в том числе и описаний внешности.

В работах (11, 12) было доказано, что все скифы (а не только скифы-пахари) были славянами и говорили на общеславянском языке. Поэтому описание внешности готов, совершенно не вяжущееся с ираноязычностью, хорошо согласуется с внешним обликом славян. Установленное положение,

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов». Живёт в Москве.

что скифы и сарматы – это славяне, даёт возможность не игнорировать многочисленные свидетельства исторических документов и принять мнение древних писателей («экспертную оценку») о тождестве скифов и готов.

Стефан Византийский писал, что «готы – народ живший прежде в области Меотиды» [Азовское море] (7, с. 258). И далее говорится, что они переселились во внешнюю Фракию. Это свидетельство подтверждает, что к германским племенам готы никакого отношения не имеют, а относятся к народам, жившим в области Меотиды, то есть – к скифам и сарматам. Иордан называл готов гетами, считая готов потомками гетов, из чего также следует их скифо-сарматское и, значит, славянское происхождение. Некоторые исследователи, комментируя то, что Иордан назвал Томиру царицей гетов, при описании похода Кира, считают, что таким образом он хотел показать древность гетско-готской истории. Однако будем рассматривать сообщение Иордана, как и других древних авторов, с тем смыслом, какой был вложен самими авторами. А именно как факт, что царица Томира – гетская царица (Геродот называет её царицей массагетов), и это вполне увязывается с данными Стефана Византийского о первоначальном обитании готов в области Меотиды. Некоторые древние авторы называли Томиру царицей скифов, что неудивительно, поскольку во времена Великой Скифии все племена на этой территории назывались скифскими.

Как пишет П.Н. Третьяков: «Археологическая наука, изучая развитие культуры в Северном Причерноморье, не может уловить никаких ощутимых признаков появления готов. В течение первых веков нашей эры преемственность культурной жизни в Причерноморье ничем не нарушалась, и так продолжалось вплоть до вторжения гуннов» (9, с. 145). Однако если, как уже говорилось, принять, что готы это скифы, то все противоречия исчезают. Археологические материалы, таким образом, свидетельствуют, что готы являются скифскими (с позиции внешних источников) или славянскими племенами, с древнейших времён жившими в Причерноморье. **Таково, думается, решение одного из наиболее сложных вопросов истории Восточной Европы.**

Если посмотреть на карту К. Тацита (8) (см. рисунок), то видно, что готы (готоны) занимали территорию, где располагались до них праславянские культуры, а после готов жили поморские славяне. Археологически установлено, что смены культур не происходило на всём протяжении от праславянских культур (в том числе и лужицкой) до современных славян. Следовательно, экстраполируя, можно сделать вывод, что культура готов, входившая в этот временной промежуток, также являлась славянской. Таким образом, славянство готов можно подтвердить и археологически.

Естественно, что сравнительно небольшое племя, указанное на карте К. Тацита, не могло в одиночку угрожать Римской империи. Но на этой территории собирались дружины многих славянских племён (в том числе и россы из лесной полосы), и образовывалось могучее славянское войско, которое, поскольку оно вторгалось с готской территории, римлянами называлось готским. И войны со славянами стали называться готскими войнами по имени пограничных с Римской империей славянских племён. Эти войны были продолжением многовековой борьбы всего славянства с рабовладельческой экспансией Римской империи. Причём об участии всего славянского мира в этой борьбе говорит тот факт, что, например, Аларик (Аларих I) – победитель Рима, по данным рукописи А.Я. Артынова, подлинность материалов которой была доказана в работе (11), являлся прямым наследником и продолжателем

Расположение готов (готонов) по карте к «Германии» Тацита

правлящей династии ростовских князей, которая к тому же, предположительно, возглавляла и все общеславянские племена.

Е.Ч. Скржинская в комментариях к Иордану пишет, что у Пруденция сказано, что Аларих родился на Нижнем Дунае (4, с. 286). Но на Нижнем Дунае жили славяне, а именно – россы (дунайские россы – вторая территория россос – см. работу 14). И эти дунайские территории, по данным рукописи А.Я. Артынова (см. работу 11) для более раннего периода времени подчинялись и были в ведении князей Ростовской земли. Там в своё время находилась южная столица славянского государства – город Экс, где правили представители династии ростовских князей, откуда родом и Аларик. Видимо, такая подчинённость сохранялась и при Аларике, славянское происхождение которого очевидно.

Славянином был и другой герой войн с Римом – Одоакр, которого Иордан называет ругом. Св. Димитрий Ростовский в Летописи пишет: «И князь нѣкій славенороссій Одоацеръ войною доставъ Рима, держаше его подъ властію своею тринадесять лѣтъ» (3, ч. III, с. 3). Обратим внимание на имена остроготского короля Валамира и его братьев Тиудимира и Видемира (4, с. 120) – они славянского происхождения. Отцом этих братьев был Вандамарий, имя которого, если вспомнить выводы о славянстве вандалов, также, конечно, неслучайно.

Интересное мнение о происхождении наименования «готы» высказал в своё время Ю.И. Венелин: «Известно, что старые прусские латыши своих соседей русских называли гуддами, а Русь Гудду-Земе. Это имя, разнесённое по Западной Германии, дошло до ушей римлян в Галлии, или на Дунае, всё

равно. Да и как не дойти туда с прусским янтарём? Тацит просто отметил и – вот наши готы впервые. Очень естественно. Итак, готы у Тацита значит Русь. Следовательно, готы эти были не готы, ибо Русь не готы. Слово это здесь по-прежнему на Руси как частное, и принадлежало Сармации» (1, с. 8).

Показательно будет сравнить отношение к населению захваченных территорий: римлян к готам, при нахождении на территории готов, и готов к римлянам – при военных действиях на территории Римской империи. Е.Ч. Скржинская в комментариях к Иордану приводит мнение ряда авторов того времени о преступной деятельности представителей империи по отношению к варварам. Римские военачальники, воспользовавшиеся голодом готов, торговали дохлятиной и меняли на ценную утварь и даже на детей голодающих. Наконец, римский полководец Лукициан сделал попытку убить вождя везеготов. В результате вспыхнуло восстание, и везеготы наголову разбили римлян (4, с. 283).

Прокопий Кесарийский пишет, что «римляне, неоднократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров» (6, VII, с. 295). Феофан в Летописи отмечает, что «Приск, напустив на себя смелость, проник во внутренние страны славян... захватив множество пленных». И далее опять: «В этом году Приск опять овладел Истром и брал добычу с славянских народностей и послал царю много пленных» (10).

Отношение готских военачальников было иным. Иордан пишет, что по приказу Алариха не допускались поджоги в Риме и какие-либо надругательства над святыми местами (4, с. 96). Вот, например, характеристика личности Алариха, приведённая в работе (11, с. 195): «Князь Аларик сын князя Трислава был сколько храбр и предприимчив, столько добр и благоразумен». Причём сам Рим славянам в общем-то был и не нужен. Например, Аларик после взятия Рима в 410 году двинулся по направлению к Сицилии, чтобы оттуда переправиться на африканское побережье. И лишь смерть Алариха расстроила эти планы. Вот мнение Прокопия Кесарийского о другом короле готов, Тотиле: «Земледельцам по всей Италии он не сделал ничего неприятного, он разрешил им навсегда без страха возделывать землю, где они привыкли» (6, VII, с. 292). Судя по речи Тотилы, приведённой Прокопием, сам Тотила в своих решениях и суде над единоплеменниками руководствовался нормами, выдерживающими самую строгую нравственную оценку.

Благодаря сведениям в рукописи А.Я. Артынова (11), мы можем теперь узнать истинное имя короля вандалов и аланов в известном походе их в Африку – это ростовский князь Простен, взявший по обычаю того времени германское прозвище Гейзерих, с которым и вошёл в историю. Об этом обычае писал Иордан – брались имена врагов или потенциальных соперников. Это делалось, я думаю, для того, чтобы отвлечь от себя удары потусторонних тёмных сил и перевести их на своих врагов. Такой обычай практиковался у многих народов. Поэтому нужно сто раз подумать, прежде чем какого-то предводителя с германским именем причислить к германцам, потому что, скорее всего, он окажется славянином. Открытие настоящего имени предводителя вандалов и аланов, славянская принадлежность князя Простена и его дружины само по себе неожиданно и при этом в корне меняет историческую оценку этого похода. При переправе в Африку, по известным историческим материалам, войско Гейзериха состояло из 50 тыс. воинов. И в том, что все племена, входившие в войско, приняли общее наименование «вандалы», можно

усматривать параллель с теми временами (VII в. до н.э. – см. работу 13), когда все союзы славянских племён, объединившись, приняли для себя единое название – вандалов.

Переправа в Африку славянских дружин под предводительством ростовского князя Простена (Гейзериха) шло по замыслу, который имел давние традиции. Е.Ч. Скржинская пишет о «неоднократно отмечавшегося источниками стремления варварских племён переселиться в Африку в поисках мирной и сытной жизни» (4, с. 299). До Простена это хотел сделать другой славянин – Аларик, в 410 году. Кстати, из материалов рукописи А.Я. Артынова следует, что Простен был внуком Аларика. Нападение Гейзериха на Рим и его взятие в 455 году нужно увязывать с общей борьбой славян по уничтожению империи – агрессора, врага на протяжении многих сотен лет. По мнению исследователей, этот удар вандалов был одним из решающих военных ударов по Западной империи. И, видимо, не следует слишком уж доверять тенденциозному описанию вандалов Прокопием Кесарийским, всё повествование которого проникнуто враждебностью к вандалам, ведь это мнение писателя из стана неприятеля.

В заключение можно сказать как про скифов и сарматов, так и про готов – это мы, славяне.

Литература

1. Венелин Ю.И. О готах. Об обрах. О споре между южанами и северянами насчёт их россизма. М.: Университ. тип., 1848.
2. Дексипп. Летопись. SC. I. 3, с. 651.
3. Св. Димитрий митрополит Ростовский. Сочинения. Т. IV. М.: Синодальная тип., 1827.
4. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М.: Восточная литература, 1960.
5. Юлий Капитолин. Два Галлиена. Марк Антонин философ. SC. II, 2.
6. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М.: АН СССР, 1950.
7. Стефан Византийский. Описание племен. SC. I, 1, с. 266.
8. Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии. Л.: Наука, 1969.
9. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953.
10. Феофан. Летопись. М., 1884, с. 206.
11. Ахонтов Ю.А. Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече, 2009.
12. Ахонтов Ю.А. Ираноязычны ли были скифы и сарматы? Литературно-исторический журнал «Великороссъ» 2013. №4(10), с. 160-170.
13. Ахонтов Ю.А. Общеславянское государство вандалов. Литературно-исторический журнал «Великороссъ» 2014. №4(14), с. 78-85.
14. Ахонтов Ю.А. Три территории россов. Литературно-исторический журнал «Великороссъ» 2015. №1(15), с. 73-79.

ПОЭЗИЯ

Юлия ЛЫСОВА

Юлия Лысова – родилась 22 января 1997 г. в городе Шарье Костромской области. Стихи начала писать с семи лет, но серьёзно занялась поэзией только в четырнадцатилетнем возрасте. С 2013 г. является членом литературного объединения «Голос» (г. Кострома). Стихи публиковались в общественно-политической газете «Ветлужский край» (г. Шарья), Международной литературно-публицистической газете «Интеллигент» (№3, 2013 год), на сервере современной русской поэзии «Стихи.ру».

Живёт в Костроме.

«По пыльной дороге, навстречу восходу...»

Когда, как Данко, я, вырвав сердце,
Шагаю сквозь неуютный лес.
Со светом – к людям,
Со светом – к краю,
С любовью к миру наперевес.
Я чую, как, чтобы грудь заштопать
Мне близкие люди свивают нить,
Тогда я вижу
И знаю прочно,
Куда
Светить.

Когда Икаром, забыв запреты,
Лечу навстречу седым волнам,
Земли и неба
Не различая.
Я слышу, с свистом напополам,
Любимых голос,
Зовущий к солнцу
И вверх подстёгивающий,
Как плеть,
Тогда я верю,
Я знаю точно,
Куда лететь.

ЮЛИЯ ЛЫСОВА

Когда, утратив от жизни радость,
Немой Психеей лечу со скал,
И верно чувствую, как Зефиры –
Любимых руки
Сквозь лютый шквал
Меня хватают,
Чтоб не упала,
Чтоб не разбилась
О жизнь – гранит.
Тогда я знаю,
Я вспоминаю,
Зачем мне
Быть.

По пыльной дороге, навстречу восходу,
Брёл нищий, босой и седобородый.
Изрезав о камни горячие стопы,
Он медленно шёл на восток.

Опёршись рукою на чёрную палку,
Умытый росой, в повязке из нанки,
На сбитые плечи взваливши шарманку,
Ступал на горячий песок.

Измученный жаждой и каторжным жаром
Он стёр свою спину в кровавую рану,
Но даже за все богатства Каррары
Не бросит шарманки своей.

Ему суждена эта ноша от века:
Скитаться, искать по канавам ночлега
И думать, увидев без ран человека,
«Есть ноша и тяжелей».

Когда в летнем городе друга нет,
Тоскливо и грустно немного.
Невкусным становится вкусный обед
И трудной любая дорога.

Не хочется громко смеяться с другим,
Тем самым смущая прохожих.
Кажется, словно ты вовсе один,
И жить так больше не сможешь.

Некому в голову бросить яйцо
И банку с несчастной килькой
Открыть тоже не с кем. В другое лицо
Не хочется тыкать вилкой.

Не хочется есть, не хочется спать,
Всё бессмысленно, пусто и глупо.
Когда тебя некому обнимать,
Если в городе нету друга.

Август, сыгранный не по нотам,
Молча гладит по волосам.
Сложно тем, кто восстал из мёртвых,
Гулким, выцветшим и поблёклым
Лету прямо смотреть в глаза.

Кожей содранной, раной алой
Август вскрылся из-под брони.
Дело в малом, теперь – лишь в малом,
Чтобы мне, перезимовалой,
Ни повадкой, ни словом, ни

Жестом, рвущимся от ладони,
Заставляющим время – вспять,
Не открыть в себе и не вспомнить,
Сколько сердца
И сколько крови
За чужое могу отдать.

За чужое...
За запах кожи
От ключицы и вдоль плеча.
За улыбку и непохожесть,
Непокорность и невозможность
Взгляда,
Взятого у волчат

Или львят...
У любых из хищных,
Тех, что сердцу рубцы дарят.

Мне осталось – оставшись лишней,

Продержаться
До сентября.

Мы – молоды. И значит, мы в ответе
За все сердца и души на планете...

За каждую разбитую коленку,
Скулу, потерянную честь и жизнь,
За нищету, за ненависть, корысть,
За всех, кто кем-то был поставлен к стенке.

Есть голос. Он за тех, кто ныне – нем,
За каждого, покрытого землёю.

За атомные бомбы, за конвои,
За перестрелки на глазах детей –

Мы есть, и значит, мы за каждый стон,
За миллионы жизней – МЫ ответим.

У каждого из нас есть щит и меч,
Есть страх и смелость; и ещё другое –
Мы знаем точно, кого звать героем,
Мы точно знаем: игры стоят свеч,

Сражение стоит мира, боль – любви,
Труд – результата и борьба – исхода...

Нельзя забыть нам, мир за эти годы
На чьей горячей выстроен крови,
Какой ценою куплена свобода.

Мы молоды. И значит, на руках
У нас, атлантов, ноша нелегка:
Ответственность за память о Победе.

Мы – молоды.
И мы за всё в ответе.

Девять жизней

«Кошачий» ген в организме человека был открыт случайно. Впрочем, как и всё великое, когда-либо открытое. А уже потом учёные изобрели вещество караген. Было много восторгов, охов и ахов по поводу новых невероятных горизонтов, открывшихся у человечества. Ещё бы! Смерть если не побеждена полностью, то, по крайней мере, частично – однозначно. С ней теперь можно спорить, в какой-то степени даже управлять. Достаточно в случае необходимости ввести в сонную артерию караген – и всё! Существующий в нас «кошачий» ген, до этого момента спящий, проснётся, и можно жить дальше.

Горный воздух всегда особенный, особенно манящий, особенно пьянящий. Классик говорил: «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал...» Он знал, о чём говорил. Огромное красное солнце – ещё немного – и коснётся розовых ледяных вершин, задержится на миг и провалится в эту бурую дымку. И жёлтое небо начнёт темнеть и будет темнеть до тех пор, пока не превратится в холодное, бескрайнее и бездушное пространство. Но мы к тому времени уже будем далеко отсюда. Вертолёт, доставивший сюда, скоро заберёт нас вниз. И опять всё будет позади.

Каждый выбирает своё: кто-то прыгает в пустоту, кто-то ныряет в бездну, кто-то, как мы, летает на грани. Но всегда по двое, а лучше – больше. Всегда...

– Миха, давай сюда, – позвал меня Котов. – И так прособирались сегодня. Колбы у всех? – спросил он, крутя между пальцев металлическую колбу, плотно завинченную крышкой.

Витька достал такую же, сердито потряс ею в воздухе, как бы демонстрируя всем серьёзность своих намерений, и убрал обратно за пазуху.

– Как обычно, на том же месте, если что... – похлопал себя по груди Витька и предвкушающе улыбнулся.

Елена ГНИТЕЕВА

Елена Валерьевна Гнитеева – родилась в Москве. Окончила Московский Государственный Университет Геодезии и Картографии и Московский Областной Педагогический Институт им. Крупской, лингвист. Член литобъединения «Фатьяновская весна». Пишет большую и малую прозу. Печатается в журналах. В 2014 г. вышла первая книга «Выбор» (сборник рассказов).

Живёт в Москве.

– Ещё миг, и Ушба будет тоже пройденным этапом. И что дальше? – без особого энтузиазма спросила Кыся, ёжась от холода. – Может, с вертолёта?

– Ну, знаешь, уж лучше так, чем гнить на диване, потеряв все желания, – отозвался Котов.

– Что это ты уже стихами заговорил?! «Чем гнить на диване, потеряв все желания!» – с выражением продекларировала Поля, хлопая «крыльями» костюма белки-летяги, и громко рассмеялась.

– Почему все желания? Они хотят жить. Это их основное желание, – возразил я.

– А может, бояться умереть? – снисходительно заметил Котов. – Вот и держат караген, из рук не выпускают.

– Всё может быть. А вдруг люстра упадёт, или мимо стула сядут, – смеялся Витька, окутывая себя облаком пара.

– А ещё можно в ванной поскользнуться, – философски заметила Кыся, обнимая Витьку. – Ты готов?

Витька вместо ответа поцеловал её взасос. Кыся осталась вполне удовлетворена реакцией на свой вопрос.

– Так, господа экстремальщики! Девчонки, давайте, как обычно, вы первые, потом, Витька, ты, потом ты, – он показал на меня. – А я, так уж и быть, замыкающий.

– Камеру не забудь включить, слышь, Котов! – позвала Кыся уже с самого края. – А то будешь потом опять всем рассказывать про самые затяжные в мире полёты.

– Слушай, Кыся, за Витькой своим лучше следи, – огрызнулся Котов.

– Витькина уже работает. А твоя? – не унималась Кыся.

– Прыгай давай! Внизу не разбредаемся, не теряемся. Мне ещё на автобус надо успеть.

– Ладно уж, подброшу тебя, – Поля послала ему воздушный поцелуй, и они с Кысей шагнули и исчезли.

Следом ушёл Витька. Я подошёл к краю. Сначала вдоль Зеркала почти вертикально, потом под небольшим углом до долины. И почему эта стена называется Зеркалом? Абсолютно чёрная эта стена не то чтобы не отражала, казалось, она вбирает всё до последнего луча солнца.

– Хорошо, ветер попутный, – сказал я и шагнул в небо.

Холодный режущий воздух, надув крылья костюма, подбросил меня вверх. Вот оно – дыхание неба! Миг, ещё миг! Вся земля у твоих ног! Дух захватывает! Голова взрывается! Что я чувствую в этот миг? Страх? Нет! Кровь вскипает в венах! Счастье! Так выглядит счастье! Миг длиною в несколько минут! Жизнь останавливается, всё замирает, перестаёт существовать. Всё второстепенно. Только ты, небо, скалы, лёд... Вот почему я здесь!

Внизу уже сгущаются сумерки, но долину видно хорошо, и навигатор в ухе направляет. Я открыл парашют. Время медленно возобновило свой бег. Без навигатора в сумерках тяжело летать, а ночью вообще невозможно. Точно, ночью! В следующий раз надо ночью! Это будет что-то новое, так мы ещё не летали!

– Слушай, далековато получилось! – ко мне подбежал запыхавшийся Витька. – Еле дотянул. Если бы не попутный ветер...

Девчонки стояли в метрах ста от нас. Они кричали, смеялись, жестикулировали – всё как обычно у девчонок после полёта. Вертолёта ещё не было.

– Что-то Котова не видно, – я вглядывался в горы, пытаюсь расстегнуть костюм. Молнию заело у самого горла.

– Дай я, – предложил Витька свои услуги.

Он подёргал вверх-вниз замок, вывернул горловину, опять подёргал, и молния послушно поползла вниз.

– Спасибо, – машинально сказал я, не сводя глаз с гор. Освободив из костюма руку, я открыл на часах радар. Наши маяки отображались группой красных точек. Одна точка находилась на расстоянии примерно километра к юго-западу от нас.

– Идём, – сказал я и, бросив костюм на землю, быстрым шагом пошёл на маяк.

– Девчонки, догоняйте, – крикнул Витька.

Поля и Кыся догнали нас, лица у них были встревоженные. Не надо объяснять, что случилось. Радар есть у каждого.

Шли быстро в гнетущей тишине темнеющих гор. Только камни шуршали под ногами, и Поля один раз сказала тихо, как бы сама себе:

– Всё будет хорошо.

Мы увидели его издали. Котов лежал вниз лицом без признаков жизни. Парашют открыт не был. Не дойдя до него, Поля осела на камни, закричала и зарыдала. Я подбежал к Котову и перевернул его, затащил к себе на колени и расстегнул его костюм. Рядом оказалась Кыся.

– Ты чего? Всё же хорошо будет, глупенькая, – крикнула она, хлопая его по нагрудным карманам.

Ловко извлекла из колбы шприц и всадила его в шею Котова. Но ничего не случилось. Совсем ничего. Кыся как-то несмело потрясла тяжёлое тело Котова. Мы обернулись к Поле. Она лежала на камнях лицом вниз и издавала странный звук, похожий на вой.

– Полька! Полька! Котов! – заорала Кыся. – Витька, Котов неживой!

Витька стоял между Полей и нами, молча смотрел то на нас с Кысей, то на содроганную Полю. Казалось, он боится приближаться и к нам, и к ней. Тяжёлое тело Котова давило мне на колени. Тело. Только тело. Котова здесь уже не было.

– Он умер, – произнёс я.

Стало тихо. Поля молча лежала, Витька подошёл к ней и присел рядом. Кыся подняла на меня глаза, потом зачем-то потрясла пустой колбой перед моим лицом и беззвучно заплакала.

– Он умер, – повторил я. Никто меня не поправил, никто не возразил. Тишина. Я посмотрел на Котова, на его полуоткрытый закатившийся глаз. Его лицо искажалось в злой гримасе. Он был зол. На себя. Может, на нас. Может, на Ушбу.

– Ты знала, – сказал я Поле. И она поняла, что я обращаюсь к ней.

Поля подняла голову, посмотрела на меня, потом села, скрестив потурецки ноги.

– Знала. Он запретил вам говорить, – проговорила она, вытирая слёзы. – Он не верил, что это может кончиться. Ну, что караген ему не поможет. Другим – да, но не ему. Он другой, не как все. Он так думал, понимаете? Он так думал...

Она встала, подошла к телу и присела около него на корточки. Отстегнула камеру от шлема и тихо сказала:

– Я знала, что так и будет...

Я хотел спросить, а сколько у неё осталось жизнью. Но не стал. Не здесь. Ушба, эта двурога ведьма, не должна это слышать, не должна это знать.

Поля закрыла глаз Котова пальцем. «Так странно, – подумал я, – в фильмах это всегда делают ладонью. Зачем ладонью?» Она поцеловала шлем и опять заплакала. Но уже тихо, как-то по-детски, будто её обидели.

Я сдвинул тело на землю и встал, отряхнув колени. Ушба нависла над нами чёрной стеной. Она смеялась над нами, потерявшими к ней уважение, потерявшими страх, потерявшими смерть. А в результате – потерявшими жизнь.

ПОЭЗИЯ

Сергей БУДАРИН

Сергей Сергеевич Бударин – родился в 1990 г. в Новокуйбышевске Самарской области. Стихи Сергея Бударина востребованы многими региональными и федеральными журналами и альманахами. Участник Первого Международного семинара-совещания молодых писателей в Переделкино (октябрь 2011 г.). Лауреат Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли-2011». Победитель Всероссийского литературного конкурса «имени Льва Ивановича Ошанина». Лауреат III Славянского Форума искусств «Золотой Витязь» в номинации «Большая поэзия» (2012 г.). Член Союза писателей России.

Живёт в Новокуйбышевске.

«На все стороны вольного света...»

В свист ненастного шумного ветра,
В шумных волнах родного овса
На все стороны вольного света
Я невольно раскину глаза.

Дым угрюмый,
 поднявшись высоко
По-над скатертью дальних дорог,
По велению лютого рока
Заволок нефтяной городок.

А в глазах таких – поднятых внове –
Всё-таки и в таинственный миг
Отзывается солнце,
 родное,
Что и прямо отеческий лик.

Вечеру и луна молодая,
Западая в такой полусвет,
И сама ведь в глаза западает,
Что самой матери –

 силуэт...

Так приластившись веждами к небу,
И смотря так светил сватовство, –
К поднебесному белому свету
Осязаю полнее родство!

И, увы! –
 по такой круговерти
Не дано им двоим быть вдвоём.
А по их тяготенью – поверьте! –
Шибко вертится сердце моё!

Оттого ль в свист ненастного ветра,
В шумных волнах родного овса
На все стороны вольного света
Я невольно раскинул глаза.

My love is you

1

Прощай, золотой родитель!
Goodbye, серебряный брат!
В Самару и не просите...
Домой не вернусь... едва ль!

Сосед наш, что...
 вот чуть выше...
Заладил одно и то ж:
«...мест лучше, куда ни двинешь,
хоть тресни ведь, не найдёшь...».

А тот правду – не иначе! –
Вот завсегда говорит –
Да много чего впридачу
Обычно приворотит!

И – вправду! Обычно лучше
Волжанской такой душе
У всяких речных излучин...
Конечно, не здесь... уже!

Соседу, что...
 вот чуть выше...
С того и трезвою всё ж:
«...в Рассее, куда ни двинешь,
как пить дать, всяк край хорош...».

2

Прощай, золотой родитель!
Goodbye, серебряный брат!
В Самару и не просите...
Домой не вернусь... едва ль!

И – вправду! В песках приволжских
Мне нечего здесь ловить!
Соседа, что...
 вот чуть выше...
Нелепость во всём винить!

Ни чуточку не повинен
В невзгодах моих сосед! –
Читатель мой и со мною,
Надеюсь, согласен здесь!

И всё ж, дорогой читатель,
С тебя ничего не взять...
И всё ж вот давай не станем
Соседям во всём пенять!

И так-то хоть тот – болезный! –
Горбатится день и ночь:
Он так бережёт словесность,
Что сам писануть не прочь!

Наверно, он милый малый! –
И мне невдомёк про то...
Плюётся во всю Самару
С таких-то прегорклых строк!

«Э-й, служба! чей-то тут рифма
Хромает! – сосед рычит. –
Э-й... кстати... едва тут кстати
Такой развесёлый стих!».

«Послушай сюда, – болезный! –
Не всё на земле всерьёз!
Порой захочу заплакать –
Нахлынет и смех до слёз!

Не всякий в расхожих рифмах –
России большой поэт!
Не каждый верблюд горбатый –
В пустынях земных корабль!

И – баста!... И – всё!... И – точка.
Вот время теряю здесь!
А мне бы о доме отчем
Успеть бы сейчас пропеть...».

3

Прощай, золотой родитель!
Goodbye, серебряный брат!
В Самару и не просите...
Домой не вернусь... едва ль!

И – вправду! В ветру приволжском
Мне нечего здесь ловить!
Соседа, что...
 вот чуть выше...
Нелепость во всём винить...

...Тут страсть какая брюнетка
Явилась в краю родном!
Такая как есть конфетка!
(Такую б в краю ином!)

В той что-то было такое...
Ну что-то такое вот
Что ни на есть неземное
Во всём естестве земном!

Вот мой неприступный разум
И то устоял едва! –
Я сам и воскликнул: «Браз-э-р!..
Что ль покорюсь?! чёрта-с два!!».

А тот – чёрт возьми! – коварно
«Любовь» и «Совет» вклепил...
Над младшим старшой чертяка
Порой таково трунил!

Ни чуточку здесь дурного,
Раз и оженят чуть-чуть, –
Вот разве что – та особа! –
И так всколыхнула ум!

Вот, видно, в земных передрягах
Выносит людям мозги!
И, видно ведь, сносит крылья
И ангельцам во плоти!

Бесстыдно стал сам – безбожно! –
В конфетку очьми вклеплен...
Упало на ум: «О, Боже!..
Здесь дьявол, кажись, влюблен!».

И тут – и октятся! – завидел
Воочию колдовство:
Глядь! – а та – мах-мах по ветру
До третьих до облаков!

Вот миг – и вот та конфетка
Спустилась в краю ином...
А жаль!.. такая брюнетка! –
И нету! в краю родном...

С того на ветрах приволжских
Уж нечего здесь ловить! –
Соседку...
 что подо мною...
Не стоит во всём винить!

4

Прощай, золотой родитель!
Goodbye, серебряный брат!
В Самару и не просите...
Домой не вернусь... едва ль!

Сосед наш, что...
 вот чуть выше...
Заладил одно и то ж:
«...чужбина – от слать!.. увидишь!..
...не раз и не два всплакнёшь...».

И тот завсегда страцает,
Бывает – прям ой-ёй-ёй!
И всё-таки не задавит
Базарною болтовнёй!

И – вправду! Пришлось так сладко
Волжанской такой душе
В предместиях тех песчаных...
К прощанию, чай, уже!

Прощай, золотой родитель!
Goodbye, серебряный брат!
Я in the Samara city
Видать, не вернусь... едва ль!

А сам в слезах неотвязных...
А на устах – «love is you»...
И всё ж... не сказал ни разу...
Как крепко Вас всех... люблю...

ПАМЯТЬ

Александр ДУБОВСКИЙ

Пришёл с мечом – остался с любовью

*Не мир пришёл Я принести, но меч...
Евангелие от Матфея гл. X, ст. 34.*

Он пришёл на русскую землю с оружием в составе наполеоновских войск. Вместе с польскими казаками, охранявшими императорский обоз, был пленён партизанами Дениса Давыдова в лесах Смоленщины. Вместо ужасов плена казак Великого герцогства Варшавского Казимир (по другим источникам Юзеф) Дубовский нашёл свою любовь в лице зажиточной русской крестьянки. Как приняла его Россия можно судить по тому, что в скором времени Казимир перетянул на свою новую родину многих родных и близких.

И далее как по Евангелию: «Авраам родил Исаака ...», так и Казимир родил Осипа; Осип родил Игната; Игнат родил Фёдора и т.д.

О первых двух, Осипе и Игнате, известно только то, что они, как и Казимир приняли крещение и трудились хлеборобами, и несли службу на благо Российской Империи. Их близкий

Александр Михайлович Дубовский – родился 27 ноября 1957 г. в городе Белебей на Южном Урале в геодезической экспедиции. С самого раннего детства проживал в подмосковном посёлке Запрудня Талдомского района. Многие годы работал в лесном хозяйстве. Имеет ряд общественных и ведомственных наград. Является внештатным корреспондентом Талдомской газеты «Заря». Печатался во многих газетных изданиях. Александр Михайлович – казак, подхорунжий лобненского городского казачьего общества. Участник боевых действий в Донбассе.

Живёт в Талдомском районе Московской области.

Фото из семейного архива – слева направо: Сергей Кузьмич, Аграфена Игнатьевна, Кузьма Фёдорович, Саша (автор этих строк), Михаил Кузьмич

родственник подполковник Иван Григорьевич Дубовский отличился в боях с горцами Шамиля, за что 6 декабря 1836 года был удостоен ордена Святого Георгия IV степени («Военный орден Святого Великомученика и победоносца Георгия»). Библиографический справочник В.М. Шабанова. 2004 г.)

О Фёдоре Игнатьевиче известно, что он был десятником плотницкой артели – строил храмы и дома в дворянских имениях в Смоленской и близлежащих губерниях. Любимым его изречением было: «Нанялся – продался». Смысл этих слов ко мне пришёл с годами, когда я всерьёз занялся строительством. Нанялся или заключил договор – забудь о своих личных делах. Ты уже себе не принадлежишь. На первом месте работа.

Плотницкому делу он обучил и сына Кузьму, хотя тот больше занимался личным хозяйством. Когда Кузьму призвали на «германскую» (так он говорил), то по росту на два вершка не дотянул до гренадеров и к его счастью попал в лёгкую кавалерию – уланы. Когда Империалистическая война перешла в Гражданскую, он сражался в кавалерии знаменитой 25-й Чапаевской дивизии. По окончании войны вновь занялся своим хозяйством. Его единоличное хозяйство и роскошный фруктовый сад были лучшими в округе. Таких людей раньше называли «справный хозяин», но вскоре они стали называться с чьей-то лёгкой руки «кулаками». Раскулачивал его родной брат «Кирилла Фёдорыч» – ярый коммунист и председатель колхоза. Вот уж воистину «пошёл брат на брата». Но дальнейших репрессий Кузьме Фёдоровичу избежать удалось, может, с помощью того же брата.

В детстве, прискакав домой на совхозной лошади, я часто получал от деда уроки по верховой езде и правилам ведения конного боя. Он научил меня, как правильно держать ногу в стремени, как ставить коня на дыбы, для чего служат нагайка и копьё, что такое мундштучная узда, как правильно наносить сабельный удар, чем отличается сабля от шашки. Как оказалось, цирковые артисты, демонстрируя на арене трюки по джигитовке, показывают не просто красивое шоу, а настоящие элементы, используемые конниками в различных ситуациях.

Во Вторую мировую дед со своим семейством пережил оккупацию, «варясь в эпицентре Ржевско-Вяземского котла». В этой мясорубке потерял старшего сына Виктора, воевавшего в родных местах. Второй сын Михаил (мой отец) призваться на фронт не успел, так как к приходу немцев ему ещё не исполнилось семнадцати. Во избежание репрессий многие коммунисты и комсомольцы уничтожали свои билеты. Он же, с братом Николаем, свой комсомольский билет закопал в консервной банке в огороде. С другим братом Кузьмой Михаил стал готовить диверсию по подрыву немецкой комендатуры. При испытании взрывного устройства несостоявшийся подрывник потерял кисть руки. Репрессий чудом удалось избежать.

Когда в марте 1943 года пришли наши, отец откопал свой комсомольский билет и вновь встал на комсомольский учёт. Этот поступок сыграл важную роль в его жизни. Его тут же приняли завхозом на военный аэродром, а также уполномоченным по сбору средств для фронта и преподавателем военного дела в школе. В советское время комсомольский билет моего отца хранился в музее районного города Сычёвка.

Вместе с комсомольским билетом брата Николай – третий брат – запрятал закопанными в огороде документы погибших наших бойцов и командиров, которых хоронили местные жители по приказу оккупантов. За подобные действия Николаю несомненно грозил расстрел. Когда Николай,

пятнадцатилетний малец, пришёл записываться добровольцем, приврав себе год, эти документы сыграли решающую роль, и он был зачислен в боевую часть, правда, вначале вольнонаёмным, но повоювать ему пришлось – брал Кёнигсберг.

Четвёртый брат Кузьма – мой крёстный – участвовал в разминировании Смоленской и прилегающих к ней областей, где прокатилась война. Позже их приравняли к участникам войны. Младшего брата Сергея тоже пытались записать в «разминёры», но мать Аграфена Игнатьевна отстояла, так как смертность среди пацанов – «разминёров» была высокая, а многие оставались инвалидами. Сергею довелось восстанавливать разрушенное войной сельское хозяйство.

После войны оставшиеся в живых четыре брата работали в геодезических экспедициях Московского Аэрогеодезического Предприятия Главного Управления Геодезии и Картографии МВД СССР «по заданию Правительства СССР». В этих экспедициях работали и моя мать Лидия Егоровна, и её сестра Тамара. Обе родили там первенцев. В одной из экспедиций во время движения санного поезда по степи опрокинулась одна повозка с людьми и инструментом. Сани подняли, собрали инструмент и не досчитались... младенца. Долго искали его в сугробах под дикий вопль матери. Наконец отыскали задышающееся и остывающее тельце. Мать стала согревать его своим телом и жаром дыхания. Этим младенцем оказался автор этих строк.

Когда в праздники за большим столом собиралась родня, то обязательно вспоминали курьёзные случаи из кочевой жизни. Часто приходилось слышать: «А помнишь случай в Саракташе?». «Да нет, это было в Белебее». «В каком Белебее? На станции Зимовники...»

Мы, ребятня, как замороженные слушали их бесконечные воспоминания.

Кроме слов «папа» и «мама» моими первыми словами были «репер», «ход», «трапедия». Моими игрушками были – компас, лупа, транспортёр, готовальня. Раньше детской коляски, букваря, велосипеда я узнал, что такое теодолит, нивелир и буссоль.

А как умели Дубовские дружить! Как справляли праздники под гармонь, балалайку и гитару! Пели о том, как «бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах», как «на старой смоленской дороге повстречали незваных гостей». Свою дружбу братья сохранили до конца дней своих.

ПОЭЗИЯ

Тамара ЛИСИЦКАЯ

Тамара Павловна Лисицкая – член Союза писателей России и Академии российской литературы. По образованию – юрист, по призванию – библиотечный работник. В настоящее время на пенсии. Автор поэтических сборников и многочисленных публикаций в альманахах и газетах. Лауреат нескольких поэтических и общественных премий.

Живёт в Москве.

«Там, впереди, ещё нас ждут мгновения прекрасные!..»

Добрая память

Быт послевоенный – семьи без отцов.
От мужчин погибших – только память,
Письма треугольные, рыдания вдов
Да на душах от сиротства замять.

Беззаветно чтили дорогих бойцов,
Тех, что не вернулись с поля боя,
И висели фото вместо образов,
И сиял над каждым нимб героя.

Не пришли солдаты под родимый кров,
Но детей достойно воспитали –
Под защитой доброй памяти отцов
Правильные люди выросли!

Песня в миноре

Падают дни, словно листья с осенних берёз,
Падают дни из чёрно-белых полос,
Быстрые дни – не замедлить и не удержать,
Памятью лишь можно назад их поднять.

Память моя – многотомный и пёстрый роман,
В памяти всё: и мечты, и любовь, и обман...
Память хранит даже то, что давно бы забыть.
Если не помнишь – значит, и вовсе не жить.

Осень грустит, ветром-памятью дни вороша,
Чутко дрожит, равнодушна душа.
Сколько вокруг милых лиц и земной красоты!
Дням, что остались – мудрости и доброты..

Ах, как расцветен наш замечательный мир!
Жизнь – ты прекрасна, мой неизменный кумир!
Падают дни, продолжается жизнь не спеша.
Вот и берёзка! Осень... А как хороша!..

Поздняя осень...

Поздняя осень – ознобом по коже,
Дождик стучит кулачками в стекло.
Грустно, но песня не кончена всё же,
Холодно там, а в квартире тепло.

Стойкий воробышек, птица-синица,
Замкнутый круг, чик-чирик целый день.
Жизнь не исправишь, не вырвешь страницы,
Те, что оставили на сердце тень.

Закономерность, а вовсе не странность,
Болей и радостей круговорот...
Благословим неизбежную данность,
Всё, что приходит и снова уйдёт!

Не всё ещё потеряно

Не всё ещё потеряно,
Не всё ещё испытано,
Дороги не измерены,
Желанья не подсчитаны.
Горит костёр рябиновый
На сердце ли, на ветках ли,
И теплотой рубиновой
Влечёт к себе приветливо.

Осенний свет в глазах твоих,
Надёжность понимания,
Не портят паутинки их
Начала увядания.
Рисует время не спеша
Узоры справедливые,
И проявляется душа,
Чем старше, тем красивее..

Не всё ещё потеряно,
 Не всё ещё испытано,
 Дороги не измерены,
 Желанья не подсчитаны.
 А дни торопятся-бегут
 Ненастные и ясные,
 Там, впереди, ещё нас ждут
 Мгновения прекрасные!

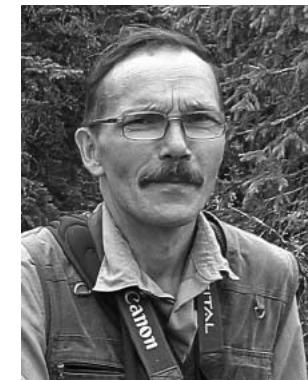

Кто в тайге Хозяин?

Заканчивалась многодневная экспедиция. Я шёл по тропе и вдруг обнаружил в четырёх метрах впереди медведя. После обильной трапезы дудником зверь прилёг отдохнуть на тропе и почувял меня в самый последний момент. Спросонья он двинулся мне навстречу, но потом спохватился и скрылся за ближайшими берёзами. Я успел оценить, что «корма» у топтыгина была чуть-чуть ниже моих плеч. Тем временем медведь остановился за деревьями и фыркнул. Видимо засомневался – почему это он дорогу уступил такому пигмею. Я самонадеянно развеял его сомнения, прокричав в кусты, чтобы он валил подальше, пока я добрый. Косолапый решил не связываться с нахалом...

Жизнь человека в тайге проходит под знаком бурого медведя (*Ursus arctus*). Об этом звере невозможно забыть, даже если задаться такой целью. Вы опытный таёжник, в одиночку забрасываетесь на новое место, разводите костёр, но вдруг начинают падать деревья в безветренный день... Кто-то поднимает шум в зарослях, ломая кусты и недвусмысленно давая понять, что лучше убраться отсюда пододру-поздорову... В другой раз, возвращаясь в свой старый обжитый лагерь, вы находите разграбленную избушку, изломанное оборудование, а вместо запаса продуктов обгрызенный кусок хозяйственного мыла. Крепив сердце, ликвидируете последствия погрома и снова начинаете задумываться о том, как жить с таким соседом дальше?

Долгие годы работы в тайге вырабатывают привычку мирно сосуществовать с медведем. Но иногда «конфликты» всё-таки случаются. Так в августе 1992 г. (в Комсомольском заповеднике) отпугнуть бросившегося на меня косолапого удалось только вовремя зажжённым фальшфейером. От трагических «сбоев» не застрахованы даже профессионалы, посвятившие свою жизнь изучению и съёмке хищника. В 2003 г. погибли Тимоти Тредвелл (Аляска) и сотрудник Кроноцкого заповедника Виталий Николаенко. С Виталием Александровичем мне довелось встретиться в начале 90-х.

Василий Анфимович Колбин – окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России. Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более 100 публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, в альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф.Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Живёт в Перми.

Теперь подаренную им чёрно-белую фотографию медведя на фоне заповедного кордона в долине гейзеров храню как реликвию.

Хищный вегетарианец

Уважительно-осторожное, с некоторой примесью страха отношение к хищнику закрепилось в его русском названии. Оно иносказательное – тот, кто ведаёт мёд – медведь (ведмедь). Как будто наши предки боялись назвать его напрямую – вдруг услышит и придёт. Народы Западной Европы менее опасаются зверя (возможно, потому, что он давно стал там редкостью) и называют его прямо – бэр (Bear). То, что это слово и есть истинное имя хищника, которое наши пращуры спрятали, можно понять по слову «берлога» (место, где лежит бер), которое сохранилось в русском языке.

Медведь в классе млекопитающих относится к отряду хищных, но при этом основу его питания составляют растения. По данным Валентина Сергеевича Пажетнова, медведи средней полосы (зона южной тайги) используют в пищу свыше 70 видов растений. При этом один крупный зверь съедает в течение одного года до 3 тонн растительной массы. В чём-то он конкурент диких копытных. А сколько медведь съедает ягод в пору их созревания, огорчая всех тетеревиных птиц сразу! Растения целиком поедаются только весной – в голодное время. Обычно же медведь ест только самые «вкусные» (наиболее питательные) в данный момент времени части тех растений, которые встречаются в его местообитании в изобилии. Так, листья осины идут в пищу до завершения их роста. В этот период содержание жира в них (в пересчёте на сухое вещество) превышает 5%. Видимо, в этом кроется секрет того, как имея сравнительно простую пищеварительную систему хищника, «топтыгины» умудряются накапливать на преимущественно вегетарианском рационе достаточные запасы жира для переживания долгой зимы.

А где же животная пища? Здесь медведь своего не упустит – он ест всё, что удаётся поймать или раскопать: муравьёв, короедов, ос, разоряет птичьи гнёзда, грабит кладовые бурундуков. Конкурируя с различными мелкими хищниками, а также лисами и волками, медведи успешно охотятся на различных грызунов и других мелких млекопитающих. Мощные лапы с острыми когтями позволяют им вскрывать хатки ондатр, иногда даже бобров и ловить самих животных. Не застрахованы от такой участи и многие «норники», даже барсуки становятся добычей косолапых. На копытных охотятся только крупные звери, но, как правило, добыть лося, оленя или кабана удаётся не часто, и основой питания остаётся растительная пища. Всеядность в сочетании с пластичностью поведения, умноженной на изрядную сообразительность, позволяют медведю успешно существовать в самых разнообразных условиях.

Хорошо известно, что добыв крупное животное, медведь редко сразу начинает его есть. Обычно зверь прячет добычу, забрасывает ветками или закапывает. Считается, что он любит мясо «с душком», но вероятно дело в другом: чтобы усвоить большое количество животной пищи после преимущественно растительной диеты нужно перестроить пищеварение. Вот для этого «хищный вегетарианец» и берёт паузу. Многие птицы, которые летом питаются насекомыми, зимой переходят на растительные корма. Если им летом предложить съесть их традиционную зимнюю пищу, они просто не смогут её усвоить. Точно так же европеец, резко начав питаться сырым мясом вместе с эскимосами, рискует погибнуть от расстройства пищеварения.

Угрюмые отшельники

Большая часть жизни взрослого самца медведя протекает в одиночестве. Лишь на краткий миг – 10-12 дней в первой половине лета у него появляется нечто, напоминающее семью. В это время доминирующий самец и медведица образуют супружескую пару. Такая «семья» может формироваться далеко не каждый год, поскольку медведицы с маленькими медвежатами (сеголетками) самцов избегают. Молодые медведицы долго, иногда не один год, преодолевают детский страх перед крупным медведем.

Хотя прямые контакты в популяции медведей сведены к минимуму, звери постоянно получают информацию о соплеменниках через необыкновенно развитое обоняние и, в меньшей степени, другие органы чувств. Хозяева территории маркируют свою землю различными пахучими метками, устраивают «каталища», трутся спиной о деревья, оставляют следы когтей на древесных стволах. Поэтому любой взрослый медведь, забредая в новую местность, понимает, занята она или нет, стоит ему рискнуть выгнать хозяина или лучше пройти мимо. Такая «ольфакторная» передача информации, как показал В.С. Пажетнов, позволяет медведям формировать своеобразные социумы «парцеллы», где территория самца-доминанта соприкасается с землёй подчинённого самца и землями, где живут медведицы с медвежатами – сеголетками и медвежатами – лончаками (медвежатами второго года жизни). Медведицы, детёныши которых стали лончаками, перемещаются на территорию самца производителя, на время или навсегда покидая своих подросших медвежат. После завершения гона собственническое отношение к земле слабеет, и медведи перемещаются туда, где больше корма. Всю вторую половину лета и начало осени главная задача каждого медведя – накопить достаточное количество жировых запасов для благополучной зимовки.

Поздней осенью звери готовятся к зимней спячке – проверяют старые берлоги или готовят новые. К выбору места для берлоги «топтыгины» относятся очень серьёзно – подыскивают самые дремучие, труднопроходимые леса (ветровальные участки, склоны сопки), не посещаемые людьми. Нередко ради спокойной зимовки медведи совершают целенаправленные миграции из кормных угодий в глухомань. Устройство берлог может быть самым разнообразным, но в некоторых случаях зверь вообще не готовит себе укрытия и впадает в спячку просто сидя под деревом в каком-то безветренном месте (распадке). Такие медведи «сидуны» известны на Дальнем Востоке, обнаруживались в Норском заповеднике. Звери при такой зимовке спят значительно более чутко и кем-то потревоженные легко становятся шатунами. По всей видимости, это аномальное поведение, возможно, так спят кем-то потревоженные «косолапые», сбежавшие из своей нормальной берлоги. Известно, что медведи плохо приспособлены к переживанию морозов. Особенно уязвимы ступни, где имеются участки, лишённые шерсти (плантарные мозоли). У добытых шатунов в этих местах часто обнаруживаются обморожения, даже выпадают когти.

В берлогах у медведиц появляются малыши, которые весят около 500 г. К моменту выхода из берлоги они весят уже 3-4 кг и способны следовать за матерью. Имея маленьких медвежат, медведица не может делать большие переходы и обычно держится на проталинах, где кормится первыми всходами, съедобными корнями. Медвежата во всём подражают ей и пробуют всё на зуб, поскольку молока им мать даёт впроголодь. Такая стратегия переживания голодной весны часто оказывается наиболее рациональной.

Крупные самцы, которые покидают берлоги вполне упитанными, часто начинают охотиться на копытных (обычно безуспешно). Они совершают большие переходы и при этом значительно теряют в весе. В Комсомольском заповеднике мне несколько раз в начале апреля приходилось встречаться с такими медведями. Один пришёл на запах сваренной на костре каши, другой следовал за мной прямо по льду реки. В итоге зверей приходилось отпугивать выстрелами.

Самоотверженная агрессивность медведицы, защищающей своих медвежат, широко известна. В таком поведении кроется глубокий смысл, поскольку медведи – самцы напрочь лишены родительских чувств и воспринимают медвежат только как добычу. Обнаружив следы другого медведя, медведица всегда уводит своё потомство из опасного места. В это время страх перед крупным зверем надолго поселяется в медвежатах. По мере подрастания детей и с завершением лактации «смелость» медведицы убывает. Действительно, в возрасте 5–6 месяцев медвежата уже имеют шансы на выживание в одиночку, и чем старше они становятся, тем больше медведица думает о себе. Но всё же глубокой осенью она укладывается в берлогу вместе со своим потомством. Сведения о самостоятельной зимовке сеголеток имеются только для Кавказа.

Враги

Будучи самым крупным хищником большей части территории России, медведь не имеет естественных врагов. Лишь на юге Дальнего Востока, где ареал медведя накладывается на ареал амурского тигра, жизнь «косолапых» осложняется. Известно, что тигр способен справиться даже с более крупным, чем он сам, медведем. Неудивительно, что медведи боятся полосатого хищника и встретив его следы стремятся покинуть опасное место. Л.Г. Капланов в своей работе «Тигр, изюбрь, лось» сообщал о тигрице, которая нашла берлогу с медведицей и годовалыми медвежатами. Тигрица сделала подкоп и вытащила медведицу за лапу. На поверхности она быстро убила её, прокусив шейные позвонки у затылка. Тридцатикилограммовые медвежата были загрызены прямо в берлоге. Шерсть медведей многократно обнаруживалась в экскрементах тигров. Но иногда победителем в схватке с тигром становится медведь. Так зимой 1959–1960 гг. на Сихотэ-Алине медведь-шатун обнаружил добытого тигрицей кабана и начал есть его. Когда хищница заметила косолапого грабителя на своей добыче, она атаковала обидчика, но медведь оказался сильнее и убил её. В финале драмы шатун съел и тигрицу (В.П. Сысоев. 1960. Схватка медведя с тигром. Газета «Сельская жизнь»).

И всё же самым опасным зверем для «топтыгина» является другой медведь. Расставшись на втором году жизни с матерью, молодой медведь испытывает панический страх перед любым крупным зверем. Избегание встреч с крупными млекопитающими – залог выживания медвежонка. В нашей фауне нет другого крупного хищника, у которого бы такой обыденностью был каннибализм. Случаев каннибализма известно множество. Самец-медведь даже во время гона может настолько «забыться», что убивает и съедает свою неуступчивую любовницу. Такой эпизод приводится А.А. Черкасовым в книге «Записки охотника Восточной Сибири». В заповеднике «Вишерский» крупный медведь съел более молодого осенью 2009 г. рядом с кордоном «Лиственничный».

Медведь и человек

«Медведь, сокративший дистанцию до 5 метров, уже не противник, а палач» – примерно такую фразу прочитал я в журнале «Охота и охотничье хозяйство» в 80-е годы. А в 2008 г., как уже упоминалось выше, крупный зверь оказался в 4 м от меня и уступил дорогу. Но в справедливости данной фразы для охотника, подранившего зверя, сомневаться не приходится.

Одинокого таёжника, тихо бродящего по лесу, медведь воспринимает как другого такого же хищника, посягнувшего на его территорию. Ночевать в палатке, когда «косолапый» бродит поблизости, ломая сухостой, крайне некомфортно.

Когда людей много, медведь становится осторожным и не пытается заявить о своём праве на землю. Страх перед человеком глубоко укоренился в медвеьем сознании. В значительной степени это результат многовековой охоты людей на «косолапых». Для русского крестьянина медведь всегда был вредным зверем, от которого лучше избавиться. В народе даже существовало мнение, что бывают два разных типа медведей: безвредные «муравьятники», которые питаются растениями и мелкой живностью, и вредные – «стервятники», которые охотятся на копытных, домашний скот и представляют угрозу для людей. На самом деле «муравьятники» это молодые звери, которые не почувствовали свою силу и опасаются охотиться на крупную добычу, а «стервятники» – крупные медведи, у которых удачные нападения на копытных привели к формированию пристрастия к мясной диете. Такие звери даже в случае отсутствия крупной добычи не желают возвращаться к растительному рациону.

Плохо, когда медведи теряют страх перед человеком. Обычно это происходит там, где в тайге накапливается много пищевых отходов и звери приобщаются к человеческой еде. В дальнейшем такие животные не могут вернуться к прежней «правильной» жизни с кормёжкой низкокалорийной растительной пищей. В поисках вкусной еды звери идут на сближение с людьми, подходят к стоянкам геологов, посёлкам. Особенно усугубляется ситуация, если медведь встречает недалёких горожан, которые пытаются подкармливать его... Топтыгин начинает чувствовать свою силу, и рано или поздно это приводит к трагической развязке.

В редчайших случаях развитие «неправильного» поведения приводит к появлению медведей – людоедов. Наиболее серьёзным произведением о таком звере (основанным на реальных событиях) является повесть Григория Федосеева «Злой дух Ямбуя». Недавно (приблизительно в том же регионе летом 2008 г.) в районе станции Юктали по БАМу медведь целенаправленно бросился на железнодорожного обходчика, убил его и успел съесть часть тела, прежде чем людоеда отстреляли. Против таких зверей люди беззащитны – скрадывающий добычу медведь настолько бесшумен и невидим, что применить оружие или средства отпугивания человек просто не успевает.

К счастью, большинство медведей «правильные» – если пытаются выгнать двуногого конкурента со своей территории, то сначала пугают, а в этой ситуации человек всегда может продемонстрировать свою «крутизну» распылив газ для отпугивания собак или применяя другие средства защиты. Даже когда под рукой ничего нет, бывает достаточно низким голосом нагругить зверю.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполыхи рассвета». Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«Чтобы снова душа зазвенела на радостной ноте...»

Сергею Есенину

*К 120-летию со дня рождения великого
русского поэта С.А. Есенина*

По Тебе всё так же плачут нивы,
И ветра рязанские рыдают...
Ты таким душою был красивым! –
Это звёзды превосходно знают.

Это знает поле луговое,
Где бродил Ты с девушкой русой
В злое время, злое и лихое,
Что катилось по просторам русским.

Ах, Серёжа, знал бы Ты, сердечный,
Что Россия-матушка сегодня, –
Как и раньше, – православной свечкой
Светит миру с помощью Господней.

Только нет покоя в мире этом:
Смотрит Запад на Россию так же,
Как тогда, лишить пытаясь света –
Он, как коршун, нашей крови жаждет.

Хоть сегодня небо голубое,
Но живём мы в каверзном столетье.
Дай-то, Бог, чтоб время непростое,
Вновь не обернулось лихолетьем!

Чтобы ни случилось, знаю свято:
Голос Твой, Серёжа, будет с нами!
Без Твоих стихов не быть крылатой
Родине с небесными глазами!

*Уходящим русским деревням
посвящается*

Деревенька моя,
Запорошены снегом домишки,
Поле, рядышком лес
И речушка под старым мостом.
Жизнь здесь так непроста!
У иных нет – не то, что излишка,
Нет почти ничего –
Пусто так, покати хоть шаром.

Всем, кто здесь в этот час
И в такое лихое столетье,
Не забыл, не предал,
Что завещано предками нам:
Землю наших отцов
И обычаев русских соцветье,
Наш великий язык, –
Небесами который нам дан, –
До земли поклонюсь!
Поклонюсь, обниму и заплачу,
Не скрывая ни слёз,
Ни тоски о прошедшем былом.
В этой жизни – увы! –
Люди бедные мало что значат,
Для иных – просто сор.
Но об этом... об этом – потом!

...Снег кружит надо мной,
Серебрясь и ликуя в полёте.
Я сквозь слёзы смотрю
И у неба спасенья молю,

Чтобы снова душа
Зазвенела на радостной ноте
У обычных людей,
Тех, кого безгранично люблю.

Плакали глухо старик и старуха,
Слёзы из глаз не лились,
Только дрожали их старые руки,
Старые плечи тряслись,
Да иногда прорывался бессильный
Стон... и опять затихал –
Это, когда к фотографии сына
Каждый из них припадал.

В красном углу незатейливой хаты
Тусклое пламя свечи,
Словно смотрело на них виновато
В хмурой осенней ночи.
Дом этот помнит шаги и улыбку,
Шутки и песни, и пляс
Русского парня с той самой открытки,
Что прижимали сейчас
Старые люди, сидящие скорбно
В осиротевшем доме.
Бьются сердца их надрывно, аккордно,
К сыну просясь своему.

Боже, зачем им послал испытание
Несправедливой судьбой?!
Вот и сидят они, как изваяния,
Над фотографией той,
Где, как живой, и лихой и красивый,
Сын их с улыбкой стоит.
Только не стало теперь у них сына,
Сын на войне их убит.

...Плакали глухо старик и старуха,
Слёзы из глаз не лились,
Только дрожали их старые руки,
Старые плечи тряслись.

От снарядов опять
 кровоточит Донецк...
За Атлантикой мерзко
 смеётся Обама.
Он-то думает,
 русским приходит конец,
Но тем самым,
 себе-то и роет он яму.
А Донецк не погибнет,
 Луганск – не умрёт!
Они символом станут
 Славянской Победы!
Хоть сегодня и плачет,
 и стонет народ,
И ему предстоят ещё
 горькие беды,

Но обамы не знают,
 – да им не понять! –
То, что всем
 доказала истории правда:
Пусть вас будет идти,
 хоть несметная рать, –
Разобьём в пух и прах,
 по-славянски... как надо!

Д

Мост

Витька жил в Бресте. Там приготовления к войне чувствовались особенно остро. Несмотря на то, что и горком, и газеты твердили: «У нас с Германией подписан мирный договор. На провокации поддаваться нельзя! Войны не будет!» – все знали: война не за горами, скоро.

Отец отправил их – Витьку и мать – в деревню.

– Поживёте у тёщи чуток. А там видно будет! – сказал.

Отец у Витьки был неродной. Родного Витька не знал. И мать не особо любила вспоминать: «Ну, поженились. Ну, сбежал...»

Витьке было десять лет. Матери – двадцать семь. Отцу – двадцать шесть. Все молодые – всё впереди.

Витька учился в школе. Мать работала в магазине. Отец был военным – старшим лейтенантом.

Отец, конечно же, знал много и многому за неполный год, что сошлись-поженились с матерью, научил Витьку – не только стрелять, по-настоящему, из нагана и винтовки, но и разбирать-собирать оружие, разбираться в званиях и технике – нашей и чужой, по книжкам.

Мать была на седьмом месяце.

– Девочку хочу, дочку, – говорила она.

– Мне сын нужен! – возмущался отец. – Наследник!

– А если девочка родится, что, любить не будешь?! – возмущалась мать.

– Ну... – непонятно пожимал плечами отец.

– Да не ссорьтесь вы! – мирил родителей Витька – ему хоть сестра, хоть брат, было всё равно: лишь бы были. – А ты, – обращался он к матери, – рожай сразу двоих: и девочку, и мальчика. И поделите пополам: тебе – дочь, тебе – сына.

Отец хохотал:

– Ну, ты и!..

Мать улыбалась. Тогда – улыбалась. Сейчас – нет. Сейчас из чёрного отверстия над левой бровью выползала тёмно-красная змейка – по брови

Андрей Сергеевич Зеленин – родился 21 января 1969 г. в Перми. Учился в Пермском государственном сельскохозяйственном институте, в Пермском областном институте усовершенствования учителей. С 2008 – руководитель Клуба Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке имени Л.И. Кузьмина. Детский писатель, драматург, редактор. Автор более трёх десятков книг и пьес, ставших спектаклями. Провёл 2,5 тысячи творческих встреч, выступлений, мастер-классов. Член Союза писателей России (1999). Член Союза театральных деятелей РФ (2007). Лауреат литературной премии и.м. А.Ф. Мерзлякова (2000). Кавалер ордена Достоевского III степени (2012). Живёт в посёлке Звёздном Пермского района.

сползала на висок, прядь волос... – превращалась в маленькую лужицу на истоптанной сотнями ног земле, под головой.

Витька ревел – навзрыд! Выл, не стесняясь ни слёз, ни голоса, ни людей, что проходили рядом – молча.

Впрочем, молчали не все. И шли – не все.

Хромой дядька, припадая на правую, заметно короткую ногу, метался, не зная, что делать, вокруг тела убитой женщины – жены. Седая старуха рвала на себе волосы, не в силах поднять распостёршегося в придорожной траве мужа – такого же седого как лунь старика. Женщина в сером от пыли, а когда-то белом платье, закрыв глаза и стиснув губы, неведом куда несла на руках девочку трёх-четырёх лет – безжизненное окровавленное тельце...

Кто-то тронул Витьку за плечо:

– Слышь, пацан... Скоро немцы здесь будут. Уходить надо. Вставай.

Словно чем-то жёстким ударило по горлу – Витька закашлялся, смолк, недышащим ртом пытаюсь схватить воздух, а слёзы лились и лились!

– Вставай, пацан, вставай!

– А мама? – Витьке наконец-то удалось задышать.

– Ей уже не поможешь.

– Похоронить! – потребовал Витька, боясь взглянуть на мать – на обезображенное раной лицо.

– Где? Чем? – человек задал пару вопросов и замолчал, прислушиваясь к окружающим звукам. И вздрогнул: – Это немцы! Фашисты! Моторы работают. Слышишь? Ближе совсем! Вставай! Уходи, пацан!

Витька со злостью сорвал с плеча чужую руку:

– Нет!

...До реки, до моста через неё они не дошли чуть-чуть – двести-триста метров. И поездом до нужной станции тоже не доехали немного. Война началась на другой день после того как отец посадил их на поезд. Состав остановился посреди леса – железнодорожный путь оказался взорван.

– Диверсанты! – пронеслось среди пассажиров.

А потом совсем рядом начали стрелять – кто-то закричал, страшно, и мама, схватив Витьку за руку, потащила его в лес. И уже там они вспомнили: все их вещи остались в вагоне – чемодан, и сумка...

– Возвращаться не будем, – сказала мама. – Пойдём так. Здесь недалеко.

Витька знал, что недалеко. Деревня, где жили бабка, тётка и сразу три двоюродные сестры, была километрах примерно в пятнадцати – почти сразу за рекой.

Людей по лесной дороге, на которую они с матерью вышли, шагало на удивление много: старики и старухи, женщины и дети. Мужчины в силе – тоже были, но не гражданские – тех два-три человека, а военные: пропылённые, с винтовками...

– Куда? – спрашивали люди. Спрашивали солдат: – Зачем?

Солдаты отмалчивались. Только один раз, Витька слышал, за всех ответил старший – командир. В его петлицах была шпала – капитан. Он остановился, пропуская и разглядывая – как идут? – своих бойцов. И ответил – коротко, разжав криво стиснутый рот, сквозь зубы:

– Приказ.

И вдруг!

Всё произошло вдруг, внезапно. Внезапно налетели самолёты с крестами на крыльях и начали сбрасывать бомбы! И стрелять из пулемётов:

стрелять! Стрелять! Не разбирая: военные люди идут по дороге или люди без оружия.

И десятки тел остались лежать на взрытой бомбами земле, и сотни, придя в себя после налёта, безумной толпой, стадом ринулись к переправе – к мосту.

А на лесной дороге уже показались враги – впереди несколько мотоциклов с колясками, за ними бронемашин и грузовики.

В колясках мотоциклов сидели пулемётчики, и огненные язычки срывались со стволов пулемётов. И с бронемашин били пулемёты – другие, тяжёлые. Треск очередей и свист пуль заглушали многоголосый вопль. Пули выбивали пыльные фонтанчики на песке дороги и берега, срезали ветки лесных деревьев и прибрежных кустов, вбивались, словно гвозди в доски, в спины людей, и люди падали – кто-то плашмя, кто-то набок, кто-то, всплеснув руками, вдруг вставал на колени и так замирал, будто в раздумье: падать или нет.

– Мама! – в ужасе вскрикнул Витька и, забыв о матери, вскочил на ноги! И, как заяц, увидевший волка, рванул! Со всех ног! К реке! Забыв о родном человеке, о той, которую всё-таки позвал, не осознавая, кого зовёт: – Мама! – Бросив её! Оставив в коротком прошлом собственные слова, что маму нужно похоронить. – Мама!..

Фашисты рвались к переправе – им нужен был мост. Им нужно было врубиться встык двух советских армий – разрезать их. Или, может быть, не армий, а дивизий? Или, может, им просто нужно было идти вперёд, не останавливаясь, не задерживаясь ни на миг – до самой Москвы. Или до Урала? Что конкретно нужно было фашистам, знало командование – немецкое. Знали генералы, знал фюрер. А солдаты вермахта просто исполняли приказ, не раздумывая: стрелять или не стрелять? Конечно, стрелять! Ведь фюрер говорил, что советские люди – это не люди, это кролики, это черви... А убить кролика или раздавить червяка – разве это преступление?

Витька не слышал Гитлера, он не знал, что нужно немецким генералам, и он не понимал фашистских солдат – ему просто было страшно. Очень страшно! И он бежал! Вместе со всеми. И он кричал! Вместе со всеми.

Капитан, что время назад говорил: «Приказ» – он пытался командовать своими солдатами. Ему нужно было организовать оборону – задержать врага. Ему нужно было уничтожить мост – не дать фашистам перейти на противоположный берег реки, ведь там, за рекой, остановить противника было некому, ближайšie части Красной Армии находились в нескольких десятках километров отсюда – капитан это знал. А его солдаты...

Красноармейцы, сержанты... – они, поддавшись общей панике, превратились из воинского подразделения в ту же толпу.

Неуправляемая, а точнее, ведомая животным инстинктом, животным ужасом, толпа скопилась у моста – люди, забыв, что они люди, толкали и кидали себе под ноги тех, кто оказался слабее, шагали по упавшим, сломав перила моста, сбрасывали в реку детей и женщин, и падали в воду сами – и тонули, даже не от пуль – от страха.

Одного капитана было слишком мало для того, чтобы остановить это всё! И одной обоймы, которую он расстрелял из своего пистолета в воздух, тоже было слишком мало. И нужно было нечто, что могло бы изменить ситуацию. Но что?!

Бегущая перед Витькой женщина вдруг споткнулась, хотя под ногами у неё не было ни камня, ни ветки, и упала – плашмя, раскинув руки, лицом в песок. И Витька, зацепившись ногой за её руку, полетел – вверх тормашками,

и оказался в прибрежной воде, и почувствовал её холод, и моментально пришёл в себя: «Мама!»

Матери не было видно. Она осталась там – за мотоциклами, бронемашин, грузовиками, за серыми цепями спешившихся немецких солдат. Витька видел, как фашисты шагали прямо по лежащим на земле людям – по ногам, рукам, лицам, как колёса переезжали тела – мёртвые и живые.

«А если маму... так же?» – страшная мысль железным прутом ударила по голове. И тут же гневом вспыхнуло сердце: «Сволочи!»

Рядом лежал красноармеец. Мёртвый. На спине, на гимнастёрке было несколько рваных отверстий. Винтовка валялась метрах в двух – отлетела.

Витька одним прыжком оказался у оружия: схватил, передёрнул затвор – лёг за тело красноармейца, прицелился, затаив дыхание, как учил отец, и выстрелил.

Его выстрела в общем шуме никто не услышал, но в серой цепи вражеских солдат появился пробел. А после второго выстрела – ещё один. Когда закончилась обойма, Витька достал из подсумка убитого красноармейца новые патроны. Делал он всё спокойно – вроде бы спокойно, но только лицо было белым и вытянутым и сквозь стиснутые зубы время от времени срывалось:

– За маму! За сестру! За брата!

Первыми внимание на Витьку обратили фашисты. Сразу несколько пуль взбили фонтанчики песка вокруг него, большей частью попав в тело красноармейца – мёртвый боец спас Витьку.

Затем Витьку увидел капитан. В отчаянии махнув рукой: «А-а!» – он лёг рядом с мальчишкой и тоже начал стрелять по врагам, из пистолета.

По ним ударили сразу из нескольких пулемётов, и, может быть, этот огонь, сконцентрированный в одном направлении – в другом огонь ослаб, может быть, стреляющий по немцам мальчишка, может, что-то ещё – это заставило красноармейцев остановиться. А потом они стали возвращаться – уже с моста – на берег. Они выходили из воды – на берег. Они снимали с плеч винтовки и начинали стрелять.

Вражеские цепи залегли, опрокинулись сразу два мотоцикла, вспыхнула бронемашин – пули попали в бензобак.

Молоденький лейтенантик – по два кубаря в петлицах – кинулся к капитану:

– Товарищ капитан, взвод готов к отражению атаки! Что прикажете...

Капитан не ответил. Пистолет сжимала мёртвая рука.

Лейтенант, ещё не понимая, что случилось, перевёл взгляд на Витьку. Над правой бровью мальчишки чернела дыра – след от вошедшей в голову пули, на песке чернела густеющая кровь...

– Рота, слушай меня! – закричал лейтенант – теперь он принимал здесь решения, и эти решения были верными, и исполнялись они бойцами роты беспрекословно.

...После войны взорванный мост восстанавливать не стали. Время и вода сделали своё дело – от переправы не осталось даже свай.

Исчез мост – исчезла дорога. Зарос кустарниками берег...

В нескольких километрах от этого места был построен новый мост – сперва тоже деревянный, потом – бетонный. По нему круглосуточно двигались повозки, мотоциклы, легковушки, грузовики, автобусы. По нему ходили люди...

Каждый год, в июне, во второй половине месяца на мосту появлялся военный. Сначала на его погонах была одна майорская звезда. Затем он приезжал

подполковником, полковником – на кителе, на груди добавлялись орденские планки. Этот человек долго стоял на мосту, смотрел на бегущую воду, не обращая внимания на шум движения. Потом – спускался к реке и шёл – без дороги, без тропы – через лес: деревья и кусты. Он приходил к одному известному месту, известному только ему – оглядывался, задерживался взглядом на каждом – даже не метре! – сантиметре округи, клал на землю цветы – две красные гвоздики – и уходил. Уходил быстро. Не пряча слёз.

...Они сумели сдерживать натиск фашистов. Сумели переправить на другой берег гражданских. Сумели взорвать мост, чтобы враг не смог с ходу форсировать реку. Сумели победить свой страх. Не сумели одного: похоронить погибших в бою. И – Витьку.

ПОЭЗИЯ

Марина НОВИКОВА

Марина Владимировна Новикова – родилась 24 июня 1984 г. в Москве. Окончила Государственный университет управления по специальностям «национальная экономика» в 2006 г., «юриспруденция» – в 2012 г.. Автор книг «Волны ржи» (2007 г.) и «Малиновый звон» (2012 г.). С 2009 г. – член Союза писателей-переводчиков, член Московской городской организации Союза писателей России. Печаталась в альманахе «Протуберанцы», журналах «Юность», «Российский колокол», «Смена», газетах «Сокол» и «Московский литератор». Награждена дипломами имени Ф.И. Тютчева, Н.М. Рубцова, С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, медалями имени А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, «55 лет Московской городской организации Союза писателей России», «60 лет Московской городской организации Союза писателей России», орденом «В.В. Маяковский», наградным знаком «Серебряный крест» за утверждение православных устоев в русской литературе. Лауреат литературного конкурса «Лучшая книга 2008-2011 гг.».

Живёт в Москве.

Но всё ж поставлю я свечу...

Но всё ж поставлю я свечу...

*Светлой памяти моего дедушки,
Новикова Николая Даниловича*

Я помню, как громко и строго,
Пуская колечками дым,
«На свете нет Господа Бога!», –
Всегда мне мой дед говорил.

И как всегда он, заполняя
Очередной анкетный лист,
И в графе «вера» отвечая,
Что убеждённый атеист.

Скрывал также, что он крещёный,
Как убеждённый коммунист,
Не понимал он блеск парчовый,
И злато, бархат и батист.

«Ты, – говорил, – за коммунистов,
Иль, может быть, большевиков?» –
И тон всегда был так неистов,
Порой на грани бранных слов.

Я отвечала: «Не одно ли то же? –
Но мне вопрос тогда был нов, –
Но коммунисты так похожи
На этих вот большевиков!».

Смеялся дед: «Да всё одно,
И был тогда совсем я мал,
Чапаев так сказал давно:
"Я – за Интернационал!"».

«По долинам и по взгорьям...» –
Напевал тогда народ,
От Урала до Приморья
Знал он песню ту без нот.

Летели маковки с церквей,
Сталь докрасна уж раскалилась,
Народ играл весь спектр ролей,
Годами эта пьеса длилась.

Я жизнь прожил под флагом этим –
Квадратом цвета кумача,
Не понимаю смысла в свете,
Когда в церквах горит свеча.

Я помню, как сносили храмы,
Лампадки били о каблук,
Научный коммунизм упрямо
В основу ставили наук.

Я никаких молитв не знаю, –
Всю жизнь я только признавал
Гимн СССР и подпеваю,
Когда поют "Национал".

Так семью царскую убили, –
Дед сигарету затушил, –
Из пепла к жизни возродили
Страну, чтоб класс рабочий жил!».

О Боге тут я умолчу –
Ты связан с партией судьбой –
Но всё ж поставлю я свечу,
Родной мой дед, за упокой.

«Снегири»

Уснули аллеи, среди дивной тиши
Их свет фонарей озаряет,
И шепчутся сосны, вокруг – ни души,
И в небо они уплывают.

«Я помню, – шумит вековая сосна, –
Меня посадил сюда Сталин.
То был месяц май, молодая листва
И песня меня здесь встречали».

«Я помню Хрущёва...», – и вновь разговор
Среди тиши ночной раскалился.
«А если б он нас всех пустил под топор?»
«Ну что ты, на нас он молился!»

«А помните, Жуков как браво шагал,
Блестели погоны на солнце,
Смотрел он на нас – что парад принимал,
Улыбка сияла червонцем!»

Шагали эпохи, летели века,
Менялись режимы и лица,
Но всё поглотила забвенья река,
Дорога туманом клубится.

Какой открывается дивный простор,
Снежинки летят будто искры,
В объятьях зимы снегопад разговор
Затеял в окрестностях Истры.

И ветви пушистые лес распростёр,
Жемчужными выткан коврами, –
Шагаешь в распахнутый дивный шатёр
В еловой зелёной оправе.

Но что б ни менялось в огромной стране,
Чего бы ещё ни случилось,
В тиши по дорожкам, всё кажется мне,
Кутайсов здесь ходит ночами.

И, чрез века, он – свидетель событий,
Шагает сквозь мельницу лет,
Поньше он будто бы ангел-хранитель
Усадьбы, где теплится свет.

Ждёт этот край ещё много открытий,
Сквозь смену чинов, эполет,
И свяжутся годы единственной нитью,
И в этом есть главный секрет.

А в сонных аллеях ветра пробежали,
Все окна в усадьбе горят,
Не графа шаги тишину нарушали –
То сосны в тиши говорят...

О Республике Ингушетия

Великая мощь и великая слава,
Древних традиций надёжный оплот,
Часть необъятной Российской державы –
Гордый и сильный ингушский народ!

Живи, процветай дорогая Отчизна,
Горным цветком распустился Магас,
Городом Солнца по праву ты признан,
Цвети и свети ты вовеки для нас!

С каждой весной всё сильнее расцветаешь,
Традиции крепнут, как башни твои,
И Древний Кавказ ты собой украшаешь,
Поклон тебе низкий, до самой земли!

Живи и сияй, Ингушетия наша,
Гордость и честь в своём сердце храни –
Сила традиций, величие башен –
Снова орлиным крылом ты взмахни!

ПАМЯТЬ

Василий ПОЛЯКОВ

Рассказы

Судьба русского художника

Аркадий Александрович Пластов родился в селе Прислонихе бывшей Симбирской губернии, а теперь Ульяновской области, в 1893 году. Дед и отец его были иконописцами, расписывали местные церкви. В 1908 году, пятнадцатилетним подростком, Аркадий поступил в Симбирскую духовную семинарию. Почти физически ощутив чудотворную силу живописных церковных образов, именно в 15 лет Пластов твёрдо решил, что будет живописцем и никем более! В этом стремлении его поддержали преподаватель философии и учитель рисования, а затем покровительствовавшие ему представители симбирской интеллигенции. В 1912 году Пластов впервые приехал в Москву. Красота древних соборов и коллекция русского искусства, собранная в Третьяковской галерее, привели юношу в восторг. Но недостаточная подготовленность в рисунке не позволила ему поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Случилось это только в 1914 году, когда Пластову уже исполнился 21 год, и он был вполне сложившимся, зрелым человеком.

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

А.А. Пластов (1893 - 1972)

Революционные события 1917 года заставили будущего художника уехать в родную Прислониху. В Москву Пластов вернулся лишь в 1925 году. Он создаёт плакаты на сельскохозяйственные темы, а летом в Прислонихе рисует и пишет этюды. В 1931 году, когда Аркадию Александровичу исполнилось уже 38 лет, в Прислонихе случился большой пожар. Сгорело много домов и сарай, в котором находились работы Аркадия Александровича, – всё, что он наработал за 15 лет. Это событие потрясло художника, на какое-то время выбило из колеи, но не сломало. Пластов принялся за работу ещё более усердно, трудился много, но с упоением...

В июне 1941 года на нашу страну напала Германия. Началась Великая Отечественная война. А уже осенью 1942 года Пластов написал очень глубокую по смыслу картину, названную всего двумя словами, – «Фашист пролетел». На фоне спокойной глади зеленеющих озимых и рощицы берёзок с золотой листвой, пасущегося стада овец и коров, на переднем плане уткнулся головой в траву мёртвый мальчишка-пастушонок. Рядом с ним воеет от отчаяния собачонка, на заднем плане, перед берёзками, лежат убитые коровы и овечка, а из-за берёзок с выражением изумления и страха в глазах на поляну выбегает корова, а перед нею несколько овец и баран резко остановились и замерли, поражённые столь неожиданной смертью, прервавшей совсем ещё молодую жизнь. Обыденность сельской местности, отсутствие каких-либо живописных напоминаний о войне вызывают очень сильное чувство скорби и ненависть к врагу, совершившему подлое безнаказанное убийство ни в чём не повинного мальчишки. Невольно подкатывает комок к горлу и крепнет убеждение, что такое вероломство, такая бесчеловечность должны быть отомщены, и возмездие должно быть самым беспощадным!

А.А. Пластов. «Фашист пролетел», 1942 г.

А в год окончания войны Пластов написал «Жатву» и «Сенокос» – настоящие живописные поэмы, посвящённые прославлению мирного, но напряжённого труда жителей села.

Эти три картины по живописному мастерству и эпическому размаху замысла показали отточенную зрелость художника. Они выдвинули его в плеяду выдающихся живописцев не только нашей страны, но и всего мира. За перечисленные три картины в 1946 году Аркадию Александровичу Пластову была присуждена Государственная премия.

А теперь позвольте один курьёз. Ещё в 1951 году Аркадий Александрович Пластов написал картину «Ужин трактористов». На фоне глубоко вспаханного поля, закончив к вечеру работу, на траве, у ещё не остывшего от работы трактора, в лучах заходящего солнца расположилась семья: тракторист; помогавший ему в работе подросток-сын и в белом халате и в белой косынке совсем молоденькая мать-дойрка, наливающая из кувшина густое белое молоко в подставленную миску. Отец сосредоточенно, большим ножом, покрестьянски на себя, отрезает толстый ломоть от полукружия чёрной краюхи. Сын, вероятно, очень проголодался. Он держит наготове ложку и не отрывает взгляд от льющегося молока. А мать старается ухаживать за своими мужиками-кормильцами. Она вся раскраснелась от своей старательности, а может быть, и из-за только что проведённой дойки коров.

Картина получилась цельной, законченной, поэтичной, с хорошим живописным колоритом. Но поскольку всего двумя-тремя годами раньше случились знаменитые наезды на литераторов, музыкантов, филологов, генетиков, экспертные комиссии, боясь прежде всего за себя, под тем или иным предлогом стали тормозить представление работ на выставки даже известным художникам, выискивая скрытый двойной смысл в их произведениях, способный оговорить, принизить, а может быть, и сознательно покритиковать, высмеять мнимые достижения советского строя. В общем, картина Пластова «Ужин трактористов» по вине разных комиссий не могла предстать перед зрителями в течение десяти лет.

Наконец в 1961 году Пластов выставляет картину в очередной раз перед цензорами, чтобы пробиться с нею на Всесоюзную выставку. Цензоры снова рассматривают картину и так, и сяк, и наконец начинают обсуждать её. То им не нравится, что о профессии мужчины можно догадаться только по статичному трактору, который изображён на картине как-то второстепенно и куцо. То им не нравится, что трактор уже не пашет, но от него идёт серо-синеватый дым – значит, мотор не остановлен, горючее расходуется зря, не по-хозяйски. То комиссии не нравится, что тракторист с сыном ужинают прямо в поле. А это значит, что в хозяйстве не оборудовано специальное место под навесом, со столом и лавками, где была бы походная кухня и где механизаторы всегда могли бы получать горячую пищу. Наконец, обсуждают сам ужин механизаторов. Что это за ужин двум взрослым мужчинам, состоящий только из молока и хлеба? Да при такой диете через неделю-другую механизаторы просто физически не смогут дальше работать, ноги протянут!

Пластов выслушал все замечания внешне спокойно, хотя знали бы цензоры, что ему это стоило. Потом он разъяснил свой замысел, свою задумку, своё видение того, что обсуждала комиссия.

– А по поводу ужина могу сказать следующее, – в самом конце обсуждения добавил Пластов, – у трактористов на ужин была жареная картошка с курицей, но картошку и курицу они съели перед тем, как пить молоко, а

А.А. Пластов. «Весна», 1954 г.

В этой картине воплощено поэтическое восприятие сельской обыденности, любовь и восхищение оптимистической молодостью. А нежная живописно-предметная подсмотренная картинка поднимается до глубокого философского обобщения единения человека с природой и восхищения совершенством чуда, сотворённого Господом Богом.

Картина имела потрясающий успех и отклик у самой широкой аудитории, а её копии украшали многие дома и кабинеты.

В 1966 году Аркадий Александрович Пластов за эту работу был удостоен самой высокой награды Родины – Ленинской премии.

Профессионалы называют творчество Пластова – целой эпохой в советском изобразительном искусстве и подчёркивают, кроме того, что это воссозданная в живописи историческая эпоха. Сейчас трудно представить жизнь села, не сообразуясь с произведениями его беззаветного певца и поэта, отдавшего людям весь свой талант, свою любовь и доброту.

Прошедшая в 2013 году юбилейная выставка работ художника в выставочном зале Академии художеств показала, что понимание творчества Пластова, любовь к его таланту со временем только растёт, и не ослабевает

куриные косточки, чтобы не сорить, закопали в землю.

Комиссии возразить было нечего, и она дала разрешение допустить картину к выставке.

Не буду перечислять многие известные картины Пластова. Напомню ещё только картину, завершённую в 1954 году. Она называется «Весна». В огороженном перед баней дворике, устланном ярко-жёлтой соломой, обнажённая молодая женщина-мать укутывает шерстяным платком голову своей маленькой дочурке лет трёх. А весна ещё окончательно не победила зиму, потому что небо всё в густых облаках, и на женщину и девочку падают белёсыми крупными пчёлками пушинки снега, придавая этой обыденной сельской картинке сказочный сюжет и возвышая образ простой сельской труженицы до сказочной волшебницы и даже принцессы. Обжигающая красота женщины заставляет вспомнить даже знаменитую «Вирсавию» Карла Брюллова.

восхищение его творениями и у современных ценителей правдивого, оптимистического искусства. Всех поражает и восхищает единение мыслей, забот и чувств художника со своими сельскими современниками, выраженное своим, особым живописно-талантливым почерком.

Уроки матери

В начале лета 1923 года в еврейской семье Кляйн родилась девочка, которой дали имя Флора. Малышка родилась 16 июня, как раз в день Флоры. Семья жила в венгерской деревушке и наслаждалась покоем, солнечным теплом, пением птиц, парным молоком, душистым свежеспечённым белым хлебом и замечательно вкусным сливовым вареньем.

Время летело быстро, и к 18 годам Флора превратилась в первую сельскую красавицу, на которую заглядывались и парни, и мужчины постарше. Девушка и впрямь была хороша: имея средний рост, она несла своё тело грациозной изящной походкой, её аккуратную головку украшали огромные смешливые глаза и обрамляли крупные чёрные кудри. И, конечно, вся дружная семья жила в предвкушении удачного брака этой незаурядной девушки.

Но время было грозное. И Венгрия, наряду со многими европейскими странами, оказалась втянутой в войну, развязанную гитлеровской Германией. Семья Кляйнов вместе с тысячами других евреев была заключена в концентрационный лагерь.

Флоре повезло, что ещё в мирное время старшие подруги научили её красиво стричь волосы на женской голове и делать оригинальные причёски, придававшие девушкам и дамам незабываемый шарм. Как-то за этим занятием её увидела жена коменданта – златокудрая статная фрау с пышными локонами. Конечно, фрау не преминула вызвать Флору к себе. Девушка очень постаралась. Придирчиво рассматривая в зеркало выполненную работу, комендантша осталась довольна. А поскольку Флора знала много оригинальных приёмов и в работе не повторялась, фрау даже прониклась к девушке симпатией.

Но настал день, когда весь барак, в котором содержалась и Флора, отправился в газовую камеру. Самой Флоры там не оказалось. Утром её вызвали к жене коменданта. А маме и бабушке Флоры, её сестрам, дядям и тётям повезло меньше...

Как она жила и выжила во время войны и в первые годы после неё, девушка вспоминать не любила. Кроме собственного еврейства у неё никого и ничего не осталось. Впрочем, нет. Осталась красота, не потускневшая и за лагерные годы.

В 1948 году Флора переселилась в Израиль и там же довольно скоро вышла замуж за выходца тоже из Венгрии – Фери Витца, двухметрового гиганта. Они поселились в Хайфе. На следующий год у супругов родился сын, которому дали имя Хаим.

Фери Витц был плотником, но сын запомнил, что отец возвращался домой с работы поздно и всегда клал на кухонный стол автомат. В ту пору израильские мужчины ходили воевать, как на работу.

Вскоре Фери отправился из Хайфы на заработки в Тель-Авив и бросил свою семью.

Хаим жил с матерью, и они очень нуждались.

Самым запоминающимся развлечением было кино. В Хайфе не было кинотеатров – только открытые киноплощадки. Но и на билеты туда у них тоже не было денег.

Зато, когда у Флоры были силы и хорошее настроение, она брала Хаима за руку, вела к ажурной ограде киноплощадки, брала его на руки – и он смотрел кинофильмы и бесплатно, и почти со всеми удобствами.

Пришло время, и Хаим пошёл в школу. Конечно, у него появились приятели и друзья, с которыми он не только учился, но и играл в коллективные игры, а также очищал соседские сады.

Так, за забором, отделявшим школьный двор от соседнего сада, росло большое фиговое дерево. Две крепкие узловатые ветви нависали над забором школы, располагаясь уже на её территории. Конечно, школьники за короткий срок обобрали с них плоды дочиста, но не умерили свои аппетиты. Со школьного забора можно было вскарабкаться на эти ветви, а потом по ним перебраться в глубину густой кроны к другим ветвям, усыпанным спелыми плодами.

Как-то раз мальчишеский налёт был вполне успешным, но Хаиму не повезло. Он забрался на дерево слишком высоко, а в этот момент неожиданно для ребят из дома вышла старуха-хозяйка, опираясь на палку с рукоятью-крюком. Увидев её, мальчишки метнулись к спасительным ветвям, нависавшим над школьным двором. А Хаим просто не успел. Хозяйка проворно доковыляла до дерева и этим самым крюком ловко зацепила его за пояс.

– Слезай! – скомандовала она.

Хаим робко спустился.

– Сейчас тебе будет урок, – рявкнула старуха. – Узнаешь, что надо делать с ворами!

Палка взметнулась вверх и опустилась на плечи Хаима, потом – на спину, потом – пониже спины. Старуха гоняла мальчишку по саду минут пять, прежде чем он смог проскочить к калитке и выбежать с территории её сада. Уроки в школе уже начались, но приятели, встревоженные криками из-за забора, остались ждать, чем же всё закончится. Они-то и отвели избитого, заплаканного самого младшего из всей ватаги домой.

Когда Флора увидела на пороге рыдающего Хаима, которого поддерживали одноклассники, она схватилась за косяк двери, чтобы не упасть из-за внезапной слабости и головокружения. Перебивая друг друга, одноклассники рассказали, что случилось.

– Она била тебя палкой? – каким-то странным, надтреснутым голосом спросила Флора. Сын кивнул.

Минут через десять мать стучала в калитку дома злой старухи. Хаим пугливо выглядывал из-за её спины. Хозяйка открыла калитку и сумрачно посмотрела на незваную гостью.

– Я мать мальчика, который залез к вам в сад.

– Ах, вот оно что, криво ухмыльнулась старуха. – Тогда займитесь-ка его воспитанием!

– Вы правда били его палкой? – очень спокойно поинтересовалась Флора.

– Да, вот этой самой! – старуха подняла руку с клюкой. – И вот что я вам скажу: я отхожу этой палкой всякого, кто посмеет...

Договорить она не успела. Мать Хаима, хрупкая, миниатюрная, на голову ниже старухи, – выхватила у той из рук клюку и с размаху обрушила ей на голову.

Старуха взвыла и попяtilась, но Флора шагнула следом и, размахнувшись уже двумя руками, как бейсболист битой, ударила ещё сильнее. Потрясённый Хаим остолбенел и вытаращил глаза. Мать ударила ещё раз. Старуха

повалилась на крыльцо, закрывая голову руками. Из-под её пальцев бежали струйки крови.

Мать отшвырнула клюку и произнесла: «А теперь я вам кое-что скажу. Так будет со всяким, кто хоть пальцем посмеет прикоснуться к моему сыну, вы поняли?! Пойдём домой, Хаим, кажется, эта дама нам не рада!»

Они не успели дойти до дома. Кто-то из соседей старухи успел вызвать полицию.

В участке дюжий сержант недоверчиво покачал головой:

– Вы понимаете, что чуть не раскроили череп бедной женщине?

– Она подняла руку на моего сына, – с гневом ответила Флора.

– Так он же воровал фрукты из её сада! Я бы и сам за такое всыпал!

– Только попробуйте, – пробормотала с угрозой Флора. – Богом клянусь, я сделаю с вами то же самое!

Не ожидая такого поворота событий, сержант захохотал, но тут же осёкся, встретившись глазами с матерью мальчика.

– Ладно, – проворчал он. – Протокол мы составим, но на первый раз, думаю, обойдётся.

Дома, в бедной, кое-как обставленной комнатёнке со стенами, выщербленными от пуль, мать обняла Хаима. Обняла так крепко, что у него заныли побитые старухой спина и плечи. Но Хаим почему-то понял, что лучше помолчать. А Флора сказала ему:

– Запомни, сынок. Ты – самый лучший на свете. Никто и никогда – слышишь! – не посмеет обидеть тебя. Я разберусь со всяким. А подрастёшь – разберёшься сам. Ты всё сможешь. И у тебя обязательно будет всё, что только пожелаешь.

– Всё-всё? – недоверчиво переспросил Хаим, кося глазом на колченогие стулья и облупленные стены.

– Всё-всё, – подтвердила мать. – Ты сможешь.

Меньше чем через год они переехали в Америку, где Флора отыскала своего брата Ларри и кузена Джорджа.

А в начале семидесятых Хаиму удалось создать музыкальную группу, которая, постепенно набирая силу и популярность, прозвучала в шоу-бизнесе на весь мир.

Интересно, что и в этот период Флора дала сыну дельный совет.

Среди выбираемых для своей группы музыкантов Хаим взял ударника, итальянца по национальности, боготворившего мафиозный шик, невероятное щегольство, жестокость и зачастую проявлявшего себя в жизни, на репетициях, во время выступлений на сцене почти истеричным.

Когда сын рассказал матери о новом барабанщике, Флора вздохнула:

– Намучаешься ты с ним, Хаим, помани моё слово.

– Почему, мама?

– Вы никогда не поймёте друг друга. Знаешь, что говорит итальянская мать, если недовольна сыном? «Если ты будешь так себя вести, я тебя убью!» А что говорит еврейская? «Если будешь так себя вести, я убью себя». В этом разница.

Уроки матери Хаим помнит всю жизнь.

У него всё хорошо: с работой, бизнесом и в семье.

ПОЭЗИЯ

Павел САВИЛОВ

ПАВЕЛ САВИЛОВ

Павел Николаевич Савилов – родился 23 сентября 1963 г. в Котовск Тамбовской области. Выпускник Воронежского государственного медицинского института им. Н.Н. Бурденко (1986). Сельский врач анестезиолог-реаниматолог ТОГБУЗ «Тамбовская ЦРБ». Доктор медицинских наук. Профессор. Член Российского Союза Писателей. Автор поэтических сборников «Ветер странствий», «Властелины неба», «По дорогам памяти», «Живопись, ожившая в стихах», историко-поэтического сборника «В бескрайних монгольских просторах». Публиковался в газетах: «Российский писатель», «Медицинская газета», «Тамбовская жизнь», «Притамбовье». В альманахах: «Губернский стиль» (Воронеж), «Литературный Тамбов», «Радуга» (Тамбов), «Чешская звезда» (Карловы Вары).

Живёт в Тамбове.

Я о картинах расскажу стихами...

Берёзовая роща Левитана

Июньский полдень. Шёлк лесной травы
Своим вниманьем солнце одарило.
Стволы берёз с чешуйками коры
Оно теплом незримым обхватило.

Прозрачен воздух. Ветер утром слёг.
Где тень от веток борется с жарою,
Прильнул к цветку невзрачный мотылёк,
Нектар желая унести с собою.

Как сделать так, чтоб стало наяву
Видение, увиденное мною.
Берёзы стан я обнимать хочу,
Прижавшись к ней небритою щекою.

Вдыхать знакомый с детства аромат,
Закрывать глаза, о будущем мечтая...
Я у картины, что мой ловит взгляд
И от себя никак не отпускает.

Лесные дали

Распахнув широкие объятья,
Как отец, что сына долго ждал,
Предо мной предстал в зелёном платье
Многоликий батюшка-Урал.
Свежим ветром мне лицо лаская,
Выгоняя из души печаль,
Он в тайгу радушно приглашает,
Что волнами убегает вдаль,
Где под небом серебристо-серым
Кама воды хладные несёт,
Где в безлюдье, песни неумело
Вместе с ветром тихо лес поёт.
Ну, а здесь на склоне травянистом,
Где под мох влезают валуны,
Как солдат пред строем в поле чистом
Тонкий стан стареющей сосны.
Тишина. Не слышно птичье пенье,
Лишь полёвка меж камней шуршит.
Ощущенье, что машина-время,
Ход свой сбавив, дальше не бежит.
А потом она назад помчится,
Подбирая за собой века.
И с Кучумом за Сибирь сразиться
Вдаль пойдёт ватага Ермака.

Последние лучи солнца. Осиновый лес

Устав от зноя, день встречает вечер.
Не слышно птиц. Проснулась тишина.
В лесу осинового дерева, словно свечи
Среди икон в стенах монастыря.

Вот потянуло от земли прохладой.
Всё громче слышно песню комара.
Приняв лучи пурпурного заката,
Вдруг на деревьях вспыхнула кора.

Заполыхав, помчался пламень алый,
Стволы обнявши, к кончикам ветвей.
А из травы, кустарник ростом малый
Взирает с грустью на больших друзей.

А те стоят в молчанье горделивом,
Зелёной кроной смотрят в неба синь,
Которому завидно, что рубины
Закат развесил по стволам осин.

Но как всегда, всему конец бывает.
Последний луч прошёлся по листе,
То вечер ночи пост свой уступает,
Что тихой поступью проходит по земле.

Кора осин вернула облик прежний,
Внизу кустарник больше не грустит,
Стволов деревьев он, касаясь нежно,
Высокомерно на траву глядит.

Рожь

Июльский полдень. Солнце, встав в зенит,
Свой жаркий взор на землю обратило,
Где рожь стеной созревшая стоит
И, взгляд ловя небесного светила,
Как золото скифов матово блестит.
Колосья тяжестью склоняются к земле.
Так дети матери поклон свой посылают
За то, что жизнь дала и что к себе
Всегда и всех смиренно принимает.
Трава зелёная дороги лижет край,
Что, извиваясь, убегает в поле,
Так узник рвётся из тюрьмы на волю,
Увидев хлеба свежий каравай.
Но тщетны потуги. Во ржи, как часовые,
Стоят в молчанье сосны вековые.
Проходит полдень, но ещё жара
С горячим пылом землю обнимает,
Вон облаков пушистая гряда
Вдали на поле тихо наползает.
А здесь, где рожь дороге ход даёт,
Чуть привалившись от неё в сторонке,
В лазурном небе громко песнь поёт
Хранитель поля – жаворонок звонкий.

ПРОЗА

Сергей КАЛАБУХИН

Махмудыч

Виктор Иванович маялся. До конца года оставалось почти четыре часа, значит, гостей ждать ещё не менее двух часов! Придут, как обычно, сваты и соседка Зинка. Дочка с зятем приведут внука Мишку.

Виктор Иванович с завистью смотрел в окно на бредущие по тротуару весёлые, явно уже податые компании. Через дорогу, в офисе торговой фирмы, давно гремит музыкой и танцами праздничный корпоратив. Несколько парней выскочили из дверей фирмы и начали готовить запуск шуток. Сквозь украшенные надутыми шариками и мигающими разноцветными гирляндами стёкла окон за ними следили оставшиеся в тепле помещения остальные сотрудники фирмы. Некоторые из них при этом что-то прихлёбывали из высоких бокалов.

Виктор Иванович выругался и задёрнул шторы. Когда же наконец закончится это мучительное ожидание? Все были при деле: дочка с зятем повели внука во дворец на ёлку. Жена, Клавдия Петровна, заканчивает готовить закуски на кухне. Сваты час назад завезли какие-то кастрюльки и свёртки и тут же уехали по магазинам: что-то не успели найти и купить. И только Виктор Иванович маялся не при делах. Ёлка уже давно наряжена. Гирлянды исправно горят – Виктор Иванович проверил несколько раз. Ковры выбиты на свежеснеговом покрове, вдобавок пропылесосены. Мусор вынесен. Праздничные гирлянды развешены. Все необходимые продукты закуплены. Подарки под ёлку сложены. Посреди комнаты в ярком свете отмытой накануне Клавдией Петровной люстры сверкает хрусталём бокалов и начищенным мельхиором вилок праздничный стол. Вазы горбятся румянобокими яблоками, оранжевыми мандаринами, жёлтыми апельсинами, зелёным кишмишем и лиловым виноградом. Исходя соком, нежится под радужными кольцами репчатого лука разделанная селёдочка. В салатницах аппетитно притягивают глаз давно обрусевший «оливье»

Сергей Владимирович Калабухин – родился в 1958 г. в городе Коломне Московской области. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева. Верный приверженец дефицитного ныне жанра научной фантастики. Наряду с фантастической пишет реалистические рассказы и яркие публицистические статьи. Печатался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, США и Финляндии. Автор пяти книг. Награждён Почётным дипломом имени А.Т. Твардовского МГО СПР. Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер». Награждён медалью «И.И. Лажечников». Член редколлегии «Коломенского альманаха».

Живёт в Коломне.

и «фирменные» салаты сваты: рыбный, из кальмаров, крабовых палочек, с зелёным горошком, кукурузой или ананасом – всех не перечислить. Любила и умела сватья готовить салаты. Розовели тарелочки с тонко нарезанной красной рыбой и докторской колбасой. Желтел и остро пах сыр. Аппетитно блестяли маринованные грибочки, манили мятыми боками солёные помидоры, зеленели пупырчатые огурчики. Но более всего притягивали жадный взгляд Виктора Ивановича несколько разноцветных и разномастных бутылочек, сгруппированных в самом центре новогоднего стола. Тут были и блестящая золотом фольга высокая бутылка розового шампанского «Абрау Дюрсо», и почти не отличающаяся от неё бутылка безалкогольной детской шипучки (для внука), хрустальный графинчик самодельной черносмородиновой наливки (Клавдия Петровна сама делала!), нестандартная бутылочка таллиннского бальзама, пузатый коньячок, «огнетушитель» белого вина и две бутылки водки. Эти две последние и вызывали маету Виктора Ивановича.

– Нет, ну кто сказал, что в последний день года надо пить только по расписанию? – возмутился Виктор Иванович. – Сначала проводить старый год, потом, после речи и тоста президента, под бой курантов встретить новый. Где это написано? В каком законе? Вон, – покосился Виктор Иванович на окно, за которым шумел корпоратив, – нормальные люди давно уже празднуют!

Эх, если б не категорический запрет Клавки...

Виктор Иванович в раздражении плюхнулся на диван и начал жать на кнопки пульта, переключая каналы телевизора. Везде пили, пели и бесновались одни и те же морды, осточертевшие Виктору Ивановичу и в будни: те же бессмысленные песенки, те же идиотские шуточки. Казалось, вся эта попсовая шатия-братия и типа поёт для себя любимой, и типа шутит для себя, сама себя при этом нахваливает и награждает. А Виктор Иванович и все прочие люди ей абсолютно без надобности.

Матерясь сквозь зубы, Виктор Иванович жал на кнопки пульта, благо в цифровой приставке к телевизору было каналов за сотню, и наткнулся наконец на старую советскую комедию. На экране возник уставленный бутылками и закусками стол. Вдоль него шёл как всегда пьяненький артист Вицин и громко возмущался скороспелостью нынешней свадьбы. Виктор Иванович с умилением смотрел, как Вицин, игравший отца многодетной невесты, мимоходом прихватывает со стола бутылку самогонки, укрывая её от глаз жены собственным телом, щедро плещет в гранёный стаканчик и смачно выпивает. Виктор Иванович даже сглотнул набежавшую слюну, так понравилась ему увиденная сцена. Но бдительная жена, мать невесты, уже тут как тут, и коршуном бросается на Вицина.

– Не тронь! – кричит тот, не позволяя отобрать у себя бутылку и стакан. – Не тронь моё самосознание!

– Правильно! – подхватился с дивана Виктор Иванович. – Пусть президент по расписанию принимает. А у нас своё самосознание имеется!

Виктор Иванович грозно посмотрел в сторону кухни, где жена Клавка заканчивала варить в кастрюле картошку, жарить на сковороде мясо и тушить в духовке кролика. Ароматы с кухни доносились сногсшибательные. Виктор Иванович решительно цапнул со стола бутылку водки и резко крутанул пробку. Пробки на нынешних бутылках стали хитрые. Их не надо теперь выдёргивать штопором или снимать, разрывая алюминиевую крышечку. Виктор Иванович взял фужер и потряс над ним бутылкой. Не вылилось ни капли! В нетерпении, Виктор Иванович крутанул пробку в другую сторону. Раздался

оглушительный хлопок, вылетевшая пробка больно ударила Виктора Ивановича прямо в лоб, и из бутылки повалил густой белый дым. Виктор Иванович в панике выронил бутылку и рухнул на диван. Дым быстро уплотнился в тощую фигуру седобородого старика в зелёном восточном халате и чалме.

– Хоттабыч, блин! – растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая зудящий лоб.

– Махмудыч, – строго поправил его старик.

– Один хрен, – махнул рукой Виктор Иванович.

– Раба любой может обидеть, – скорбно промолвил джинн.

– Раб, значит? – усаживаясь поудобнее, начал соображать Виктор Иванович. – Любое моё желание исполнишь?

– Почти, – обречённо вздохнул Махмудыч. – Я – специалист по удовольствиям. Что желает хозяин?

– Для начала восполни недостачу на столе, – потёр руки Виктор Иванович.

– Понял, – сказал старик, вырывая волосок из своей длинной бороды. – Я читаю желания хозяина без лишних слов.

На столе появилась новенькая бутылка водки.

– Ну, раз без слов... – довольно улыбнулся Виктор Иванович и взял со стола фужер.

– Извини, хозяин, – развёл руками Махмудыч. – Я обеспечиваю удовольствия, а не отравление. Алкоголь – яд!

– То есть как? – удивился Виктор Иванович. – Что ты несёшь, старик? Что же тогда, по-твоему, удовольствия?

– Удовольствия бывают трёх видов, и все они связаны с мясом, – взмахнул широкими рукавами халата джинн. – Можно ездить на мясе, вкушать мясо и вводить мясо в мясо. Начнём с первого?

Старик дёрнул волосок из бороды, и перед Виктором Ивановичем возник живой конь. Виктор Иванович ойкнул и запрыгнул с ногами на диван.

– Настоящий арабский жеребец! – восхищённо прищёлкнул языком джинн.

Конь шумно вздохнул, взял губами яблоко из ближайшей вазы и смачно захрустел им.

– Каков красавец! – приплясывал рядом Махмудыч, гордо поглядывая на очумевшего Виктора Ивановича.

От жеребца, мягко говоря, пахло. В брюхе коня громко заурчало, он потянулся за вторым яблоком и начал задира хвост...

– Убери его! – завопил Виктор Иванович, поняв, что сейчас произойдёт. – Немедленно!

– Хорошо, хорошо, – разочарованно дёрнул из бороды следующий волосок джинн.

Конь исчез. На вычищенном и пропылесосенном два часа назад Виктором Ивановичем ковре парила и воняла кучка свежего навоза.

– И это убери! – истерично взвизгнул Виктор Иванович. – И запах!

Махмудыч безропотно вырвал ещё один волосок.

Виктор Иванович слез с дивана и осторожно потрогал ковёр. Тот был чист и сух.

– Что случилось? – на крик Виктора Ивановича из кухни прибежала Клавдия Петровна. – Кто это?

– Дед Мороз, – отмахнулся от неё Виктор Иванович.

– Махмудыч, – обиженно поправил хозяина джинн.
 – Какой ещё Махмудыч? – грозно спросила Клавдия Петровна. И тут она углядела в руке Виктора Ивановича фужер и валяющуюся на полу пустую водочную бутылку. – Та-а-ак! – протянула Клавдия Петровна. – Гостей дожидаться не можешь? С первым встречным водку пьёшь! Алкаш несчастный!
 – Объясни ей, – устало махнул рукой Махмудычу Виктор Иванович.
 – Понял, – кивнул тот и дёрнул волосок из бороды.
 Клавдия Петровна застыла на полуслове, переваривая информацию.
 – Что, настоящий джинн? – вытаращилась она на Махмудыча.
 – Второе удовольствие и без меня уже готово, – принялся к кухонным ароматам Махмудыч. Клавка охнула и убежала на кухню. – Может, перейдём к третьему?
 – Ты думай, что говоришь, – показал глазами на вновь появившуюся в комнате жену Виктор Иванович.
 – А в чём проблема? – удивился джинн и дёрнул из бороды волосок.
 На глазах Виктора Ивановича толстенькая полуседая Клавдия Петровна преобразилась в молодую фигуристую красотку, везде, где надо кругленькую и аппетитную.
 – Ну, как? – гордо спросил Махмудыч и распахнул дверь спальни.
 – Ой, – потрясённо воскликнула Клавдия Петровна, разглядывая себя в зеркалах трюмо.
 – Да-а... – промычал Виктор Иванович. – Вот так Снегурочка! Ну, Хоттабыч! Ну, угодил.
 Он потянулся к красотке, но та ловко вывернулась и больно треснула Виктора Ивановича по рукам.
 – Не лапай! Ишь, шустрый какой.
 – В чём дело? – возмутился Виктор Иванович.
 – У нас тут не Восток, и я не в гареме, – сверкнула прекрасными очами Клавдия. – Удовольствие должно быть взаимным. От тебя и от молодого толку в постели было немного, а сейчас и подавно.
 – Хоттабыч, – оскорбился Виктор Иванович. – Разберись.
 – Махмудыч! – сквозь зубы прошипел джинн. – Хозяин хочет, чтобы его женщина получила удовольствие?
 – Да! – рявкнул Виктор Иванович. – Хочу. Выполни её желание. И перестань меня всё время поправлять.
 – Как угодно хозяину, – поклонился джинн и дёрнул волосок из бороды. Глаза его коварно блеснули.
 «Интересно, в какого красавца он меня превратил?» – подумал Виктор Иванович и повернулся к трюмо. Но из зеркала на него смотрела знакомая пузатая фигура с лысой головой и плохо выбритым морщинистым лицом.
 – Эй, Хоттабыч, в чём дело? – разгневанно обернулся к джинну Виктор Иванович.
 Но вместо тощего седобородого старика перед ним стоял молодой красавец с фигурой Жана Марэ и лицом Алена Делона.
 – Извини, хозяин, – ехидно ухмыльнулся красавчик. – Ты сам велел мне выполнить желание твоей жены. А теперь покинь спальню – пришла пора удовольствий.
 – Верни всё взад! – взревел Виктор Иванович. – Ну, Клавка...
 – Не могу, – засмеялся Махмудыч, демонстративно поглаживая голый подбородок. – Придётся подождать, пока снова отрастёт моя борода.

Джинн ловко вытолкнул Виктора Ивановича из спальни и закрыл дверь.
 – Ах ты, тварь! – заорал Виктор Иванович. – Неблагодарный раб! Я вам покажу удовольствия!
 Виктор Иванович схватил с пола бутылку, из которой появился в его квартире наглый джинн, и со всей дури швырнул её в дверь спальни. Бутылка, как резиновая, отскочила от двери и долбанула Виктора Ивановича твёрдым доньшком прямо в лоб. У того от боли и обиды из глаз брызнули слёзы. Он сидел на полу и ревел как пацан, потирая лоб и размазывая по щекам слёзы и сопли.
 – Витя, что с тобой? – вдруг услышал он над собой встревоженный голос жены.
 – Пошла вон, шлюха! – рыдал Виктор Иванович. – Предательница! Возвращайся к своему Хоттабычу, или как там его.
 – Нажрался уже! – зло вскрикнула Клавдия Петровна. – Не утерпел, алкаш несчастный.
 Виктор Иванович протёр глаза. Перед ним стояла разгневанная жена. Не молодая сексапильная красотка, а родная, расплывшаяся от времени и забот Клавдия Петровна. В старом домашнем халатике, с подвязанным кухонным фартуком. Из-под косынки выбились пряди седых волос. От неё вкусно пахло жареным мясом и специями.
 – А где джинн? – растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая шишку на лбу.
 – Какой ещё джинн? – закричала Клавдия Петровна. – Тебе что, водки мало? Вот придут к внуку Дед Мороз со Снегурочкой, у них и проси хоть джин, хоть виски. А сейчас немедленно наведи здесь порядок. Мне некогда за тобой прибираться. Скоро гости придут, а я ещё не одета.
 И Клавдия Петровна ушла в спальню, громко хлопнув дверью.
 Виктор Иванович услышал бульканье. Из лежащей рядом знакомой посуды джинна Махмудыча толчками вытекали остатки водки. За окном с пулемётным треском взрывались петарды. Видать, испугавшись первого взрыва, Виктор Иванович уронил бутылку и, нагнувшись за ней, со всего маху приложился лбом о край стола.
 Виктор Иванович поднял злополучную бутылку, встал и вытряхнул в рюмку остатки водки. Смакуя, выпил. Водка оказалась обычная, не палёная и не разбавленная. Виктор Иванович отнёс пустую бутылку в мусорное ведро. Взяв швабру, он задумчиво повертел её в руках и поставил на место.
 «Ну, лужа на ковре, – подумал он. – И что? Не конский же навоз. Сама испарится».
 «Вы что, водкой полы моете?» – вспомнилась ему фраза из спектакля «Дни Турбиных».
 – Моем! – хихикнул Виктор Иванович.
 Он достал из холодильника новую бутылку водки и с опаской посмотрел её содержимое на свет. Жидкость как жидкость, ничего постороннего не плавают. Виктор Иванович потрогал шишку на лбу и захохотал.
 – Ну, Хоттабыч, попадётся ты мне!..

ПОЭЗИЯ

Сергей УТКИН

Сергей Сергеевич Уткин – родился 3 февраля 1987 г. в городе Шарье Костромской области. Там же окончил школу с серебряной медалью. Учился в Санкт-Петербурге в Балтийском государственном техническом университете «Военмех» им. Д.Ф. Устинова по специальности «ракетные транспортные системы». После 3-го курса отчислен по состоянию здоровья. Образование неполное высшее. Участник и лауреат литературных фестивалей и конкурсов: конкурса малой прозы «Белая скрижаль» (2014), «Илья-премии 2014» и др. Печатался в «Литературной Газете», журналах «Нева», «Нижний Новгород», «Кострома литературная» и др.

Живёт в Санкт-Петербурге.

«Я вписал себя в эти стихи...»

Задумавшийся Сфинкс
Приник к брегам Невы.
А Вы
Пройдёте мимо
Фасада, что чуть сник
К воде слегка, но зримо.
Прохожий носит мима
В лице своём. Черты
Эпохи нелюдимой
Скрываются в конце
Двора, но это ты
В имперском подлеце
Давно узнал, а здесь
Нева неотразима,
И есть
Минувшее в камнях,
Строениях и фасадах,
И мне в базарных днях
Порой совсем не надо
От улиц Петрограда
Историй, кроме той,
С музейною оградой
Вдоль камня мостовой...

Поколенья, отбившие ради дров,
Поколенья, отбившие подле печки
Срок земной, что всегда молчалив, суров.
Человечье

Век за веком сводил к кошельку и двору
Этот «добрый и праведный», проклятый Ницше.
Сколько жизней и душ отходило вору!
А вот лишней

Оставалась лишь та, что от Бога не шла,
От науки ль разящей, от строгого знания.
Я не знаю, когда этот мир обветшал –
Он с рожденья, возможно, был ветрен и шал
В этих званиях.

В этих дачах, квартирах, парковках у клумб,
Но однажды в грозящее тёмное море
Бросит мачты свои славный храбрый Колумб
И убьёт всех индейцев горем...

Я вписал себя в эти стихи –
Я навеки среди них прописан.
От кого-то они далеки,
Кто-то к ним припадает, длится.

И когда к ним подступишь ты,
Сидя возле притихшей ночи,
Тихо скажут мои листы,
Что я Словом был уполномочен...

Человек, виноватый в себе,
В чуждой речи, в душе, в улыбке,
В занесённой упрямой руке
Над строкою иль над ошибкой.

Человек, обвинённый в себе,
На листе предаётся строкам,
Признаётся в Тебе, и в судьбе
Ненароком...

Ветер листает.
В лае
Слышен прибрежный крик.
В соснах прилив
Играет
Ветра, что не отвык
В небо стучать.
Залив,

Где мы застали город,
Где запевала жизнь
Волнами в шторм, мажором
Рвалась на этажи,

Ветром морским с залива,
Грива
Гребней морских
Билась о ночь красиво.
Я на минуту стих.

Слушал, как пишет море
Волнами, словно горе,
Свой неумолчный стих...

Солнце топит снег, и вытает лето прошлое
Облетевшей и грязной упавшей листвой,
Что была прошлой осенью лету брошена
Рыжим саваном за упокой.

И стоит страна, что зимой допрошена,
Грязным снегом да талым льдом,
И пытается нас в нас самих проросшая,
Отложившая на потом,

То пейзажем родным, то казённым говором,
Под который её возлюбить нельзя,
То бросая в тебя этим рынком, ворованным
У соседних стран. И тебе так не здорово,
Когда кажется, что вот здесь она вся.

Ты присядь,
И смотри теперь в оба.
Ничего в России не трогать!
Не кантовать! До гроба. Вашу мать...

Чем ты несёшься, о, Тройка-Русь?
Яйцами ли? Идеей?
Ладно, давай, пропиши, не трусь,
Судьбы свои злодеям!

Жулику, вору, псарю, рвачу.
Дай им степей напиток!
Я промолчу тебя, промолчу,
Снежная небылица.

Каждый несёт тебя, словно бред,
Словно весну и осень.
Так повторял тебя прадед, дед,
Так их потомок носит.

Гоголь спросил тебя в том бреду:
«Камо грядеши? Ну, же!»
И догорел томом «Мёртвых душ»,
Чтоб не закончить хуже.

Кто-то наследовал этот край –
Жизнь доживал невнятен,
Но Маяковский вставал орать
В мутное время: «Нате!»

Бросил, оставил. Кидать стихи
В толпы – пустое дело.
Он и Есенин теперь тихи:
Всех ты, Русь, одолела.

Гармошка

Солнце медленно оседало за дальнюю лесополосу, оставляя после себя тёплую землю и тихий летний вечер.

Со стороны Красной горки – всё ближе и ближе – слышалось покрякивание пастухов, и откуда-то сверху, будто с небес, медленно спускалось к людям домашнее стадо. Его было видно с крыльца нашего дома, построенного отцовскими руками на самом краю села. В этот тихий час – после тяжёлого трудового дня – любил он хозяином постоять у калитки, здороваясь и переговариваясь с односельчанами, неторопливо идущими мимо нашей усадьбы встречать своих кормилиц с пастбища. Свою кормилицу, получившую от нас имя Роза за свой чёрно-бордовый окрас, мы встречали по очереди. Её, своенравную, надо было обязательно перехватить вовремя, не то отобьётся от стада и уйдёт, покачивая непокорной головой, в степь, чтоб ещё пощипать травки на вольной волюшке...

Утишалось вслед за солнцем беспокойство уходящего навеки дня, завершались все привычные дела и заботы. Подоив Розу, мать шла с ведёрком по двору, по пути наливая парного молока кошке с котятками. Отец, дожидаясь ужина, обходил сад-огород и, хрумкая прозрачным «медовым» яблочком (сквозь солнечную мякоть его просвечивались зёрнышки!), присаживался на длинной лавке напротив крыльца.

Вечер как вечер – всё как всегда. Но наутро планировалась поездка матери в Михайловку. И у младшего поколения семьи настроение было слегка приподнятым (в родительском доме к тому времени нас оставалось четверо – старшая сестра Тоня была уже замужем). Все мы в тот вечер ждали, когда ж наконец отец сядет за стол, подвинет поближе к себе стеклянную чернильницу, расправит большой ладонью тетрадный листок и аккуратно запишет на нём все наши просьбы и пожелания – «в памятку для матери». Ездил она туда нечасто – всё больше по надобности. В этот раз они с отцом много всего намечали купить – не за

Евгения Григорьевна Пищулина – родилась 28 ноября 1949 г. в совхозе «АМО» Новоаннинского района Волгоградской области. По образованию педагог. Окончила Волгоградский педагогический институт имени А.С.Серафимовича в 1973 г. По специальности – учитель русского языка и литературы. С юности пишет стихи и прозу (очерки, рассказы, эссе). Ранее ни в каких литературных журналах не публиковалась.

Живёт в городе Калаче-на-Дону.

горами был новый учебный год. А наши заказы (помимо всего обязательного к школе) по нынешним меркам, были, конечно же, скромные, да и по тогдашним меркам – тоже. Понимали (мать вложила в наши головы накрепко): «отец на всех тянется один...». Но, не думаю, что очень уж хорошо понимали мы в те годы, как непросто было родителям дарить нам ещё и детскую радость, и как старались они, несмотря ни на какие трудности, чтоб всё у нас «было не хуже, чем у людей...». Как сейчас вижу синий, исподлобья, с чуть приметной улыбкой отцовский взгляд, когда составлял он тот список из детских желаний: невдомёк мне было тогда, что и сам он получал от таких «совещаний» несказанное удовольствие...

Утром («чуть свет»...), когда мы ещё крепко спали, он проводил мать на остановку. И весь тот памятный летний день тянулся, кажется, целую вечность... Вечером отец встретить не успевал – был ещё на работе. И мы решили по-своему. Тая – вторая по старшинству сестра – осталась дома на хозяйстве. А нам – четырнадцатилетней сестре Вале, братику Коле (ему было тогда семь...) и мне – велела встречать мать. Мне шёл одиннадцатый год. Хорошо помню, что примчались мы на остановку задолго до прихода автобуса. Ждали, ждали! О чём-то говорили, во что-то играли, поглядывая на дорогу, – ладошки домиком. Потом, чтоб скоротать время, решили добежать до пруда и обратно. Добежали. Постояли на плотине, на деревянных мостках под могучими тогда ещё вербами, корявыми своими корнями уходящими, казалось, в самую глубину пруда... Поглядели, как дядь Коля Вакал – сосед, что жил через дорогу напротив, настраивает «на зеркального карпа» удочку. Забросил! – Крути по воде... Как же хотелось тогда в эту чистую воду прямо с мостка «сигануть» и «сплавать», но – припустили назад: не опоздать бы!

Но вот и подкатил наконец старенький ЛАЗик. Скрежетнула дверь, и на порожек показалась мать. Крепдешиновое коричневое платье в горошек с белым кружевным воротничком (памятное – на всю мою долгую жизнь!), чёрные косы корзиночкой... Хотя и была казачка потомственная, но даже и намёка на казачий стиль (в отличие от сестёр) в её одежде не было. Любила, чтоб всё – по моде, да и отцу, я помню, так больше нравилось. В руках у неё, к нашему удивлению, ничего не было, лишь из-под мышки торчала свёрнутая в трубочку пустая сумка... Встала на дороге, расправила на подоле складки и, стряхнув с них невидимую пыль, посмотрела на нас... как-то не так – то ли радостно, то ли... виновато. Непривычно, в общем, посмотрела. Оглянулась на водителя, улыбающегося парня в кепке набекрень, как бы ожидая от него чего-то. А он и впрямь вышел из-за руля, по-деловому заскочил в салон, и... выставил оттуда на дорогу чемодан – новенький, с блестящими застёжками: «Забирай, мать, некогда мне!» И – без лишних слов – снова за руль, загремел на своей технике дальше, оставив нас размышлять над происходящим в клубах густой дорожной пыли...

Станный этот чемодан мать бережно переставила на обочину дороги. Потрогала замки, словно проверяя надёжность и, взглянув на нас снизу вверх, вдруг всё прояснила разом: «Гармошка тут...». Не дав опомниться, тут же велела: «Несите по очереди – тяжёлая она». Не знаю, какую реакцию на эту неожиданную покупку ожидала мать, но, когда мы наконец по-настоящему уразумели, ЧТО несём домой, радость переполнила до краёв... Да она просто не умещалась там, где живёт человеческая душа! У нас теперь – новая гармошка! Коля, усердно пытаюсь помочь то Вале, то мне нести чемодан с драгоценным грузом, несколько раз просил остановиться и посмотреть, какая она, эта гармошка. Не разрешила мать.

Но... всю дорогу мы почему-то говорили не о новой, а о той гармошке, которая лежала дома. Старая она уже совсем, не раз отремонтированная, с потёртым мехом и ремнями... А так она – голосистая! Вон как поёт по вечерам на всё село! А на свадьбах! Всегда слышно её издали... Часто только стала отца «подводить» во время игры... То клавиша заляжет, то крепление у ремня ослабится, а то и вовсе недавно пришлось на басовый ремень кожаную латку накладывать – протёрся совсем от времени. Но – при любом её «поведении» отец-то ни разу и бровью не повёл! Гармонист он у нас, как люди говорят, от Бога...

До дома дорога неблизкая. Мать, поспевая за нами, в разговор не вмешивалась – думала о чём-то своём, и лишь про старую гармошку слово своё вставляла: «Пригодилась она и тебе, сынок...». Да. Ещё как пригодилась! Вспомнили, как именно на ней, и поныне сердцу дорогой и памятной, Коля впервые – в три с небольшим года! – самостоятельно сыграл мелодию частушки, которая называлась «Семёновна». Грамотно, по отцовской науке сыграл. Его тогда ещё из-за той гармошки почти не видно было, один лишь чубчик да глазички – серебристые! Но это отдельная семейная история – самое её начало, определившее всю дальнейшую судьбу моего брата как профессионального музыканта...

А в тот незабываемый вечер мы уже входили в калитку. Валя, подойдя к лавочке, осторожно поставила на неё футляр с драгоценным грузом. Коля – сразу к матери – уже настойчиво попросил, как приказал:

– Покажи гармошку, ма!

Тая, молча наблюдавшая за нами с крыльца, пошла навстречу, сняла чемодан с лавки и, шагнув на крыльцо, строго, как умела только она, сказала:

– Вот сейчас все вместе и посмотрим.

Прошла в горницу, поставила чемодан прямо на стол. Присела на корточки к застёжкам и – как будто только этим и занималась всю жизнь – сразу же обе: щёлк! Стоя к нам спиной, не спеша открыла и... бережно перевернув, поставила гармошку лицом ко всем. В полной тишине отступив на шаг, моя сестра, всегда сдержанная в похвалах и эмоциях, тихо восхитилась: «Хорошая...». И сразу – все четверо! – мы радостно оглянулись на мать. А что же она... И сегодня – сквозь время – я вижу, как облегчённо вздохнув, словно только и дожидалась у порога этого слова «хорошая», прошла к дивану, как присела устало, на колени руки положив... И как тихое мудрое счастье светилось в её глазах... Потом молча смотрела, как благоговейно – другого слова просто не подобрать – дотрагивались мы до перламутрового корпуса гармошки, инкрустированного – по художественной росписи – переливчатыми разноцветными камешками... Рассматривали узоры орнамента, мастерски выполненного рукой неизвестного умельца... И, помню, что Коля не устоял! Отстегнув сдерживающие мех ремешки, прошёлся-таки тонкими пальчиками по клавишам... Оглянулся на мать: «Голосистая?!» Улыбнувшись, она кивнула: «Подождем отца... Наиграешься ещё».

...Отец долго гремел во дворе умывальником, поглядывая на открытую в веранде дверь. Наверное, впервые за всю семейную жизнь никто не встретил его на пороге. Наблюдая за ним в окно – из глубины комнаты, мы заговорщицки перешёптывались, предвкушая его удивление и всё-всё, что уже испытали сами. Он вошёл в дом как всегда шумно, сразу как будто заняв в нём пространство всех комнат. И мы, притихшие за дверной занавеской, услышали его громкое – сердитое на сей раз: «Дома кто есть?». В ответ ему – тишина полнейшая... Только ходики на буфете тикали, казалось, громче обычного, да святой лик Богородицы из переднего угла успокаивал: «Радуйтесь – в меру...»

Ещё несколько мгновений затаённой радости и, – откинув занавеску, он шагнул к нам в горницу...

Не берусь описывать ничьих эмоций, потому что смотрела я вместе со всеми только на отца. Он, конечно же, увидел гармошку сразу, но – ожидаемой реакции... не последовало. Прислонился к дверному косяку, смотрел спокойно на всех – по кругу, внимательно – на гармонь. Ни удивления, ни радости... Мы уж было слегка приуныли... И вдруг из самой глубины его серьёзных глаз – как ни старался! – улыбнулась-таки и дрогнула душа музыканта... И лишь тогда мать встала и подошла к столу, где на жёлтой цветастой скатерти красовалась гармошка. Слегка волнуясь, объяснила свой странный поступок: «Увидела её – на прилавке стояла... Сам видишь, – какая! Я и – не утерпела...».

И – никакие объяснения были больше не нужны! Всё ведь и так понятно...

Отец неторопливо присел на стул и, как бы изготавившись на игру, кинул короткий взгляд: «Ну-к, дай...». Бережно вытащила мать из футляра гармонь (словно ребёнка из люльки), поставила её отцу на колени. Привычным движением он закинул ремень на плечо, осмотрел, примерился... И, так же, как Коля, сразу – за главное: по клавишам – сверху вниз и – обратно... Дальше – красивый, звонкий аккорд! Второй, третий... И – отозвалась гармошка гармонисту... Ещё как отозвалась! Задрожала мехом, загрузила в переборах разливисто, показывая голосистость свою, красоту звучания... Кажется, что и волновал-то он её вполсилы, с грустинкой глядя, как всегда, в какую-то свою неведомую даль, но наполнила мелодия – всё вокруг!.. И душу наполнила тоже – до краёв... Валя, озорно стрельнув кареглазой искоркой в сторону всегда серьёзной старшей сестрички, вдруг подхватила её за тоненькую талию и... закружила с подскоком по комнате – в ритме вальса!.. «Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали... Товарищ, мы едем далё-о-ко, подальше от нашей земли...» Я – с таким же настроением – к Коле! Но он уже, встав на пальчики, тянулся за старой гармошкой (она всегда почётно стояла на высокой кровати, заправленной по всем канонам казацкого уклада). Взглянув в его сторону, отец приостановил игру: «Иди-ка сюда, сынок». Посадив его на своё место, аккуратно передал ему ещё не остывшую гармонь, и – одной рукой, легко и привычно, подхватил за ремни свою, любимую... Присел напротив, рядом с матерью. Она, воспользовавшись паузой, напомнила было про ужин, да где там!.. Долго ещё отец и сын настраивались на игру, давая друг другу аккорды – выбирая тональность. А потом... зазвучали в родительском доме сразу две гармошки, нисколько не уступая одна другой в переборах, волнуя сердце душевной глубиной напевности...

За ужином отец серьёзно сказал: «На мамку, ребятки, не обижайтесь. Она у нас – лучше всех». И, положив руку на материно плечо, улыбнулся: «Вот только в следующий выходной придётся нам снарядить её по тому же маршруту ещё разок...» Заглянул в глаза: «Как ты смотришь на это? А, мать?» Кивнула согласно, разливая молоко по стаканам: она, конечно же, смотрела на это положительно...

С тех пор прошла целая жизнь. Но и поныне живёт во мне, как и в каждом человеке на свете, мелодия души родительского дома. В минуты испытаний, печали или радости... пробивается в сердце из светлых тех далей – то словом молитвы, то светом окошка в ночи... То голосом гармошки голосистой! А то – взглядом тихим и тёплым, стекающим со старых фотографий и икон... Дарует силы. Бережёт душу.

ПОЭЗИЯ

**Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Рубена Саркисова
с 65-летием юбилеем!**

Рубен Семёнович Саркисов – родился 24 декабря 1960 г. С 1978 по 1984 гг. учился в Московском Авиационном Институте, факультет – «Двигательные установки летательных аппаратов». По окончании института работал на предприятиях авиационной промышленности. С 1986 по 1988 гг. проходил службу в рядах Вооружённых сил СССР. Печатался в журналах: «Великороссь», «Антология русской народной поэзии»; альманахе «Яснополянские Зори». Лауреат литературного конкурса «Любви все возрасты покорны».

Живёт в Москве.

Рубен САРКИСОВ

«И эти сны, как крылья, ввысь уносят...»

Зима

Зима шагает по лесам
Одетым в зимние кафтаны
Она хлопочет тут и там
И вьюжит снежные фонтаны

Мороз рукой тяжёлой правит
Никто не смеет с ним шутить
Всех непокорных он заставит
Своё величье ощутить

Рождество

Зима, мороз дорога к храму
Асфальт под снегом и песком
А я иду вперёд пешком
И вижу неба панораму

Ночь Рождества ясна и звёздна
Земля кругом белым бела
Зима ядрёна и морозна
Душа чиста и весела

В соборе люди держат свечи
Они молились и постились
Теперь стоят, расправив плечи
А души радости открылись

Мы вознесём свои молитвы
Восславим мы Христа рожденье
Нас ждут сражения и битвы
Стран и народов разоренье

Спаситель силы дал упорным
Не впасть во грех в конце времён
Кто смог остаться непокорным
Тем был лукавый посрамлён

Дочери

О, дочь моя, любимое дитя
С чем ты приходишь в этот мир благой
Он поразит тебя мишурной красотой
И голову закружит не шутя

Как от ошибок уберечь тебя
Ты выросла и свой имеешь взгляд
Свой опыт жизненный я передать бы рад
Чтоб сохранить от бед тебя, любя

Но ты желаешь жить своим умом
Идти, вперёд, сражаться, спотыкаться
Всё постигать, искать и ошибаться
И шишки набивать, идя своим путём

Суд

Какая мука хуже пытки зверской?
Судить себя, без фальши, без обмана
Не напуская сладкого тумана
Себя не обеляя ложью дерзко

Ещё труднее жизнь прожить без фальши
Чтоб со стыдом потом не вспоминать
Но мир всё злей и жёстче будет дальше
И всё труднее честно поступать

Мой грустный стих, как плач многоголосый
Из уст лукавых к людям полетел
А старики мне задают вопросы:
«Зачем же ты так жалобно запел?»

От жизни им досталось тяжелее
 Погорше нашего хлебнуть им довелось
 Но голос их звучал и громче и бодрее
 У нас же сил на песню не нашлось

И мы позорно битвы проиграли
 Безропотно склонившись пред врагом
 Не те богатства мы всю жизнь стяжали
 И не жалеем до сих пор о том

Страшнее бомб гранат и урагана,
 Что всё сметает в ярости своей
 Страшнее душегуба и тирана
 Безудержная жадность душ людей

Мефистофель

Бегут века неспешной чередой
 Прах Фауста в земле лежит безмолвно
 А Мефистофель вечно молодой
 За душами охотится упорно

Сейчас совсем другие времена
 В двадцатом веке я на свет родился
 И Маргарита у меня всего одна
 А Мефистофель сильно расплодился

Весенние сны

Есть дивная пора в конце весны
 Когда трава пышна и зелена
 Когда светлы и беззаботны сны
 Как в дальние благие времена

И эти сны, как крылья, ввысь уносят
 Туда, где ветер свеж, где неба синева
 Но там, на небесах с нас строго спросят
 И не спасут там лживые слова

Елена Петровна Ткачевская – родилась 3 декабря 1958 г. Доцент кафедры Химии и технологии биологически активных соединений Московского государственного университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова, кандидат химических наук. Написание научных трудов сочетает с трудами литературными (чаще – поэтическими, иногда – прозаическими). С 2010 г. – участник ЛИТО ЦДУ РАН. Первая публикация стихотворений состоялась в коллективном сборнике ЛИТО ЦДУ РАН под редакцией Л.И. Колодяжной «Мы рождены для вдохновения» (2011). В год литературы Е. Ткачевская вошла в число финалистов литературных конкурсов «Славянские традиции 2015», «Антоновские яблоки» (к 145-летию И.А. Бунина) и конкурса сетевого литературного журнала «Камертон», посвящённого 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Живёт в Москве.

«Покой в душе как счастье осязаем...»

Как путешествие без багажа,
 Как двух стихий граница, как межа
 Между мирами, созданными все...
 Игра воображения рисует
 Фрактальные узоры, миражи.
 Какого трепета заслуживает жизнь,
 Когда неожиданно, вроде ниоткуда
 Волной приходит ощущение чуда.
 Как на скале зацепка, как мосток –
 Так человечен доброты росток.
 И одеваться нет желания в слова,
 Когда душа и так едва жива.

Слово словлено
 С сольным привкусом,
 Слово молвлено –

Расплескалось вмиг, да без трусости.
 А в солонке – соль,
 Рядом – хлеб ржаной, ненадкушенный.

Не кручинься уж, подойти изволь,
Корку посоли, да покруче...
Голове – светлей, отступает боль.

Так-то лучше...

*Пусть – сказанное когда-то
с прозрачных страниц ускользает,
пусть – забываются даты,
но Слово – не исчезает...*

Л. Колодяжная, 2015 г.

Неисчезающее Слово –
Как озаренье, дар бесценный,
Как мира сущего основа –
Благословенно.

Благому Слову существованье
Исходит свыше:
И перехвачено дыханье,
И Слово слышу.

И звук, и образ вобрало Слово
Как тропка в вечность,
Душе знакомо и сердцу ново,
Как бесконечность...

Как мелки с жизнью наши споры
Р. Рильке «Созерцание» (пер. Б. Пастернак)

Ночного неба звёздные миры
Мне неизвестны, как чужие страны,
Они полны опасностей нежданных...
Но от невзгод, препятствий постоянных
Сердца становятся и чутки, и мудры.

Невольню слита с вечностью природа.
То что-то шепчет, то молчит листва,
Меняется окраска небосвода,
Листает ветер письма псалма.
И не приемлют души непогоду

Земных стихий пространства и просторы
Принять, понять готовы мы всегда ли?
Не оттого ли многие печали,
Что вовремя того не замечали,
Как «мелки с жизнью наши споры»

Жар твоего горения
Неистов, неоспорим,
Но велико отдаление –
И чувствую только дым.

Дистанцию сокращаю,
Со скоростью звука – бросок,
Но снова не успеваю –
Лишь пепел да уголёк.

И кажется наваждением
Энергия нежных слов,
Нелепым предупреждением
О том, что это любовь...

Меж нами что?
Пространство, расстояние...
То пониманье, то непонимание,
Незримых нитей тонкое сплетенье
И притяженье, и сложенье
Судеб, событий, мыслей, слов, мечтаний,
Везений, невезений, испытаний
На прочность, непорочность обещаний.
И выжиданье долгих ожиданий...
Важней всего, наверно, притяженье,
Без вычитанья лёгкое сложенье.

С немалым опытом разлуки –
Стоять, не разнимая руки,
Смотреть, не отрывая взгляда, –
Так нелегко... Так нам и надо!

Весенний ветер, как водица,
В окно открытое струится.
С тяжёлым опытом разлуки
Куда девать глаза и руки?

Ни одного не сказали слова,
Даже звука не проронили,
Правил игры и старых, и новых
Не нарушили, не изменили...

Но огнём запылали щёки,
И глаза заискрились задором,
Будто взмыли на крыльях высоко
С этим трепетным разговором.

Ныряю в море ожиданий
и слышу всплеск волны разлуки,
как воду ощущают руки
касание этих расстояний,
которые неумолимы
и обозначены бессрочно,
строка, что превратилась в точку,
так далека, почти незрима.

Вода деревья разбудила,
Лизнув шершавые стволы.
Весенним ветром закружило
Пыльцу от вербы, от ветлы.
Разлив весенних вод беспечен.
Заполнив доли и поля,
Существованьем быстротечным
Бурлят весенние моря.
Стихия чувства будоражит,
И сердце снова чуда ждёт.
С теплом, с корабликом бумажным
Весна идёт, весна идёт!

Листва перезимовавшая,
Намокшая талым снегом,
Забыла морозы вчерашние
И радуется набегам
Ручьёв, подтопивших валежник,
И «зайчиков» от машин,
Ей слышится шёпотом нежным
Шуршанье шипованных шин.

Длиннее двух тысячелетий
Путь чуда Боговоплощенья.
И невозможно не заметить,
Что свет своё перемещенье
В мгновенье ока совершает.
Желтое жёлтого на синем
Пыльца от вербы отлетает,
И шепчут трепетно осинки:
– Воскресе...
Лёд последний тает.

Щеки шершавое касанье,
Твой нежный поцелуй в плечо
И пробужденья состоянье,
А расставанье – ни при чём.
Весенний утренний морозец
Дохнул в окно, но теплота
Такая от тебя исходит,
Что всё возможно, жизнь – проста.
И это сказочное утро
Живёт в мечтаниях моих.
И пишется легко и смутно,
И сбивчиво счастливый стих.

По разнотравью босиком
Поскольку дождь, поскольку лето,
И обувь, что была надета,
С намокшим тонким ремешком,
Теперь в руках. Грохочет где-то
Слегка охрипший грозный гром.
По разнотравью босиком
Для нас – хорошая примета,
Поскольку редко мы вдвоём.
Красивый шарфик в перелеске
Потерян радугой. И вместе
За радугой вослед идём....

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду...*

И.А. Бунин, 1909 г.

Покой в душе как счастье осязаем.
Когда открыто настежь в сад окно –
Мы счастье вместе с воздухом вдыхаем,
И бесконечным кажется оно.

Несётся ветер над цветущим краем
Теплом весенним всё озарено...
О счастье мы не так уж много знаем,
Оно нам в ощущениях дано.

Вот рошица вдали зазеленела,
То пеночка поёт, то чайки вскрик,
Водой студёной полнится родник.

А облачко овечкою несмелой
Бескрайней синевой бредёт ко мне.
И сердца стук созвучен тишине.

Созерцать
суетливость
сороки
стало
скучно.
Созерцание
сопричастно
сну
спокойному,
сонному
слуху,
серпантинному
спуску
со склона,
стылым
солнечным
светом
согретому

Огонь
Дрова
И лижет
И грызёт.
И языки,
И зубы
Горячи,
Метанья их
Внутри
Печи
Из дров
Преграда
Не переживёт

Падает ангел без крыльев
Или становится облаком,
Льётся дождём обильным
Или слёзным потоком
Не по могильным плитам,
По щекам, с мольбою бессвязной,
Ещё не ставшей молитвой –
Человеку в жизни отказано...

Прощался и сказал:
– Прощай!
И я ответила:
– Прощаю...
Разлуки холод ощущаю,
Май принимая за февраль.

Мне так не хватает твоих ладоней,
Их нежности внутренней, шершавости потусторонней.
Мне так не хватает твоего взгляда, который искрится,
В который можно нырнуть, утонуть, раствориться.
Но постоянно чувствую рядом твою душу.
И ощущение это время совсем не рушит.
И уже не ищу ни причин, ни следствий истоки,
Потому что есть ты... И тебе пишу эти строки.

Твоё на выдохе «скупаю»
Стучит в висок и греет душу.
Чувств резонанса не нарушу!
И тоже трепетно скупаю,
и отдаю, и получаю...

Жизнь протекает по своим законам,
Наукою не понятым вполне,
С весенним пробуждением зелёным,
Рассветом, наблюдаемым в окне.
Открыт закон земного тяготенья,
И есть законы превращенья вещества,
Но нет закона взглядов притяженья
И душ родства.

Как пожелать тебе перенестись в пространстве
На сонный берег с утренней волной,
С туманом зыбким – символом непостоянства,
Со мной у кромки водяной?

Без предисловий, без предупреждений
Приходит осень жёлтым наважденьем,
Наивная голубизна небес
В листопаденьи наблюдает лес.
Пожухлая листва всё ловит ветер.
И всё кончается когда-нибудь на свете.
Лишь ожиданье может длиться вечно,
А новизна стареет быстротечно.

Знаем про горечь – и всё же срываем рябины кисти.
И понимаем, что спорить бессмысленно с истиной.
С будущим временем в дымке прошедшего
Всё же справляемся как сумасшедшие...
Когда ж нам решимости не доставало?
Ударит мороз – не покажется мало!
И привкус рябиновых ягод меняется.
Страхи уходят, и линии жизней смыкаются.

Поэту во всяком времени
Судьбой уготован крест:
Чувствовать тяжесть бремени
И зорче смотреть окрест.

Можно лирично-беспечно
Броситься прямо в траву
И метроном сердечный
Слушать, смотря в синеву.

Но не дают покоя
Тонкости ремесла,
Чтобы небо не стало чужое
И кровью не стала роса.

На зыбкой границе, даже
У самой последней черты
Поэт устоит на страже
Света и доброты!

Мало дед говорил о войне.
Осознали мы это не сразу,
Или детская память вполне

Не смогла сохранить все рассказы.
Лихолетье родимой земле
И душе отдавало приказы...

В День Победы на нашем столе –
Фотографии, письма, награды.
Так живёт эта память во мне.

Поколениям будущим надо
Сохранить добрый мир на земле,
Злу бесстрашно поставить преграду.

Мало дед говорил о войне...

Когда Донбасс после войны отстроим –
Как будет много городов-героев...
Они дополняют тот почётный строй,
Что от Второй остался, мировой.

Лишь тот в сражении страшном побеждает,
 Кто дом, родную землю защищает,
 А если мотивации иные –
 Настигнут все проклятия земные.
 Победа только праведным приходит,
 История иных примеров не находит.
 Пусть будет много городов-героев,
 Отстроим и построим и достроим,
 Но без войны, но без войны...

Как не понять мне праздники по-русски...
 Понятны все истоки зыбкой грусти,
 Да и тоски внезапной протяжённость.
 Моя в России растворённость
 С такою концентрацией высокой,
 Что отдается всё – и зуб, и око...
 Всё понимаю, чувствую и знаю.
 И узнавая, сопереживаю.

На дальнем берегу в туманной дымке,
 Как на потёртом и нечётком снимке,
 То здесь, то там – из камышей редут,
 Три дерева в траве идут-бредут.

Зелёных крон объёмность и курчавость
 Им придают такую величавость,
 Что подойти не смеют камыши,
 Лишь с ветром тайно шепчутся в тиши.

В осенней суете
 Покинут всеми сад.
 А георгины шапками горят,
 И не пожухла мокрая трава,
 Листву не растеряли дерева...
 Откуда же предчувствие финала?
 Уехали... Чего недоставало?
 А в одиночестве так скоротечен миг,
 Особо тот – который не постиг...

«Осенний триолет»

Волна вдоль берега торопится, бежит
 От камня к камню, по песчаной отмели.
 Прошедшим чувством память дорожит...
 Волна вдоль берега торопится, бежит,
 Течение времени песчинки тормозит.
 Мы друг у друга ничего не отняли.
 Волна вдоль берега торопится, бежит
 От камня к камню, по песчаной отмели.

Скамейка осеннего парка – моё прибежище.
 Удаляешься, по опавшей листве шурша,
 Провожаемый взглядом, а я – в состоянии «не дыша»,
 Скамейка осеннего парка – моё убежище,

Наподобие шалаша, притулившегося в куцах рая.
 Ветер, медленно листьям упавшим движенье даря,
 Их листает как страницы просроченного календаря.
 Холодок от скамейки, от стиха за спину всё реальнее ощущая,

Только взглядом тебя провожаю, на оковы вокруг негодуя:
 Мне рвануться, подняться, вослед устремиться нельзя,
 Ведь иначе изменит своё направленье вращенья Земля (!),
 Долго привкус храню твоего поцелуя...

Мы сближаемся, но не мы
 Прикасаемся друг к другу,
 Потому что взгляды немые,
 И отскакивает упруго
 От ладони щека и прядь,
 А слова не имеют цену.
 Очень хочется помолчать
 И устроить немую сцену.

Это совсем немало –
 Письмо написала
 Тебе, для души...
 А ответ – не пиши.
 Прочитаешь письмо или нет?
 И насколько важен ответ?
 В почту тыкаюсь целый день –
 И не лень, не лень, не лень...

Твоя кофейная чашка
Стоит себе, мною не тронута.
Помыть-то её – не тяжко,

Но веду себя странно как-то,
Точно дверь за тобою закрыта,
Не так уж давно, а только что.

Боли нет, не саднит утрата.
И стоит кофейная чашка,
Как будто в судьбе заплаता.

А осеннее настроение –
Кофейного аромата.

Не опасайся говорить со мной
О грусти, об унынии, о печали.
Не знаю почему, но изначально
По траектории неведомой земной
Ко мне приходит благодати столько,
Что кажется порой – не по заслугам...
Делиться благодатью с ближним, с другом
Поэтому не устаю нисколько.
Не опасайся говорить со мной...

Оккупационные рассказы моей матери

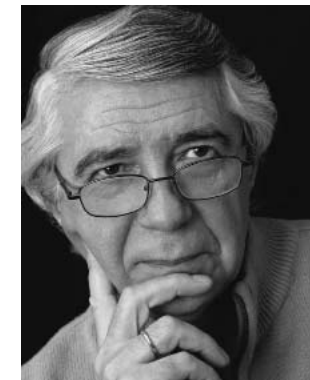
Матушка – дама почтенного возраста. Ей почти 90. Смотрит на мир просветлённо и как-то по-детски. Часто забывает мелочи повседневности, страшно мучается и переживает по этому поводу. Но на удивление помнит массу подробностей из далёкого детства. А оно у мамы в немалой степени связано с войной и немецкой оккупацией Крыма на протяжении двух с половиной лет – с осени 1941 по апрель 1944 года.

Жизнь населения в период оккупации на тех или иных территориях (за исключением героизма подпольщиков и партизан) вовсе не относится к благодатным темам, поднимаемым отечественной литературой. Да и что тут «поднимать»? Писать о том, как жили (а точнее – выживали) миллионы людей, которые по тем или иным причинам не могли уйти вслед за отступающими войсками и в состоянии брошенности остались с врагом один на один... А если, к тому же, вспомнить, что впоследствии люди, пережившие оккупацию, вынуждены были длительное время отмечать этот факт в одной из граф официальных документов. Нет, не вдохновляющая тема...

Но вернёмся к матушке, а точнее – к её рассказам о некоторых случаях из той самой «оккупационной» жизни, свидетелем которых была она – девочка 13-15 лет по имени Женя. Из них я отобрал лишь те, которые мне показались наиболее интересными. Конечно, они не отличаются героикой, но всё в них – правда...

«Мы возьмём Москву, и я женюсь на девушке Тане!»

Немцы вошли (а точнее – въехали) в небольшой крымский городок часов в 10 утра 2-го ноября 1941 года. Двигались они со стороны Симферополя по центральной улице. Вначале, грохоча и выбрасывая струи дыма, промчались мотоциклисты в

Сергей Анатольевич Скорый – родился и вырос в Крыму. Окончил Таврический национальный университет (Симферополь), аспирантуру Национальной академии наук Украины (Киев). Поэт. Член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым, Союза русских писателей Восточного Крыма. Автор пяти поэтических сборников. Стихи, проза, публицистика, переводы публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Нева», «День и ночь», «Южная звезда», «Ковчег» и многих других. Лауреат и дипломант ряда крымских литературных фестивалей. Доктор исторических наук, профессор археологии.

Живёт и работает в Киеве (Украина) и в Крыму.

причудливых шлемах и с выставленными вперёд пулемётами. За ними мягко, покачиваясь на рессорах, прокатила красивая легковая машина с офицерами, у одного из которых на переносице поблёскивало пенсне. Завершили эту кавалькаду пара крытых больших, натруженно гудящих тупорылых грузовиков с гогочущими солдатами.

Родители Жени и её сверстников строго-настроено наказали не попадаться на глаза немцам, но разве удержишь любопытных подростков! Вот и высматривали они из-за заборов диких пришельцев.

...К вечеру городок запестрел развешенными на столбах и стенах некоторых домов приказами о необходимости сообщать новым властям о коммунистах, евреях и цыганах. За их укрывательство грозил расстрел. В городке ввели комендантский час. С семи вечера до семи утра появляться на улицах запрещалось. За нарушение – расстрел. Вообще, слово «расстрел» стало наиболее расхожим в языке оккупантов и местных жителей.

...Немцы устраивались на постой. Разводил их по подворьям назначенный оккупантами староста Аг...ев. Жильцами длинного и низкого татарского дома семьи Жени стали два обер-лейтенанта и два унтер-офицера. Было им лет по 27-28, светловолосые, крепкие, у обер-лейтенантов награды – по два железных креста. Один из них при знакомстве ткнув себя в грудь пальцем, произнёс: – Ich bin Nikolas!¹

И жестом показал на остальных:

– Das ist meine militärische Freunden!²

Жене легко давался в школе немецкий, поэтому она всё поняла без труда. Позже стали известны имена иных постояльцев: Курт, Отто, Вильгельм.

...Немцы с утра старательно делали физическую зарядку, шли на завтрак в один из домов поблизости, где располагалась полевая кухня, и исчезали до вечера, взяв оружие и надев на спины большущие рюкзаки. Иногда их не было видно по несколько дней.

...Женю заинтересовала форма постояльцев. Она во многом была иная, чем у немцев, квартировавших в домах поблизости или встречаемых ею на улицах городка. Те ходили в одежде серо-зелёного цвета, в пилотках или фуражках с орлами, в сапогах с короткими голенищами. Танкисты носили чёрную форму, а живший напротив жениного дома строгий худощавый немец щеголял в чёрном мундире, но почему-то с одним погоном, и в фуражке со зловещим черепом и костями на околыше.

На «их» немцах были короткие куртки, брюки, заправленные в высокие кожаные ботинки на толстой рифлёной подошве. Головными уборами служили фуражки с длинными козырьками и отворачивающимися «ушами», которые спереди застёгивались на пуговицы. Сбоку, на фуражках – немцы называли их кепи – красовались эмблемы в виде какого-то цветка.

Однажды Курт, второй обер-лейтенант, заметив любопытный взгляд Жени, направленный на цветок, усмехнулся: «Das ist Edelweiss!»³

...Отец, как только в доме стали жить немцы, запретил говорить о них что-либо в их присутствии, тем более о Красной Армии, или партизанах, появившихся в расположенных поблизости от городка лесах, заметив при этом: – А вдруг они понимают русский!

¹ Я – Николас!

² Это мои боевые друзья!

³ Это – эдельвейс!

Однако, Женья и её мама нет-нет, да и поругивали немцев, хотя те, в общем, не давали для этого особенных поводов.

...Как выяснилось позже, отец, как в воду глядел: двое из постояльцев не просто понимали русский язык, но и могли говорить на нём. Выяснилось это совершенно случайно. Из хозяйства в семье остались две козочки Лидка и Динка, которых Женья обычно пасла неподалёку от дома. Так было и в тот вечер, когда мимо Жени проходил Николас, а Лидка вдруг оборвала поводок и побежала прочь от девочки. Немец быстро догнал козочку и схватил её за обрывок верёвки.

– Лидка, уходи от него, он – немец! – непонятно почему закричала Женья.

– А мы её сейчас резать будем! – на чистейшем русском языке и – как показалось Жене – довольно весело ответил Николас.

Женья обомлела... Она вспомнила, сколько нелицеприятного они говорили с мамой о немцах в их присутствии.

– Мой папа был долго сотрудником немецкого посольства в Москве, а я учился в русской школе! Там осталась моя любовь! Мы возьмём Москву, и я женюсь на девушке Тане! А прибыли мы к вам из Италии. Вот так-то, Женья!

...Немцы квартировали у них почти два месяца. Перед отъездом, как-то вечером, обер-лейтенант Курт, в присутствии Жени и всей семьи, вдруг задумчиво произнёс по-русски:

– У вас – хорошие альпинисты! Я соревновался со многими из них до войны, на Кавказе.

...Пройдут годы, и знаменитый русский бард и поэт Владимир Высоцкий в одной из своих военных песен упомянет немецких горных стрелков, воевавших в горах Кавказа:

*А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою.
Он падал вниз, но был спасён,
А вот теперь, быть может, он
Свой автомат готовит к бою...*

Вот так и произошло знакомство Жени в те далёкие годы оккупации с немецкими егерями одной из горнострелковых дивизий, действовавших в горах и лесах Крыма и создавших немало проблем крымскому партизанскому движению уже с ноября 1941 года...

Лицом к лицу

Танкисты – гауптман Пауль и обер-лейтенант Фриц – стали квартировать в доме Жени ранней весной 1942 года. При знакомстве с семьёй Пауль гордо объявил, что они – «истребители русских танков», подтвердив это жестом руки, словно нажимающей на курок, и возгласом «Schiessen Russische Panzer!»¹

Откуда было знать Жене, что перед ней танкисты 22-ой танковой дивизии 11-ой армии вермахта, которые действительно сыграют отнюдь не последнюю роль в будущем сражении на Керченском полуострове, разгроме Крымского фронта в первой половине мая 1942 года в ходе Крымской оборонительной операции или «Охоты на дроф», как её величали немцы...

¹ Стрелять русский танк!

Танкисты иногда приходили в комбинезонах, и тогда от них вовсю несло бензином и машинным маслом. Вблизи речки Чурук-Су (а это было рядом с домом Жени) располагался парк немецкой техники. Когда танкам прогревали моторы, они ревели как разъярённые звери, а потом грохотали тяжёлыми гусеницами по улочкам городка в сторону Феодосии.

Через некоторое время обер-лейтенант Фриц исчез...

– Kranke!¹ – хмуро сказал Пауль, хотя Жёня подумала, что Фриц не просто заболел, а его, скорее всего, ранили. Ведь в последнее время с территории, расположенной к востоку от городка, часто доносился гул канонады.

...В городе стало голодно. В семье, где помимо Жени, было ещё трое душ, в том числе десятилетний брат Витя, отсутствие еды стало ощущаться в полной мере.

Как-то в дом вошёл денщик Пауля с котелком и поставил его на стол:

– Essen!²

Позже в сторону полевой кухни прошёл гауптман Пауль. И так было на протяжении всего времени, пока немец квартировал у них в доме...

...Однако голод ощущался не только в городе, а в ещё большей степени в близлежащих лесах, где базировались партизанские отряды, в том числе и комсомольско-молодёжный, в котором воевал двоюродный брат Жени семнадцатилетний Костя. Партизаны иногда совершали нападения на немецкие коммуникации, истребляя живую силу и технику оккупантов, изредка пополняли в ходе этих операций продовольственные запасы, но еды, конечно, было мало.

По этой причине люди из лесу появлялись в городе и близлежащих сёлах, пытались раздобыть хоть что-нибудь из съестного. Нередко в их числе был и Костя, который заходил в дом Жени. И хотя у них с едой было совсем негусто, отказать родственнику они, понятное дело, не могли.

Вот и в этот поздний вечер раздалось тихое царапанье в оконное стекло, и, когда отец Жени приоткрыл одеяло, которым оно завешивалось (а закрывать окна был приказ немцев, поскольку над городом иногда появлялись наши самолёты и начинали бомбить его), он увидел смутно белеющее лицо Кости.

– Немцы есть?

– Нет! Заходи быстрее!

Постояльца Пауля не было. Он ушёл играть в карты к офицерам, квартировавшим по соседству.

...Костя стоял посреди комнаты, с автоматом наперевес, широко раскрыв вещевой мешок. Мать Жени собирала нехитрую снедь, а брат Витя с интересом смотрел на пришельца из леса, особенно на его ППШ.

...В дверь громко постучали.

– Пауль! – побелевшими губами прошептал отец. Костя метался по комнате.

– Прячься за одеяло, в проём окна!

...Пауль был слегка навеселе, явно в благодушном состоянии. Он положил на стол несколько шоколадных конфет и потрещал по голове Витю:

– Kinder, essen!³

И в этот момент одеяло с шелестом свалилось на пол, и Костя в согнутом в три погибели положении с вещмешком и автоматом предстал перед изумлённым немцем.

¹ Больной!

² Кушать!

³ Ребёнок, кушать!

...Они пристально смотрели друг на друга. Партизан Костя, по сути, ещё мальчик с исхудавшим, измученным лицом, судорожно вцепившийся пальцем в спусковой крючок автомата. И дородный, по крайней мере, вдвое его старше, немецкий танкист, на поясе которого, в кобуре висел тяжёлый «Вальтер»... В соседней комнате, где жил Пауль, под подушкой лежал ещё автомат системы Шмайссера. Но это – в соседней комнате...

Видимо, каждый в эти мгновения думал о своём...

Костя: – Немца убью, но вырваться из города не удастся!

Пауль: – Опущу руку к «Вальтеру», а этот сумасшедший русский нажмёт на курок!

...Секунды казались вечностью. И вдруг немец, отойдя в сторону, устало махнул рукой, показывая на дверь:

– Weg!¹

...Семья сбилась в стайку. Пауль сел и вытер пот со лба:

– Wer diesser war?²

Жёня, путая русские и немецкие слова, сказала, что этот человек пришёл в дом попросить хлеба.

Немец криво усмехнулся и произнёс что-то типа «У вас все ходят просить хлеб с автоматом?».

Затем он исчез. Отец сказал матери забрать детей и укрыться у соседей. Все отчётливо понимали: за связь с партизанами грозит расстрел.

...Пауль появился утром, один, сделав вид, что ничего не было. Однако вечером, когда вся семья уже была в сборе, зашёл в их комнату и сказал Жёне, чтобы она перевела:

– Сегодня я буду спать здесь! Если придут люди за хлебом, с автоматами, – тут он, как показалось Жёне, слегка подмигнув ей, – скажете, что я – ваш больной родственник Иван!

Немец действительно переночевал в их комнате одну ночь. По-видимому, визит лесного гостя перепугал его не на шутку. Тем не менее, гауптман не донёс на семью в комендатуру, хотя сделать ему это, конечно, не составляло труда.

...В начале мая танковое подразделение, в котором воевал Пауль, покинуло их городок.

Лжепартизан Василий Иванович

Отца Жени, Василия Ивановича, в своё время в армию не взяли... Будучи ещё мальчишкой, лет семи от роду, ездил он со старшими братьями в лес, по дрова, однажды поздней осенью промок до нитки и получил сильнейший ревматизм. Ноги его время от времени опухали и болели до такой степени, что ходить было трудно. Какая ж тут армия! По этой причине не попал он и на фронт, когда началась война.

А изначально здоровьем и природной силой Василий Иванович был наделён немальми. Мама Жени, Александра Константиновна (или – Шура, как её звали соседи), любила вспоминать, как, будучи её ухажёром, он, чтобы произвести неизгладимое впечатление на свою зазнобу, на глазах гуляющей

¹ Прочь!

² Кто это был?

молодёжи залез под пасущегося жеребца и поднял его на плечах. Но это было в молодости.

...С началом оккупации сотрудничать с немцами – как это делали некоторые жители города – отец Жени не стал. И хотя главным для него, как, впрочем, и для многих других, было сохранить семью в это нелёгкое время, идти на сговор с совестью он не хотел. Живности на подворье, за исключением двух молодых коз, уже не водилось. Выживали в основном за счёт того, что выращивали в огороде и запасали потом на зиму. С хлебом были большие проблемы.

Вот и пришла в голову отцу Жени мысль заняться извозом, благо, дело с лошадьми он имел с раннего детства. Ну, и потом – война войной, а людям всё равно что-то нужно порой перевозить или куда-то ехать. А оплатой – так, вероятно, рассуждал глава семьи – глядишь, и будут какие-либо продукты!

Правда, была в этом деле одна загвоздка: бричка у Василия Ивановича была в наличии, а вот тягловой силы – лошадей как раз и не было. Однажды сосед Алим, крымский татарин, прослышав о мечте Василия Ивановича, сказал ему, оглядываясь по сторонам:

– Слышь, Васька, говорят, что партизаны, – и тут он перешёл на шёпот, – на днях немецкий гужевой обоз разбили, в лесу, километров за десять от города. Говорят, там кони теперь бродят бесхозные...

...Отец Жени собрал в котомку что-то из еды, сказал матери, чтобы не волновались, и ушёл на отлов бесхозных лошадей.

...Трое суток не было видно Василия Ивановича. А на четвёртые сосед Алим постучался к ним в дом с утра:

– Шурка! – обратился он к жениной матери. – Там твоего Ваську со связанными руками в комендатуру повели...

Мать запричитала и кинулась из дома. Возле здания комендатуры с повязками на руках стояла группа полицейских. Поодаль от них – немецкий офицер. Напротив комендатуры висела виселица, на которой ещё недавно висело несколько партизан и подпольщиков.

– Петро! – закричала Шура одному из знакомых горожан, работающему в полиции. – Ты моего Василя здесь не видел?

– Чего ж не видел? Видел! Поймали твоего партизана бородатого, когда из лесу выходил. Всех их скоро переловим! Под замком до утра посидит, а там немцам решать, что с ним делать!

– Ja! Ja! – кивнул немец. – Partizanen – kaputt!

Александра Константиновна поплелась домой на подгибающихся ногах.

...Вечером Женя с узелком еды пришла под комендатуру.

– Дяденька, передайте отцу поесть! – попросила она стоящего с винтовкой полицая.

– Зачем ему еда! Его завтра вешать будут! Он уже знает об этом! Иди прочь, глупая девчонка!

... Василий Иванович незадолго до похода в лес лежал, маялся больными ногами, не брился и отпустил небольшую бороду. За время скитания по лесу в поисках лошадей, борода отросла ещё более. И когда он появился в старом ватнике, с котомкой за плечами, обросший бородой, сидевшие в засаде у леса полицай, конечно, приняли его за партизана, радостно скрутили руки, надеясь на «заслуженное» поощрение со стороны немцев. Внешний вид отца Жени абсолютно соответствовал представлениям оккупантов о том, как выглядят партизаны. Правда, у этого «партизана» почему-то с собой не было оружия...

...С раннего утра мать зашла к соседу Алиму, прося его подтвердить в комендатуре, что он-де знает хорошо её мужа, и Василий – никакой не партизан! Сосед, поразмыслив какое-то время, согласился:

– Смотри, Шурка, Аллаху угодное дело делаю!

...Из здания комендатуры вышел староста Аг...ев в щеголеватых сапогах и заломленной на голове шапке-кубанке. Мать Жени с заплаканным лицом и сосед Алим, активно жестикулируя руками, стали уговаривать старосту отпустить Василия.

– Ладно! Ждите! – сказал тот и скрылся за дверями здания.

...Александру било крупной дрожью. За спиной Аг...ева, прихрамывая, показался Василий с виноватым лицом.

– Благодарю Бога, соседа и меня! – небрежно бросил староста. – Не хрен по лесам шляться, следующий раз – точно повесим!

Мать Жени ахнула:

– Вася, что у тебя с головой?

– А? Что? Где? – не понимая, схватился тот за голову.

– Да она ж у тебя наполовину белая! – и Александра горько заплакала.

...Так, отец Жени и мой будущий дед Василий Иванович посидел за одну ночь в ожидании смертной казни...

«Отпустите, пожалуйста, конфеты этой фрау!»

...Начало апреля 1944 года. Уже несколько месяцев, как немцы в доме родителей Жени не квартируют. Может, потому, что находится он в полукилометре от леса, а партизанские налёты что ни день – то сильнее. По ночам часто слышны выстрелы, автоматные и пулемётные очереди, иногда разрывы гранат. Судя по дальней канонаде орудий, долетавшей в город с севера и востока, фронт стремительно приближается к Крымскому полуострову.

...Как-то вечером вблизи их дома, прогудев, остановилась большая крытая машина.

Из кабины вышел немецкий офицер с рукой на перевязи, что-то сказал солдатам, и те стали вводить под руки и вносить в дом на носилках стонущих раненых...

Немцы заняли две комнаты. Было их человек пятнадцать. Судя по чёрной форме, танкисты. Женя видела: раненые лежали не только на двух кроватях, но и на полу, на расстеленных шинелях, покато. Суетился пожилой доктор, офицер, делая перевязки, ему помогали два санитары. Врач приказал матери разжечь печь и кипятить воду...

Раненые немцы пробыли в их доме совсем недолго. Буквально за день до их отъезда, тяжело хромя на правую ногу, во двор вышел один из танкистов. Было ему лет двадцать пять, темноволосый, с лицом, заросшим щетиной. Увидев Женю, произнёс:

– Wasser, wasser!¹ – и показал жестом, что хочет пить.

Женя принесла ему из колодца большую кружку холодной воды.

Немец пил большими глотками:

¹ Вода, вода!

– Danke! Was rufen kleine Frau?¹

Женя назвала своё имя.

– Ich bin Paul!² – и танкист заковылял обратно в дом...

...Лето 1958 года. Евгения и её муж Анатолий, партийный работник среднего звена, отдыхают в Мисхоре, вблизи Ялты, в санатории «Днепр». Это было время, когда полки магазинов вовсе не ломались от продуктов, а некоторые из них, те же шоколадные конфеты, считались большим дефицитом. И вот однажды горничная, что убирала у них номер, «по секрету» сообщила Евгении, что в соседнем санатории, в буфете, продают шоколадные конфеты. Правда, обслуживают исключительно иностранцев, там сейчас как раз группа немцев из ГДР.

– Толя, пойдём, купим конфет! – обратилась она к мужу.

...В буфете, помимо пары иностранцев – молодожавой дамы с модной причёской и её слегка седовласого спутника, опирающегося на палку, никого не было.

– Взвесьте мне, пожалуйста, полкилограмма конфет «Каракумы»! – обратилась Евгения к упитанной буфетчице и стала искать кошелёк с деньгами в сумочке.

– Женщина! Вы что, не знаете, здесь обслуживаются только иностранцы! Вы же, – и тут лицо буфетчицы приняло слегка пренебрежительное выражение, – к ним явно не относитесь!

Краска залила лицо Евгении. Вдруг немец, прислушивающийся к их разговору, прихрамывая, подошёл к стойке:

– Отпустите, пожалуйста, конфеты этой фрау! – произнёс он с лёгким акцентом.

...Евгения взяла кулёк, руки у неё тряслись так, что несколько конфет упало на пол. Мужчина, опираясь на палку, нагнулся, затем протянул ей конфеты.

– Спасибо! – тихо промолвила Евгения.

...Немец, хромая на правую ногу, не спеша шёл по аллее со своей спутницей.

– Пауль! – вдруг закричала Евгения.

Мужчина стремительно обернулся.

– Пауль! – и она была уже рядом с ним. – Помните: война, 1944 год, крымский городок, вы – ранены, я вас ещё водой поила!

Немец пристально глядел на неё и молчал. И молчание это было долгим.

«Неужто, он не узнаёт меня?», – крутилось в голове у Евгении, а память настойчиво возвращала её в сорок четвёртый год...

– Wer dieser, Paul? Wer dieser?³ – пытливо вопрошала своего спутника немка.

– Женя, кто этот немец? Кто он? – с лёгким удивлением спрашивал жену Анатолий.

Но ответа, ни на немецком языке, ни на русском – так и не прозвучало...

¹ Спасибо! Как зовут маленькую женщину?

² Я – Пауль!

³ Кто это, Пауль? Кто это?

ПРОЗА

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Бунина, Чехова и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Лауреат первой степени международного литературного конкурса «Любви все возрасты покорны – 2014», Академик русской народной поэзии XXI в. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-веки» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014). Живёт в Москве.

Назидания

*Делами заработай право
других учить себе во славу.*

Брант Себастьян

*Правила и принципы не научают всему,
что надо делать, но указывают на то,
что следует избегать.*

Иван Стаднюк

Дверь и ручка (басня)

Дверная Ручка-Белоручка
Хвалилась Двери:
«Со мною все за ручку
Здороваются звери,
При встрече каждый рад
Полюбоваться мною,
Тебя же – норовят
Пихнуть ногою.
И поделом, ведь я тебя
Красивей и умнее,
И, откровенно говоря,
Нужнее».

Как только Ручка замолчала,
 Ей Дверь резонно проскрипела:
 «Когда бы надобность во мне отпала,
 И ты осталась бы без дела».
 Мораль сей басни налицо:
 Хвалилось курице – яйцо.

Сапог

Хвалился всюду всем Сапог:
 «Прошёл я тысячи дорог!
 Коль надо, столько же пройду –
 Не спотыкнусь, не упаду!»
 Но вот попал в мазут Сапог –
 Застрял и вылезти не смог.

Сорока

Летела Сорока высоко,
 О хитрой Лисице вещала,
 А села на луг, недалёко –
 Сама в её лапы попала.

Гусь

Говорил Гусыне Гусь:
 «Никого я не боюсь!»
 Вдруг Лиса к нему подкралась –
 Без Гуся Жена осталась.

Сосед

Мне советовал Сосед
 Заиметь велосипед.
 Сам же, видно сгоряча,
 Заимел два «Москвича».

Воробей

Нередко в стае голубей
 Порхает юркий Воробей.
 Он и гнездо тут рядом вьёт,
 А заодно – клюёт и пьёт.
 Бывает и среди людей
 Такой Пройдоха-Воробей...
 Но ведь известно с давних пор,
 Что воробьишка – плут и вор.
 Советую я вам, друзья,
 Гнать вон Пройдоху-Воробья!

Паук

Пауком становятся не вдруг:
 Сначала сети вьёт Паук.
 Вот тут его и стереги,
 Коль жизнь и воля дороги,
 Иначе – в сети попадешь,
 И пропадешь.

Плут

Он был дурного воспитанья,
 А потому – и хам, и плут:
 В нём нет раскаянья, признанья,
 Он интриган и баламут.
 Клевет и сплетен разных спец,
 Он знал все новости всегда –
 И предавал людей, подлец,
 Без сожаленья и стыда.

Храп

О, как противен этот храп!
 Я у него – несчастный раб,
 Меня везде он стережёт
 Через раскрытый чей-то рот.
 В ночной божественной тиши
 Его ничем не заглушить.
 Через любую стену, дверь
 Он ломится ко мне как зверь,
 В постель змеёю заползает
 И душу бедную терзает...
 В тот миг, чтоб храпу навредить,
 Готов я в глотку нож всадить!

Мечты

Мечты, мечты, вы как цветы
 В уме порой цветёте,
 Но вдруг, достигнув высоты,
 Как сон, как ветер пропадёте.
 Счастливый тот, кто ваш полёт
 Умеет бережно хранить
 И обязательно найдёт
 Для вас живую нить.
 И уцепившись за неё,
 Во благоденствие своё,
 Чего-то совершит,
 И ваш невидимый полёт
 В реальный превратит.

Луна

В тучах бледная луна
 Одинок бродит:
 То появится она,
 То опять заходит...
 В её облике печальном
 Ничего живого нет,
 Потому что изначально
 Отражает чужой свет.

Не падай духом, друг!
 Иди смелее прямо,
 Тогда ни горе, ни испуг
 Тебя не сбросят в яму.

Жизнь продлевай активностью,
 Трудом, любовью и учтивостью.

Чтоб жизнь была лучше,
 Светлее и краше –
 Любите получше
 Отпрысков ваших.

Легко учить и поучать,
 Труднее отвечать...
 Но если глубже заглянуть,
 То здесь – познания суть.

Хотел гостям я почитать стихи
 И усадить их в сказочную лодку,
 Но, всем моим желаньям вопреки,
 Они предпочитали водку...

Жёлудь – семя,
 Но придёт время,
 Когда и лес, и лесоруб
 Обретут могучий дуб.

У бездельника Глеба –
 Ни воды, ни хлеба.
 У работающего Ивана –
 Есть пироги и сметана.

С хлебом да с коровой
 Будешь сыт и здоровый,
 А с мякиной-лебедой –
 Повстречаешься с бедой.

Не спеши, когда дела хороши.
 Спеши тогда, когда беда.

За звездою не тянись,
 За поганкою не гнись.

Сдвинуть горы соберёшься –
От натуги надорвёшься.

Прежде чем пирог испечь
Приготовить надо печь.

Трещит трещотка без умолку,
А никакого нету толку.

Чтобы делом управлять –
Надо его знать.

Правишь дело – вникни в суть,
Чтоб людей не обмануть.

Старайся мыслить глубоко,
А не порхай, как бабочка, легко.

Воистину, лишь тот мудрец,
Кто, начав дело, предсказал конец.

Не забудь, поевши мёда,
Вспомнить пчёл и пчеловода.

Заранее заткнувши уши
Не говори, что хочешь слушать.

Любовь и верность матерей
Сильнее тысячи смертей.

Верным будь земле своей –
Станешь сильным, как Антей.

Учись у Солнца, дорогой Поэт,
Народу отдавать тепло и свет.

Люби природу – колыбель твою,
Храни её, как жизнь свою.

Если каждый день трудиться –
Можно многого добиться.

Желание и умение –
Всё сделают без промедления.

Сумел немного отдохнуть –
И снова в путь!
Иначе к цели не дойдёшь
И счастья не найдёшь.

Не жди,
Когда пойдут дожди
(особенно в палящий зной),
Бери ведро – и за водой:
И зацветут твои цветы,
И счастливым будешь ты!

Дела по-честному твори,
Ни людям, ни себе не ври.

Не для Сокола
Кружить вокруг да около,
Сокол видит издалека
И жертву бьёт наверняка.

Жаворонок
Оттого весел и звонок,
Что высоко летает,
Первым солнышко встречает.

Высок кол, да гол.
Мала трава, да кудрява.

Слова любви и привета,
Как лучи света:
Душу согревают,
Сердце вдохновляют.

Ты сел на бархатный диван
И что-то пишешь, пишешь...
Когда же, наконец, Баян,
Ты голос критики услышишь?

Он и прозаик, и поэт,
Но его не знает Свет.

Не грусти о цветах отцветающих,
Они снова весной расцветут,
А грусти о годах улетающих,
Они больше к тебе не придут.

Не проявляй излишне рвение,
В любых делах имей терпение,
Тогда конечный результат
Умножится во много крат.

Уныние и плач
Не принесут удач.
Терпение и труд
Преграды все берут.

Без всякого сомнения
Есть много точек зрения,
Но точно знаю я,
Что главная – моя.

Не дай Бог муки
Сидеть сложа руки,
Тогда ты не живёшь,
А, словно вошь, ползёшь.

От тяжестей житейских не горбись,
С недугами и бедами – борись.

Своею старостью лишь тот довольный,
Кто до неё активным был и вольным.

Рано утречком вставай,
Первым солнышко встречай.
Прогони хандру и лень
И работай целый день:
Будешь весел и богат,
И себе, и людям рад.

Мы в житейской круговерти
Не замечаем, что
Лишь избранным дано бессмертие,
А остальным – ничто.

Человека ругать –
Отношения усугублять,
Дурную его закваску
Исправляй добром и лаской.

Знай, умей и подмечай,
Ложь от правды отличай.

Душа, как птица –
Свободной быть стремится.

Не разрешай, не допускай,
Но, разрешая, – допускай.

Не бойся того, чего не знаешь:
Вникни в дело и узнаешь.

Чтоб о тебе заговорили –
Надо сказку сделать былью.

Много сказано-пересказано,
Но и многое недосказано.

Не доводи ум до замутнения
И жизнь пойдёт без затруднения.

Суди о человеке по делам,
А не по его словам.

Праздно не живи,
С книгами да с работой дружи

Молодые – растут и веселятся,
Старики – грустят и смерти боятся.

Работай, но не спеши,
Тогда и результаты будут хороши.

Профессиональное умение
Всё сделает без затруднения.

Если ты подарил человеку счастье,
то ты – Человек; если ты подарил
многим людям счастье, то ты –
Настоящий Человек; если ты
подарил целому народу счастье,
то ты – Великий Человек.

Надо успеть сделать дело до того времени,
пока не поймёшь его бесполезность.

Ни одна ценная мысль, высказанная
человеком, не должна исчезнуть бесследно.

С того времени, когда человек узнаёт
о неизбежности своей смерти, он
неразлучно живёт с нею всю свою жизнь.

Внутренняя и внешняя культура человека –
от самого человека.

Знания и убеждения –
Сильнее принуждения.

Каждое поколение людей
имеет свою культуру
и своё отношение к ней.

То бабка не хочет, то дедка не может,
то внук не даёт...

Нельзя без правил и эмоций
При сочинении стихов,
Иначе, как моряк без лоций,
Поэт утонет в море слов.

В стихах главное не рифма и размер,
а поэтический смысл, сказанный
как можно короче и яснее.

Человек, как стрелка барометра:
– когда стрелка ползёт на «осадки», то тревога
и беспокойство изнуряют человека;
– когда стрелка неподвижно застыла на «переменно»,
то апатия и безразличие в душе человека;
– когда же стрелка долго и неподвижно стоит на «ясно»,
то в бодром и приподнятом настроении находится человек.

Каждый человек может выразить себя как личность.
В основном, это проявляется в его характере, профессии и хобби.

Любовь человека – и реальна, и абстрактна:
она одновременно нужна и его телу, и душе.

Есть прыть и стать у Петуха,
И перед курами не глуп,
Но есть у Пети потроха –
Для хитрой Лиски суп...

Пословицы и поговорки моего деда Ивана Агафоновича Устинова (1874-1962)

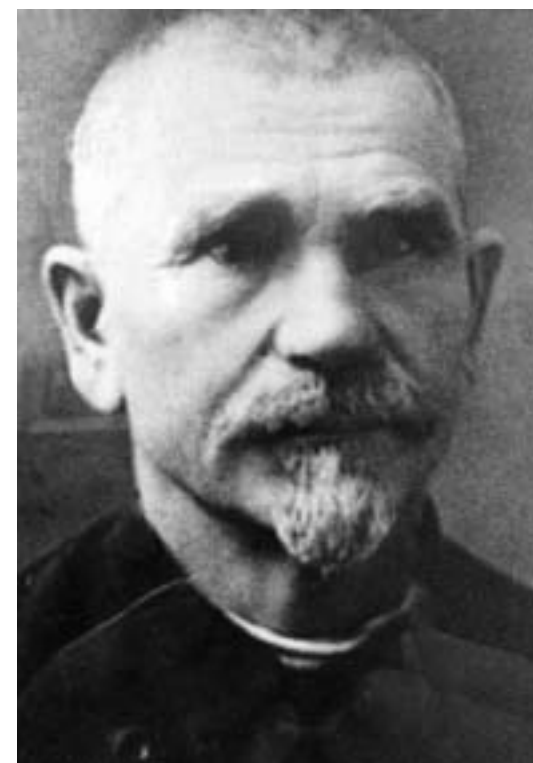

Фото из семейного архива:
Иван Агафонович Устинов, дед Анатолия Васильевича Уварова

Увидишь цветочек – не рви его,
а посмотри на него и подумай:
ах, как он красив, чтоб мне быть таким!

Каждый цветок должен ту землю украшать,
где он родился.

Жизнь – штука мудрёная.

Жизнь – хитрая игра.

Жизнь – бесшабашная, она сорви-голова...

Дело не делай, но от дела не бегай.

Можно так, можно эдак,
А можно ещё как-нибудь...

Нет уж – не казаченьки,
Нет уж – не молоденьки:
В борозде на пашенке
Запахались годики.

Или:
Кезьминским заводиком¹
Прогудели годики.

Женщины в перебранке,
Как монеты одной чеканки.

¹ Спиртзавод в с. Кезьмино

Хочу-хочу, да не буду...

Люди – бедолаги, живут истеребя кишку.

Поживём, почудим да и умрём...

Заросла бурьяном прежняя мечта...

Все хотят деньгами
Кошелёк набить:
С ними да с дружками
Веселее жить.
Проще показаться
Добрым и простым,
А потом остаться
В памяти святым.

Никнут незаметно силы молодецкие...

В жизни – каждому своё:
Каждый как умеет Лазаря поёт.

Люди в жизни этой,
Как грибы-поганки,
Как гроши-монеты
Одной чеканки.
Сами себя гробят,
Сами себя бьют,
Что не эдак робят¹,
Что не чисто жнут.

¹ Работают

Всё у всех воруют,
Всем и всюду врут,
Потому что знают:
Всё равно умрут...

Полю – хлебороба,
Морю – рыбака:
Работайте до гроба
За нюх табака!

Ешь, но не переeday,
Пей, но не перепивай –
Во всём меру знай.

